

**СЛАВЯНСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Выпуск 1

Санкт-Петербург

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

УДК 80/81
ББК 81.2
С-47

Редакционная коллегия

С.Св. Волков, канд. филол. наук, доцент, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), **Е.В. Генералова**, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. ун-т, **Р. Драгичевич**, докт. филол. наук, проф., Белградский ун-т (Белград, Сербия), **В.С. Ефимова**, докт. филол. наук, Институт славяноведения РАН (Москва), **Е.И. Зиновьева**, докт. филол. наук, проф., Санкт-Петербургский гос. ун-т, **В.Н. Калиновская**, канд. филол. наук, доцент, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), **К.И. Коваленко**, ответственный секретарь издания, канд. филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), **Л. Макариоска**, докт. филол. наук, проф., университет Св. Кирилла и Мефодия, (Скопье, Македония), **И.А. Малышева**, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), **Е.П. Мирчева**, докт. (PhD), проф., Институт болгарского языка «Профессор Любомир Андрейчин» БАН (София, Болгария), **О.Н. Никитин**, докт. филол. наук, проф., Московский гос. областной ун-т, **М.Н. Приемышева**, докт. филол. наук, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), **Г.В. Судаков**, докт. филол. наук, проф., Вологодский гос. ун-т, **О.В. Трофимова**, докт. филол. наук, проф., Тюменский гос. ун-т, **М.И. Чернышева**, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Ответственные редакторы выпуска

к.ф.н. **Е.В. Генералова**, к.ф.н. **В.Н. Калиновская**,
д.ф.н. **И.А. Малышева**, д.ф.н. **М.Н. Приемышева**

Рецензенты: **Васильева О.В.** канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. ун-т, **Старовойтова О.А.**, канд. филол. наук, доцент, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН.

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 1 / Институт лингвистических исследований РАН / Ред. Е.В. Генералова, В.Н. Калиновская, И.А. Малышева, М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. 256 с.

Сборник «Славянская историческая лексикология и лексикография» (вып. 1) содержит статьи, посвященные истории славянской лексики (XI–XIX вв.) и проблемам ее лексикографического описания. В статьях рассматриваются вопросы изучения источников по истории лексического состава русского языка, исследования отдельных слов, устойчивых выражений и лексико-семантических групп, способов их лексикографического представления. Отдельное место в сборнике занимают статьи, посвященные научному наследию известных лингвистов.

ISSN 2658-3755
DOI 10.30842/26583755
DOI 10.30842/265837552018 (1 Вып.)

© ФГБУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук
© Коллектив авторов

Предисловие

Сборник «Славянская историческая лексикология и лексикография», инициатива создания которого принадлежит сотрудникам Института лингвистических исследований РАН и Межкафедрального словарного кабинета им. Б.А. Ларина (СПбГУ), призван возродить, поддержать и развить научные традиции, заложенные изданием «Русская историческая лексикология и лексикография», издававшимся в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете с 1972 года.

Сборник «Русская историческая лексикология и лексикография» (1972–2015 гг., опубликовано 9 выпусков) на протяжении нескольких десятилетий был основной площадкой обсуждения методологических вопросов исторической лексикологии и лексикографии, дискуссионных проблем по истории и теории языка. Выпуски содержали теоретические статьи ведущих специалистов по исторической лексикологии и лексикографии, посвященные проблемам функционирования слова в историческом тексте и его словарного описания, статьи по истории отдельных слов и выражений. В сборнике печатались мемориальные статьи о выдающихся лексикологах и лексикографах, работавших в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина, статьи из архивов, воспоминания.

Настоящий сборник призван продолжить данные традиции и включить русскую историческую лексикологию в широкий научный контекст славистики благодаря статьям, отражающим актуальные теоретические и практические проблемы русской и славянской исторической лексикологии и лексикографии.

Издание планируется как научное периодическое и будет содержать разделы по истории языка, лексикологии, фразеологии, лексикографии, источниковедению, статьи по изучению научного наследия историков

русского и других славянских языков, а также рецензии на исторические словари и новые издания по проблемам исторической лексикологии.

Первый выпуск сборника включает разделы «Лексикология», «Фразеология», «Лексикография», «Источники изучения истории лексики» и «Персоналии». Статьи отражают различные аспекты исследования истории лексики и проблем ее описания в исторических словарях: роль греческого языка на раннем этапе формирования русской письменности, анализ языка старославянских письменных памятников, значение памятников делового письма XVI–XVIII вв. для изучения словарного состава русского языка, исследование отдельных групп слов, фразеологических сочетаний, вопросы лексикографического представления слов в исторических словарях и др. Последний раздел содержит материалы, посвященные выдающимся русским лингвистам — Ф.И. Буслаеву и Б.А. Ларину.

Сборник предназначен для специалистов в области исторической лексикологии и лексикографии славянских языков, для филологов, историков, культурологов, а также для широкого круга читателей.

От редакторов

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

О.А. Черепанова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ЗАДАЧАМ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Сравнительно-историческое изучение славянской лексики на ранних этапах исторической жизни славян — задача исключительной сложности и объема в силу ряда причин, среди которых немаловажное значение имеют незамкнутость лексической системы и отсутствие релевантных источников, т. е. текстов, необходимых для ее описания. Единственный путь заглянуть в далекое прошлое славянской лексики, в праславянский период — это сопоставительное изучение словарного состава отдельных славянских языков в доступном наблюдением их историческом прошлом. К научной разработке проблем лексикологии славянская историческая компаративистика подошла лишь в XX в., когда была создана лексикографическая база, необходимая для исследований в этой сфере, — исторические и этимологические словари отдельных славянских языков (для русского языка — «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (1950–1958 гг. и 1986–1987 гг.) при наличии более ранних этимологических словарей русского языка (см. «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского, «Этимологический словарь славянского языка» Е. Бернекера); для польского языка — F. Sławski «Słownik etymologiczny języka polskiego» (1952 г.); для лужицких языков — H. Šuster-Šewc «Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache» (1971 г.); для полабского языка — K. Połański, T. Lehr-Spławiński «Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich» (1971 г.); для словенского языка — F. Bezljaj; «Etimološki slovar slovenskega jezika» (1976 г.); для болгарского языка — В. Георгиев «Български этимологичен речник» (1979 г.) и некоторые другие словари), а также словари сравнительные: L. Sadnik, R. Aizetmüller «Vergleichende Wörterbuch der slavischen Sprachen» (1963–1973) — сравнительный словарь

славянских языков — и особо значимый «Этимологический словарь славянских языков», начатый под руководством О.Н. Трубачева в 1974 г. и подходящий к завершению в настоящее время¹. Трудом историков-филологов XIX–XX вв. введен в научный оборот значительный корпус древнеславянских текстов, что также дает материал для лексико-семантических штудий в историческом аспекте. Сравнительно-историческое описание лексики славянских языков — задача настолько объемная и сложная, что в настоящее время она выполнена современной наукой лишь в определенной мере.

В 2018 году вышло в свет практическое учебное пособие «Сравнительная грамматика славянских языков»². Пособие ориентировано на традиционный вузовский курс сравнительной грамматики славянских языков, читаемый бакалаврам и магистрантам старших курсов. Курс призван расширить славистическую подготовку филологов-русистов, дать представление о славянских языках как о группе исторически родственных языков, имеющих много общего в этно- и глоттогенезе, и о русском языке как части славянского мира. Вместе с тем научные задачи вузовской русистики и славистики, а также реалии современной педагогической практики побудили расширить концептуальную и содержательную базу дисциплины, что типологически приблизило ее к вводному курсу в славянскую историческую компаративистику. Тенденции к более широкому пониманию курса можно наблюдать в истории этого курса.

Сравнительное языкознание, в том числе сравнительно-историческое изучение славянских языков, является традиционным направлением для филологической школы Петербургского университета³. В 1847 г. кафедру истории и литературы славянских наречий занял профессор, доктор славяно-русской филологии И.И. Срезневский. Именно с этого времени можно говорить о начале сравнительно-исторической русистики в Петербургском университете. По словам А.А. Шахматова, «Срезневский дал образец сравнительно-исторического изучения славянских языков, ввел в это изучение русский язык и таким образом определил тот главный фундамент, на котором должно строиться здание исторической грамматики русского языка»⁴. В 1863 году (реально в 1870 г.) была образована кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков

---

¹ Шапошников А.К. Перспектива праславянской этимологии в XXI в. // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*: Сборник научных материалов. Минск, 2017. С. 180–193.

² Черепанова О.А. Сравнительная грамматика славянских языков. Практикум. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.

³ Мещерский Н.А., Дмитриев П.А. Русское и славянское языкознание в Петербургском–Ленинградском университете за 150 лет // Вестник Ленинградского университета. № 2. История. Язык. Литература. Вып. 1. 1969. С. 80–91.

⁴ Цит. по: Дмитриев П.А. Из истории изучения славянской филологии в Санкт-Петербургском университете (XVII–XIX вв.) // Разные грани единой науки: ученые — молодым специалистам. СПб., 1996. С. 32.

(с 1884 г. — кафедра сравнительного языкознания и санскритского языка). На кафедре читали лекции И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.К. Булич; с именем А.Н. Веселовского связано сравнительно-историческое изучение литературных памятников как древнего периода, так и новых, а также произведений фольклора.

Учебный курс сравнительной грамматики в Петербургском (тогда Ленинградском) университете стал читаться для студентов-русистов и славистов в качестве спецкурса с конца 40-х годов. Первым исполнителем курса была профессор Э.А. Якубинская-Лемберг, заведовавшая (до 1961 года) образованной в 1948 году кафедрой славянского языкознания и перевода на славянские языки, преобразованной в 1955 году в кафедру славянской филологии. В дальнейшем курс стал обязательным для студентов-русистов, специализировавшихся по направлению лингвистики, и для студентов славянского отделения. После перехода на двухуровневое образование он читается магистрантам-русистам. Исполнителями курса на кафедре русского языка являлись доцент Т.А. Иванова, профессора А.С. Герд и В.В. Колесов. Более двадцати лет курс вела автор данной статьи. В настоящее время его читает профессор М.Б. Попов. На славянском отделении исполнителями курса многие годы были профессор П.А. Дмитриев и профессор Г.А. Лилич.

За время своего существования в Ленинградском–Петербургском университете курс претерпел существенные изменения. Э.А. Якубинская-Лемберг читала его в строгих рамках младограмматизма. Предметом рассмотрения был сугубо грамматический материал — именные и глагольные парадигмы. Предельно подробно рассматривалась каждая форма с анализом флексий, уходящим в индоевропейскую древность. Фонетический материал привлекался лишь как подсобный, необходимый для объяснения исторических изменений флексий. Нередко происхождению и историческому движению одной флексии посвящалась целая лекция. Следующие исполнители ввели в программу курса большой раздел фонетики, затем и фонологии, сделав его едва ли не самым обширным и углубленным, нередко за счет сокращения собственно грамматического материала. Курс в значительной мере стал историей праславянского языка, в нем расширялись и углублялись сведения, полученные учащимися в курсе старославянского языка. Отчетливо проявлялась тенденция к системному подходу к языковому материалу, особенно в разделе фонетики и фонологии. Возросший интерес к этно-философскому и антропоцентрическому осмыслению языкового материала сделал актуальной задачу показать и продемонстрировать генетическое родство славянских языков, дать историческое объяснение чертам сходства между славянскими языками нового времени, которые становятся все более яркими по мере углубления в историю, а также исторически обосновать существующие различия между ними. Такой подход потребовал расширения

уровней языкового анализа и предопределил обращение к лексике, семантике и этимологии. Именно на этих уровнях можно наиболее отчетливо увидеть проявление «духа народа», этнокультурной близости народов, являющихся основным показателем и обоснованием их исторического родства. Это дало основание включить в курс и соответственно в названное выше пособие раздел «Лексика, словообразование, семантика, этимология», однако лишь в ограниченном объеме.

Проблематика сравнительно-исторической лексикологии и семантики настолько обширна, а их научная разработка настолько далека от завершения, что в курсе есть возможность сосредоточить внимание лишь на некоторых, наиболее кардинальных аспектах. К числу таковых относится задача реконструкции праславянского лексического фонда, т. е. того древнейшего лексического корпуса, который в дальнейшем послужил базой формирования словарного запаса и лексических систем современных славянских языков, в том числе и русского. Основной, если не единственный, способ такой реконструкции — выделение пласта лексем, общих для всех или для значительной части славянских языков. Наличие такого пласта лексики свидетельствует об исконном генетическом родстве славянских народов и их языков. Те сведения, которыми располагает современная наука в отношении древнейшего словарного состава славян, позволяют ставить вопрос о его исторической стратификации. Один из вариантов такой стратификации предложил польский ученый Z. Goląb (1977 г.), выделивший шесть исторических пластов в праславянском лексическом фонде: 1) «кентумный» слой, т. е. слой унаследованной индоевропейской лексики до выделения групп «кентум» и «сатем», 2) восточный (условно «сатемный») слой, отражающий славяно-индоиранские лексические совпадения; 3) северо-западный слой, отраженный в совпадениях с италийскими языками; 4) северный слой, содержащий совпадения с германскими языками; 5) балто-славянский слой; 6) чисто славянский лексический слой¹, который также может быть стратифицирован, уже с учетом тенденций развития праславянского языка и позже — отдельных славянских языков. Эта стратификация, даже если мы не принимаем ее за абсолютную данность, отражает сложнейшие исторические процессы в области исторического движения лексики. В связи с задачами стратификации праславянского фонда первостепенно актуальным становится изучение лексических заимствований в праславянском языке.

Важнейшей составляющей сравнительно-исторического изучения лексики, а по сути, и всего корпуса языка, является этимология. Именно этимологический анализ в значительном числе случаев позволяет увидеть единый источник славянских слов, достаточно различных по семантике и

---

¹ Goląb Z. Stratyfikacja słownictwa prasłowiańskiego a zagadnienie etnogenezy Słowian // Rocznik sławistyczny. 1977. № 38. С. 15–30.

материальному воплощению, подкрепляя тем самым факт генетического родства славянских языков: это, например, хрестоматийные примеры — *бык* и *пчела*, *вонять* и *благоухать* и под. Как правило, развитие этимона в праславянском, а затем и в отдельных славянских языках и их диалектах дает возможность наблюдать семантические процессы (разного рода переносы, расширение или сужение значения и т. п.), когнитивные подвижки, обуславливающие изменения отдельных лексем или целых пластов лексики. В этимологических исследованиях оказываются задействованы факты различных языковых уровней. Наиболее актуальным зачастую оказывается обращение к фактам исторической фонетики, позволяющим идентифицировать славянские лексемы и возвести их к единому этимону (например, местоимение ст.-сл. *вьсь*, русск. *весь*, укр. *увесь*, болг. *се*, сербск. и хорв. *сав*, др.-чеш. *ves*, польск. *wszy* возводится к прасл. *вьh с учетом рефлексов второй палатализации заднеязычных в различных группах славянских языков).

Словообразовательный уровень также актуален в историко-сравнительных исследованиях лексических единиц и в общей характеристике строя славянских языков. С одной стороны, выделяются морфемы, обеспечивающие наличие определенного компонента семантики у лексемы и группы лексем (например, префикс **сж-** сообщает значение совмещенности: *сутки*, *сугроб*, *сосед* и под.), с другой — морфемы, образующие словообразовательную парадигму в одном языке или в группе родственных языков. Ср. лексемы, передающие значение 'горец, житель гор' с суффиксами -ак, -ал, -ан(in), -ес: сербск. и хорватск. *gòrjāk*, в.-луж. *horak*, н.-луж. *górak*, чеш. *horák*, словацк. *horal*, польск. *góral*; болг. *горянин*, македон. *горјанин*, словен. *gorán*, чеш. стар. *horan*, словацк. *horian*, русск. *горец*, русск. диал. *горянин*¹.

Наконец, в отдельных случаях оказывается актуальным привлечение непосредственно грамматического материала. Так, в отношении происхождения слова **невеста** одна из предлагаемых этимологий (Н. Трубецкой) соотносит это общеславянское слово с определенной глагольной формой и считает его восходящим к древнему индоевропейскому суперлативу *neϋisthā* от *neϋos* 'новый, молодой'².

Изложенное представляет аргументы, обосновывающие целесообразность включения раздела, посвященного исторической лексикологии, семантике и этимологии, в учебное пособие по сравнительной грамматике в ее более широком ракурсе. Учет позиций сравнительно-исторической лексикологии поможет учащимся также и при выполнении упражнений и заданий обобщающего, комплексного

---

¹ Этимологический словарь славянских языков / Отв. Ред. О.Н. Трубачев. М., 1980. Т. 7. С. 31, 41.

² *Бирнбаум Х.* Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987. С. 126.

характера на материале современных славянских языков. Например, при анализе текста, приведенного на нескольких славянских языках (небольшой отрывок из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина), учащиеся смогут осознать родство таких слов, как русск. *вдохновение*, украинск. и белорусск. *натхненне*; болг. *чувай*, чешск. *poslyš* и под.¹, понять текст на неизвестном им или недостаточно известном славянском языке и сделать его перевод: *chudobny* – бедные, *hrnecek* – горшочек, *vysvetliti* – объяснить и под.² В область исторической лексикологии погружают и поиски внутренней формы слова, наблюдения над результатами номинационных процессов, происходящих в ходе истории. Анализ с этих позиций позволяет еще раз увидеть и оценить многообразие средств выражения в пределах генетически единого семиотического пространства. Яркий материал для поисков внутренней формы слов дают, например, близкие по содержанию пословицы разных славянских народов: *Kojto kopae гроб другому, сам пада в него; Кто на другога яму копае, сам љ яе трапиць; Kto pod kim dolki kopie, sam w nie wrada*³. Лишь лексико-семантический анализ, подкрепленный фактами фонетики (*гроб* < *гребу*, *grebti; *dolki* и *дол*, *дольний*, *долина*), позволяет объяснить и обосновать появление этих лексем в приведенных контекстах.

Полагаем, что включение в учебное пособие раздела по исторической лексикологии, семантике и этимологии расширит общеславянистический кругозор учащихся, поможет в усвоении языковых фактов всех уровней языка в их исторической перспективе и сделает более осознанным понимание исторического единства славянских народов и их языков.

---

¹Черепанова О.А. Сравнительная грамматика славянских языков. Практикум. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.

² Там же. С. 64.

³ См.: Котова М.Ю. Славянская паремиология: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2004. С. 34; Черепанова О.А. Сравнительная грамматика славянских языков. С. 59.

М.И. Чернышева

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РОЛИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА
НА РАННЕМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
ЛЕКСИКИ ПИСЬМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА¹**

Когда созданная в 1783 году Российская Академия приступила к созданию первого академического толкового словаря русского языка, позже получившего название «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР¹), то в Предисловии к нему авторы сделали программное заявление о значении греческого языка для обогащения и развития, как тогда говорили, языка «Славенского», или — «Славенороссийского»: «Непременно нужно знать, что Славенский язык от времен просвещения славян словом Евангельской истины совсем иной получил вид и образование. Ибо Греки, принесшие к Славенским племенам Христианский закон, тщилися (т. е. старались, заботились. — *М. Ч.*) о распространении его преложением (т. е. переводом. — *М. Ч.*) книг священных и церковных на язык Славенский ... От преложения их на Славенский язык приобрел он **обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов и другие красоты языка Греческого**»² (выделение наше. — *М. Ч.*). Речь идет о церковнославянском языке, но сказанное в полной мере относится к русскому языку.

Хотя роль греческого языка в становлении и развитии древнеславянского и — позже — древнерусского языков давно изучается и, как иногда думают, хорошо и многосторонне описана, тем не менее, до сих пор не существует не только полного и исчерпывающего освещения этой темы, но даже не выработано единой общепринятой терминологии

---

¹ Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ — грант № 17–29–09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель М.И. Чернышева).

² Цитата приведена в современном написании.

именования приемов переводческой техники¹, которая в состоянии была бы полноценно отразить все стороны сложного процесса взаимодействия греческого языка — как выразителя многовековой культуры — с молодым письменным славянским языком. В целом, можно говорить о том, что роль греческого языка на раннем этапе становления письменного русского языка, в том числе его лексики, будучи весьма значительной, тем не менее до конца не определена и недостаточно раскрыта.

В небольшом очерке не представляется возможным дать полную проработку темы, обозначенной в заглавии, так что материал излагается в несколько схематичной форме, и ряд показателей влияния греческого языка на первый литературный язык славян, а в итоге — на древнерусский и русский язык — представлен с минимальным комментарием.

Оставив в стороне аргументацию, предложенную в другом месте, отметим главное: во-первых, раннеславянские переводы с греческого языка строились с учетом существовавших в то время в Европе теорий перевода, среди которых следует выделить определяющее положение: переводчик следовал двум основным принципам: пословного (*verbum de verbo* «слово за словом») или смыслового перевода (*sensus de sensu*)² (оставляем сейчас в стороне тему других переводческих возможностей); во-вторых, используемые в раннеславянских переводах с греческого языка переводческие приемы (введение в перевод иноязычной лексики и ее пояснение, двойные переводы, двуязычные дублеты, глоссирование, этимологизирование, энциклопедизм и др.) — основаны на многовековой традиции работы греческих и византийских книжников с неизвестной (иноязычной), непонятной или сложной в том или ином отношении

---

¹ Оригинальная терминология предложена в исследовании: *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997; разработкой терминологии, касающейся переводов с греческого языка, занимался также К.А. Максимович, см.: *Максимович К.А.* Законъ соудьный людьмъ. М., 2004. С. 38–52; *Он же.* Заповѣди сватыхъ отьць. М., 2008.

² Подробнее: *Шьоберг А.* Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // *Palaeobulgarica*. 1980. № 2. С. 37–42; *Hansack E.* Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1981. Bd. 26. S. 15–36; *id.* Sprachphilosophie im Hexaameron des Exarchen Johannes. Ihr Einfluss auf den Übersetzungsstil // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1986. Bd. 18. S. 57–100; *id.* Das Kyrillisch-mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1986. Bd. 31. S. 336–414; *Оgren И.* К вопросу о теоретическом и практическом базисе древнейших славянских переводов // *Подобаеъ память сътворити. Essays to the Memory of Anders Sjöberg* (Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm Slavic Studies. 24). Stockholm, 1995. С. 157–172, там же ссылки на специальную литературу и исследования А. Шёберга; *Чернышева М.И.* К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // *Вопросы языкознания*. 1994. № 2. С. 97–107.

лексикой, т. е. эти приемы в основном «подсказаны» греческими оригиналами, поскольку все они многократно использовались в греческой литературе византийской эпохи¹. Таким образом, в соответствии с основополагающим принципом средневекового мышления — «по образу и подобию» — греческий язык и греческая литература воспринимались переводчиками как авторитетный первообраз².

***

Изложение строится на материале лексики³ памятников, сохранившихся в древнерусской письменности. В основном, это переводы с греческого языка, осуществленные в славянском мире, начиная с деятельности Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей, которые дошли, как правило, в более поздних русских списках; учитываются также менее многочисленные переводы, осуществленные на Руси (древнерусские переводы)⁴. Датировка списков текстов, использованных в данной работе, не выходит за пределы XV–XVI вв., однако в ряде случаев для подтверждения освоенности описываемых лексических приемов привлекаются материалы рукописных «Алфавитов» более позднего времени.

Выделенные ниже лексические показатели переводного текста («феномены перевода»), если они преодолели этап освоения, затем были усвоены («прижились»), и на определенном этапе их стали воспринимать как собственные литературные средства древнерусского языка, так что со

---

¹ Отсюда предложенное нами понятие «византизмы» (*Чернышева М.И.* О понятии «византизмы» в языке славяно-русских переводных памятников // *Византийский временник.* 1991. Т. 52. С. 171–181).

² *Chernysheva M.I.* The Medieval Idea of Image and Likeness in the Slavonic World (The Linguistic Aspect) // *Acta XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Moscow, 1991. Vol. IV / Editor-in-Chief: Ihor Sevcenko and Gennady G. Litavrin.* Byzantine Studies Press, Inc. Shepherdstown, WV, USA, 1996. P. 37–43; см. также раздел «Выражение средневековой идеи образа в раннеславянском мире (лексикологический аспект)» в кн.: *Чернышева М.И.* Уходящие слова, ускользающие смыслы. Историко-лексикологические исследования. М., 2009. С. 35–50 ([Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10. Вып. 1: Пространство и время текста. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast10-1.2015.71; http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprov_e-ast10-1.2015.71.pdf); та же идея (с примерами синтаксической вариантности): *Она же.* К проблеме возникновения и развития синтаксической синонимии в раннеславянских переводах с греческого языка // *Folia slavistica.* Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 146–152.

³ Вопросы влияния греческого языка на синтаксис литературного древнеславянского и древнерусского языка, который во многом сформировался благодаря переводам с греческого языка (сложные синтаксические конструкции, особенности управления и др.), в данной работе не обсуждаются.

⁴ Специально об этом: *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

временем они свободно употреблялись в оригинальных непереуведенных произведениях.

Греческие лексические заимствования — «грецизмы»

В этом разделе речь идет о лексике, заимствованной из греческого языка, или о **лексических грецизмах** книжного происхождения¹. Это фонетически и морфологически адаптированные лексемы, которые вошли в письменный древнерусский язык, что доказывает их употребительность в других, переводных и оригинальных, произведениях, в том числе, более позднего времени.

В современном русском языке сохранилась только часть первоначального объема лексических грецизмов первых славянских переводов. «Грецизмы» — заимствованная лексика греческого происхождения — составляют золотой фонд русской культуры².

Традиционно выделяются следующие тематические группы «грецизмов»³: лексика сферы христианской религии, богословия, богослужения, церковной иерархии, наименования соответствующих чинов (*анафора, ангел, апостол, (архи-)дьякон, евангелие, епископ, иерей, клир, патриарх* и др.); лексика, относящаяся к государству, администрации, военному устройству, названия государственных и военных должностей, а также соответствующих чинов (*епархия, митрополия, стратег (стратиг)* и др.); календарная лексика (*индикт*, названия месяцев⁴); лексика сферы культуры: наука, искусство, литература и т. п. (*астрономия, грамота, историк, стих, философия* и др.); лексика весовой и денежной системы (*талант* и др.); лексика строительно-архитектурного дела, названия отдельных построек (*акрополь, ипподром, мрамор* и др.); названия одежды, обуви (*сандалия, стихарь, хитон, хламида* и др.); названия драгоценных

---

¹ В русском языке существует еще группа греческих слов, заимствованных, как правило, устным путем (*огурец, свекла* и др.). Эту тему сейчас оставляем в стороне.

² О роли древних языков для формирования научной терминологии, в том числе и в русском языке, существует большая литература, из последних работ, см., к примеру: *Крысин Л.П.* О роли древнегреческого и латинского языков в формировании современных терминологий // *Крысин Л.П.* Статьи о русском языке и русских языковедах. М., 2015. С. 314–318.

³ Лексические примеры даны в современной орфографии.

⁴ Учитывая сложившиеся в Средние века условия взаимодействия греческого языка с латинским, в ряде случаев можно говорить о греческо-латинском пласте лексики. М. Фасмер относил названия месяцев к народным заимствованиям (*Фасмер М.* Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // *Известия Отделения русского языка и словесности.* 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 217), однако, поскольку латинские по происхождению названия месяцев находятся в греческих литературных оригиналах, то есть основания полагать, что греческий язык в данном случае выполнял роль языка-посредника. Наоборот, латинские названия растений часто имеют греческое происхождение.

камней (*агат, сапфир* и др.); названия растений (*кипарис* и др.), кушаний и мн. др.; известен еще целый ряд лексем греческого происхождения (*аспид, варвар, гигант, герой, комета* и др.).

Следует особо отметить, что до сих не установлен полный объем лексики греческого происхождения и слов, попавших в письменные источники русского языка через посредство греческого языка.

Даже выборочные подсчеты говорят сами за себя. Наибольшее число греческих слов находится в ранних славянских переводах с греческого языка. В славянском Евангелии¹ обнаружено более 100 иноязычных, главным образом, греческих по происхождению слов². Показательны сведения о заимствованной лексике в других переводах. В славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы (Хрон. И. Малалы)³ замечено 177 адаптированных и (частично) морфологически неадаптированных слов иноязычного происхождения (общее число вместе с производными — 260). Большая часть лексики — греческого происхождения, другая часть иноязычной негреческой по происхождению лексики попала в язык перевода, а затем (отчасти) и в литературный язык того времени через посредство греческого языка⁴ (например, из латинского языка названия некоторых должностей: *магистр* и др.). В другом раннеславянском переводе — «Синайском патерике» (перевод произведения Иоанна Мосха «Луг духовной»)⁵ — обнаружено 185 иноязычных слов⁶.

---

¹ Подсчеты проводились по Мариинскому евангелию (Мариинское четвероевангелие. Труд И.В. Ягича. Berlin, 1883).

² Личные имена, названия народов, географические наименования и производные слова не входят в это число.

³ Перевод осуществлен, возможно, в X в. «Хроника» сохранилась в русских списках XV и XVI вв., цитировалась в других древнерусских памятниках письменности.

⁴ Чернышева М.И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы // В кн.: Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 402–462.

⁵ Патерик Синайский. Рукоп. ГИМ, Син. № 551; изд.: Патерик Синайский / Подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина / Под ред. С.И. Коткова. М., 1967 (наиболее близкий греческий оригинал: *Зашев Евгени Д. ΛΕΙΜΩΝ ΠΝΕΥΜΑΤΙΚΟΣ. Pratum Spirituale*. Фототипно издание (cod. Florentinus Mediceus Laurentianus, Plut. X, 3). София, 2005, ср. также: *Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. 87, ps. 3. Col. 2852–3112*; далее: PG.

⁶ Чернышева М.И. «Синайский патерик»: греческая (и иноязычная) лексика в раннеславянском переводе // Православный палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 187–231; ср. также: Дубровина В.Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 44–58.

По предварительным подсчетам, в древнерусском языке XI–XIV вв. и старорусском языке XV–XVII вв. только на букву «А»¹ зафиксировано (не считая производных) около 140 греческих по происхождению слов. Из семи выпусков на букву «С» СлРЯ XI–XVII только в двух выпусках (23 и 24 вып.) находится около 100 таких лексем, не считая производных.

Если говорить о функционировании этого лексического пласта с точки зрения хронологии, то на вопрос о том, сколько в русском языке на протяжении истории его формирования и развития появилось, исчезло и, в конце концов, закрепилось слов греческого происхождения, мы можем дать лишь очень приблизительный ответ. Единственным справочником по этому вопросу все еще остается труд М. Фасмера (см. ниже).

Проблемы объема лексического пласта грецизмов и особенностей его фонетической и морфологической адаптации обсуждались в отечественной науке с конца XIX в.² и получили полноценное описание в двух до сих пор не превзойденных работах с одним названием — «Греко-славянские этюды» — А.И. Соболевского³ и М. Фасмера⁴.

В третьей части своего произведения («Греческие заимствования в русском языке») М. Фасмер описал 1103 грецизма⁵. Позже соответствующее исследование М. Фасмер осуществил на материале сербохорватского языка⁶. Сравнительно недавно появилось соответствующее описание на материале македонского языка⁷. Наконец, с 2008 г. в Праге публикуется «Греческо-старославянский индекс»⁸. Наличие этих разработок создает предпосылки для проведения сопоставительного анализа греческих заимствований в ряде славянских языков.

---

¹ Подсчеты проводились по материалам 1-го вып. СлРЯ XI–XVII и на основании дополнений к 1-ому выпуску. См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б.* Автор-составитель М.И. Чернышева. М.: Наука, 2006.

² *Линдеман И.* Греческие слова в русском языке // *Циркуляры по Московскому учебному округу за 1895 г. Приложение.* М., 1895.

³ *Соболевский А.И.* Греко-славянские этюды (1–5) // *Русский филологический вестник.* 1883. Т. IX. № 1. С. 1–6; *Он же.* Греко-славянские этюды (6–9) // *Русский филологический вестник.* 1883. Т. IX. № 2. С. 274–278; Греко-славянские этюды (10–12) // *Русский филологический вестник.* 1883. Т. X. № 4. С. 163–166.

⁴ *Фасмер М.Р.* Греко-славянские этюды. I. Основные вопросы из области греко-славянских отношений // *Известия Отделения русского языка и словесности.* 1906. Т. XI. Кн. 2. С. 386–413; *Он же.* Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // *Известия Отделения русского языка и словесности.* 1907. Т. XII. Кн. 2. С. 197–289; *Он же.* Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909.

⁵ *Фасмер М.Р.* Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909.

⁶ *Vasmer M.* Die griechischen Lehnwörter im Srbo-Kroatischen. Berlin, 1944.

⁷ *Аргировски М.* Грцизмите во македонскиот јазик. Посебни изданија. Кн. 29. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Скопје, 1998.

⁸ *Recko-staroslověnský index. Index verborum graeco-palaeoslovenicus.* Praha, 2008.

Важным достижением трудов А.И. Соболевского и М. Фасмера стало указание на необходимость учета способов оформления звучания греческих слов: литературного и варьирующегося народно-разговорного¹, поскольку этот факт находит отражение в славянских переводах (и, соответственно, в древнерусских списках этих произведений). Так, в славянском переводе греческой «Хроники» Иоанна Малалы одни и те же слова — в данном случае названия месяцев *ἐξτίλλιος* (от лат. *sextilis* ‘шестой’) и *φεβρουάριος* (от лат. *februarius* ‘февраль’) — встречаются в разных формах: адаптированной по правилам славянской грамматики, морфологически неадаптированной, греческой народно-разговорной и греческой литературной: *екостиль*, *сикистиліи*, *секистиливсь*; *февроуарь*, *февроуаріи*, *февроуариwсь*². Причем, есть основания полагать, что в ряде случаев переводчик использовал такого рода вариантность (иногда сочетая ее с пояснением или переводом) — сознательно. Морфологически неадаптированная форма в качестве **иноязычного вкрапления** могла вводиться в перевод наряду с адаптированной для указания на особую специфику этих слов, в данном случае — негреческих³, которые могли пониматься как **экзотизмы**⁴.

Заемствуемые лексемы

Среди лексических грецизмов описываемой эпохи встречаются адаптируемые или частично адаптированные лексемы, которые можно

---

¹ См. также: *Foy K. Griechische Vocalstudien // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 1886. XII. S. 38–75; *Hadzadakis G.N. Einleitung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig, 1892; *Krumbacher, K. Das Problem der neugriechischen Schriftsprache*. München, 1903; *Thumb A. Beiträge zur neugriechischen Dialektkund // Indogermanische Forschungen*. 1893. II. S. 65–124; *id. Zur Aussprache des Griechischen // Indogermanische Forschungen*. 1897. VIII. S. 188–197.

² См. подробнее в исследовании, учитывающем методику А.И. Соболевского и М. Фасмера: *Чернышева М.И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы*. С. 402–462); о явлениях морфологической адаптации в «Синайском патерике» писала также Т.А. Иванова. См.: *Иванова Т.А. О морфологической адаптации заимствованной лексики в Синайском патерике // Русская историческая лексикология и лексикография*. 2. Л., 1977. С. 3–12.

³ Подробнее см. в разделе «Функционирование вкраплений и “экзотизмов” (редких слов) в славянском переводе “Хроники” Иоанна Малалы» в: *Чернышева М.И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы*. С. 457–462.

⁴ В научной литературе понятие «экзотизмы» иногда используется по отношению к лексическим грецизмам, которые служат для описывания явлений другой, в данном случае, как правило, византийской, римской или еврейской культуры (ср.: *Журавский А.И. Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления в старобелорусской письменности // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. М., 1974. С. 138–144).

назвать *заимствуемыми*, — слова, которые какое-то время бытовали в письменном (литературном) языке, точнее, встречались в одном или небольшом числе произведений, но потом вышли из употребления и не закрепились, т. е. это как бы «пробные заимствования». Можно предположить, что это относится к приводимому ниже примеру:

ТОПОТРИТЬ, м. *‘Наместник, лицо, временно исполняющее какую-л. должность; местоблюститель’* (ср. греч. *τοποτηρητής*). **Црь ... оучини ма паки на мѣсто мок, сътворивъ ма и топотритъ** (ποίησας με καὶ τοποτηρητήν) (Патерик Син., 303. XI в.) (СлРЯ XI–XVII 30: 48).

Работа по описанию и изучению пласта заимствованной и заимствуемой лексики должна быть не просто продолжена, а — в связи с введением в научный оборот большого числа новых памятников письменности — во многом проведена заново.

Нарах legomena

К заимствуемым лексемам примыкает группа слов, которые только один раз встретились в памятниках письменности описываемой эпохи, — это **нарах legomena** греческого происхождения. В качестве примера можно привести слово *скиндапс* ‘четырёхструнный музыкальный инструмент (скиндапс)’ — от греч. *σκίνδαπος* из древнерусского списка «Диалектики» Иоанна Дамаскина (Дамаскин. Диал., 314).

По нашим подсчетам, в 23 и 24 выпусках СлРЯ XI–XVII на сто лексем греческого происхождения приходится примерно два десятка нарах legomena (*салпинкъ, самарь, серись, сикованецъ, симея* и *симия* и др.).

Иноязычные вкрапления

Иноязычные вкрапления — это неадаптированные формы греческих слов, они могут быть однословными и многословными. Это одна из интереснейших тем, недостаточно привлекавшая к себе внимание специалистов. Иноязычные вкрапления выполняют разные функции, одна из них упомянута выше в разделе «Заимствованная лексика».

Двуязычные дублеты

Двуязычные дублеты представляют собой употребление в тексте перевода слов двух языков: 1) исходного слова греческого оригинала и 2) его перевода или пояснения, роль которого может выполнять славянская глосса. В немецкой традиции этот феномен называют

Doppelübersetzungen — «двойные переводы», «дублеты»¹ и «многократные дублеты»². Это прием, как было сказано, вводимый для пояснения или перевода иноязычного или вызывающего трудность слова, возник под воздействием средневековой переводческой традиции (что убедительно продемонстрировано в работах А. Шёберга, Е. Ханзака и И. Огрэн — см. выше), а также под влиянием соответствующей экзегетической традиции, давно известной в древнегреческой и византийской литературе. Об этом можно судить по греческому оригиналу Евангелия, где есть примеры использования не только двуязычных лексических, но и двуязычных фразовых дублетов (арамейско-греческих и латинско-греческих)³. И в славянском переводе Евангелия обнаруживаются пары, типа: *власфимиа* — *хоула*, *динарь* — *пѣназь*, *ипокритъ* — *лицемѣръ* и др.⁴ В славянском переводе «Синайского патерика» (Патерик Син.) обнаруживается система последовательного употребления двуязычных дублетов (44 пары), из них члены 27 пар расположены в непосредственной близости по отношению друг к другу, т. е. либо рядом, либо на соседних листах рукописи. Например: *етеръ* — *подрюгъ* (л.79об.—л.81), *емнохъ* — *каженикъ* (л.128об.—л.129об.), *еулогиа* — *бѣник* (л.88), *стихологисати* — *пѣти п'сал'тырю* (л.73—73об.) и др. Употребление этого приема известно и в других славянских переводах: Т.Г. Попова обнаружила четыре случая его использования в преславском переводе «Лествицы» Иоанна Синайского⁵. О свободном владении этим приемом свидетельствует его использование в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого»: *Живѹще въ Асии да вѣжати въ ѹдолѣа островнаа (εις τας Κυκλάδες). плакати бо сѣ начнѹтъ Асия по островѣхъ. а островѣ по Асѣи* — ср. ниже: тогда. *реч<ε>* <Иоанн Богослов>. *въставитъ рать на Кѹкладьскыа острова* — ἐπι τὰς Κυκλάδες τῶν νήσων. (Ж. Андр. Юрод., 419), где *ѹдолѣа*

¹ Keipert H. Doppelübersetzung und Figura etymologica in methodianischem «Nomokanon» // Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyrill and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8.11.1985 / Ed. by E.G. Farrugia, R.F. Taft, G.K. Piovesanna (= Orientalia Christiana Analecta, t. 231). Roma: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1988. S. 245–259.

² Hansack E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica. 1977. № 3. S. 33–59; *id.* Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. 1979. Bd. 24. S. 121–171.

³ Подробнее: Чернышева М.И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах. с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.

⁴ Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

⁵ Попова Т.Г. Лексические особенности первого славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. 1 (13). С. 55.

островна — перевод αἱ Κυκλάδες — возможно, в результате соотнесения слов κυκλάδες и κοικλάδες¹.

Гомогенные дублеты, двойной перевод

Подобного рода переводческий прием возникает при переводе одного греческого слова двумя славянскими лексемами. Этот прием характерен для переводческой практики Иоанна экзарха Болгарского, когда при помощи одного слова (иногда даже с этимологическими целями) переводчик стремится смоделировать структуру исходного слова оригинала, в то время как второе слово становится эквивалентом, т. е. служит для передачи смысла² — в переводе «Богословия»: *μετάνοια* — **преоумѣникъ, покааникъ** (Ио.екз.Бог., л.215b), *ποιότης* — **творитво, качество** (Ио.екз.Бог., л.61b) и др.

В других переводах указанный прием встречается не так часто. Примеры его использования можно обнаружить в сочинении «Пандекты Антиоха» (Панд. Ант.).

Интересный пример двойного перевода встретился в переводе греческого «Слова» константинопольского патриарха Тарасия на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, где греч. *κροτοῖως* (в обращении к Богоматери) переведено двумя словами: **скыпетръ** и **дръжава**, из которых одно — старое заимствование **скипетръ** (в старославянских памятниках встречается в формах: **скипетръ** (скип'тръ), **скүпътръ**, **скыпътръ** и др. (SJS IV: 89), известное в русском языке с XI в. (СляРЯ XI–XVII 24: 197): **Радѣса цѣрем скыпетре и дръжаво** (*κροτοῖως*)! (Тарасий. Сл. на Введ. Богор., 3064).

Прием введения двойных и гомогенных переводов — излюбленный способ лексической интерпретации, он известен во многих древних славянских переводах с греческого языка³.

¹ В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского это понимается как «ошибочный перевод» (*Срезневский И.И.* «Материалы для словаря древнерусского языка». Т. III. СПб., 1912. Стлб. 1153).

² О приеме *Doppelübersetzung* в переводческой практике Иоанна Экзарха см. указанные выше работы Э. Ханзака.

³ Образцы использования этого приема известны в древних южнославянских текстах, например, в средневековых македонских памятниках письменности. См.: *Макаријоска Л.* Осврт на историската лексикологија на македонскиот јазик // *Лексикологија и лексикографија славянских языков* / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2017. С. 262; хорватская исследовательница Б. Тафра приводит термин «контактные синонимы»: «Древнехорватская литература изобилует примерами лексем, которые следуют друг за другом, но при этом являются тождественными по значению. Кроатисты называют их контактными синонимами, их легко заметить, так как они находятся в одном ряду». В кн.: *Tafra B.Z.* *Leksičko-semantički odnosi u hrvatskom jeziku iz dijakronijske perspektive* // *Лексикологија и лексикографија славянских языков*. С. 471 (с. 855 перевода на русский язык).

Одной из задач исторической лексикологии русского языка может стать выявление и описание подобных примеров развития синонимии, полисемии, что привело в конечном итоге к обогащению лексического и семантического богатства древнерусского языка.

Глоссирование, протолковывание, переводы с пояснением, энциклопедические толкования

«Подсказанное» литературной традицией глоссирование (вводимое через обороты *кже ксть, кже (на)речеться, рекше, сирѣчь* и т. п. (что соответствует греческим оборотам: *ὁ ἐστὶ, ὁ λέγεται* и т. п.), известное еще с греческого Евангелия и его славянского перевода, стало одним из излюбленных не только переводческих, но и литературных приемов.

Редкий пример указания на языки — оригинала и перевода — находится в переведенном Иоанном экзархом Болгарским «Шестодневе», где подробно объясняется греческое слово *λοβός* ‘ушная мочка’: **Оуховнаа же часть знаема есть. еже греческы лобоса. а словенскы краи оушесе, въ немъ же оусеразь повѣшають** (Шестоднев Ио. екз. (Б.), л.236а) (в этом фрагменте находится вставка из сочинения Аристотеля «*Historia animalium*» I, 7).

Глоссирование выполняет разные функции¹.

Например, глосса может носить характер конкретного контекстуального пояснения, как в одном из трех употреблений грецизма *догматъ*² из древнерусского перевода «Пчелы»: **Такоже и дша наоучена злымъ догматомъ, кже ксть зловѣрькимъ, кольма хочещи оучити ю, тольма испакостишь** (Пч., 321).

Интересен пример, где славянская глосса не просто толкует греческое по происхождению слово *анфраксъ*, но указывает на его символический смысл: **Основаник** <в греч. мн. ч.: *οἱ θεμέλιοι*> **стѣнь града всачемъ драгымъ каменнемъ пукрашенъ ... Халкидонъ.** <Толкование:> **Халкидонъ же Андрѣа, кже ксть анфразъ, сирѣчь оугль горашць** <славянская глосса>, **яко възгорѣвъшася ѿ Сѣго Дѣа** <Откр. XXI, 19, толк.> (Апокал., 100–100 об.).

Опуская многочисленные примеры глоссирования из переводной письменности, приведем образцы объяснения (первый пример) или перевода (второй пример) греческих слов в оригинальных произведениях.

¹ Наблюдения, касающиеся типологии своеобразия этого феномена, находятся в работе: *Шаймерденова Н.Ж.* Глоссы как феномен текста. Алматы, 1997.

² Слово трижды встретилось в этом памятнике и дважды — в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны Иосифа Флавия». См.: *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. С. 289–290.

Первый пример — из Ипатьевской летописи (под 1199 г.): **И нарекоша има еи ѿфросѣныа и прозваниемь. Изморагда же наречеться дорогии камень** (Ипат. лет., л.242об.).

Второй пример — из «Соборника» Нила Сорского: **Доментіанову же стогащюу ѿдесночюу ѿлтара і рипидію, рекше махало, держащюу** (Соборник III, 285) — в греческом оригинале Жития Евфимия Великого пояснение отсутствует: *ῥιπιστήριον* (Augustinos).

Взаимодействие с переводной литературой привело к способности книжников не только понимать и переводить греческие слова, вошедшие в литературный язык, но вводить для их понимания дополнительную, в том числе энциклопедическую, информацию¹.

Так, известное в древнерусской книжности с XI века слово *триподъ* (от греч. *τρίπους*) ‘треножник в языческом, здесь — Дельфийском — храме Аполлона’ (**Къде ли положиши... трипода (τρίποδος) дельфичьскааго прѣмждраниа?** (Гр. Наз., 135), получает в «Алфавите» XVII в. перевод и пространное пояснение: Трипод — лоханя. *В Дельфии ... в жертвищи Аполлонове стояше трипод медян, треножен, от него же бываху волхвования* (Алф., 229)².

Вообще для византийско-славяно-русского взаимодействия характерна устремленность энциклопедического характера³, о чем свидетельствуют не только переводные сборники сложного состава, среди которых, в первую очередь, так называемый «Изборник Святослава»⁴ в древнерусском списке 1073 г. (Изб. Св. 1073 г.)⁵, но и собственно русские «Энциклопедии»⁶.

---

¹ Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской Библии (1499 г.) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167.

² Книга глаголемая гречески алфавит. Рукопись БАН, Арх. д., № 446. Список XVII в.

³ Ср.: Самодурова З.Г. Греческие и древнерусские энциклопедические сборники X–XVII вв. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9–11. Jahrhundert. Praha, 1978. S. 413–440.

⁴ На недавно прошедшем XVI Международном съезде славистов в Белграде (Сербия) М. Гардзанити усомнился в энциклопедическом характере этого произведения и высказался в пользу его миссионерского предназначения (доклад на тематическом блоке «Функциональность славянской книжности» 21 августа 2018 г.).

⁵ В болгарской традиции произведение именуется «Симеонов сборник». Разноаспектное исследование этого памятника см. в сб. ст.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

⁶ Ср.: Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2003.

О том, что прием глоссирования был усвоен оригинальной литературой, свидетельствуют примеры пояснения собственно славянских слов¹.

Комбинированные образования

В переводных произведениях можно встретить комбинированные образования — сложные слова, где одна часть имеет греческую морфему, а другая — славянскую.

В приводимых ниже — первый пример (со словом *скифогражданинь* ‘житель Скифии’) взят из переводного «Жития» Кириака: **Игүмена приємлетъ Касіана, родомъ скифогражданина** – τὸ γένοϛ Σκυτοπολίτην (Ж. Кириак., 2207).

Второй пример, подтверждающий освоенность описываемого приема — из русского «Алфавита», где зафиксировано слово *трапезолизатель* ‘тот, кто живет за чужой счет, прихлебатель’ — вероятно, в соответствии с греч. *τραπεζολοιχός*: *Параситы* < от греч. *παράσιτος* > – *трапезолизатели, еже есть похлебующеи* (Алф., 173).

Этимологические опыты. *Figura etymologica*.

Перевод греческих собственных имен. «Тезоименитство»

Очень важна, но также недостаточно изучена, проблема этимологических опытов, продолжавших греческую традицию, которые обнаруживаются в древнеславянской и древнерусской письменности².

Среди наиболее известных ранних примеров в первую очередь вспоминается самостоятельная славянская этимология слова **Богъ**, предложенная Иоанном Экзархом Болгарским, которое этимологически он соотносил со словом *богатство*, а семантически — с лексемами **могъ**, **можение**, **мощь** (Ио. экз. Бог., I, с.176–177 = л.88а–89а); ср. там же собственно греческую этимологию в «Богословии» Иоанна Дамаскина: *Θεός* — от глагола *θέειν* ‘бежать’ или от *αἰθεῖν* ‘жечь’.

Не следует забывать о такой важной категории, с которой постоянно «работала» раннеславянская и древнерусская письменность, как категория ИМЕНИ, которая понималась и широко — в понятийном и символическом планах, и конкретно — по отношению к человеческим именам, начиная с библейских имен, имен мучеников и святых. Греческие оригиналы

¹ Ср. в более поздней Тверской летописи (под 1408 г.) глоссирование славянского слова: *Пояде и посуши древо ельное, того ради и скоро, рекше бѣлка, вся изгыбе, не имыи кормля въ сухѣ древь.* (Твер. лет., 480).

² Некоторые соображения — см.: *Чернышева М.И.* Этимологические опыты в древнерусской книжности // *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст.* М., 2012. С. 119–138.

демонстрировали многочисленные способы этимологизирования и протолковывания такого рода имен, да и в самом Священном Писании есть образцы подобного рода.

Словари имен давно существовали в греческой литературе: считается, что появлением ономастиконов мы обязаны Филону Александрийскому, продолжателем был Ориген, а блаженный Иероним (Стридонский) сделал их перевод на латинский язык¹. Ономастиконы, конечно, были известны славянским и древнерусским переводчикам и книжникам. Н. Никольский² указывал на греческий словарь «Ἐρμηνεία ὀνομάτων καὶ λέξεων ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς ἐμφερομένων τῇ ἑβραϊκῇ διαλέκτῳ»³. Соответственно, достаточно рано в древнерусской литературе появляются словарные подборки, типа: «**А се имена жидовьскага роуцьскы тълкована**» — в составе Изборника XIII в. (Изб. XIII в.)⁴, где среди объяснений разных слов (в том числе, и образно-символических) находятся примеры перевода библейских имен этимологического характера: **Авеселомъ Т**<олкование:> **Оць мироу** (л.43) ... **Асафъ Т**<олкование:> **Сборище**⁵ (л.43об.) ... **Авимелехъ Т**<олкование:> **Оче црствик**⁶ (Там же) и др.

Вся греческая гимнография строится на обыгрывании прообразовательного смысла имен мучеников (мучениц) и святых в связи с событиями их земной жизни; решению этой задачи служит прием *figura etymologica*, использовавшийся в произведениях разных жанров⁷. Славянским переводчикам не всегда удается сохранить «фигуру» в гимнографических памятниках, т. е. воссоздать этимологизирование в переводе, но достаточно часто они с этим заданием успешно справляются; один из многочисленных образцов такого рода: **Сжпруга свогго Мавро** <<«Мавра» от греч. μαῦρος

¹ Барсов Н.И. Иероним // Христианство. Энциклопедия. М., 1993. С. 585; Wutz F. *Onomastica sacra. Untersuchungen zum Liber interpretationis nominum Hebraicorum des Hl. Hieronymus*. T. I. Leipzig, 1914. S. 1–316.

² Никольский Н.К. Рѣчь тонкословія греческаго. Русско-греческіе разговоры XV–XVI вѣка. СПб., 1896.

³ Lagarde P. de. *Onomastica sacra*. I. Gottingae, 1870 (цит. по: Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.–Л., 1963. С. 52 и далее).

⁴ Исследование состава, взаимосвязи подобного рода словариков и греческих оригиналах см.: Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. С. 48 и далее; в приложении опубликованы тексты (С. 398–420).

⁵ Обычно переводится как ‘собиратель’.

⁶ Обычно: ‘царь’ или ‘отец царей’.

⁷ Eckert R., Kostov K. *Zur figura etymologica im Altbulgarischen // Palaeobulgarica*. 1986. X. 3. S. 40–48; Keipert H. *Doppelübersetzung und Figura etymologica in methodianischem «Nomokanon»*; Желязкова В. *Figura etymologica в древнейшем славянском переводе книги Исход // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика / Отв. ред. В.С. Ефимова*. М., 2017. С. 81–94.

‘черный’> свѣтозрачьнѣ словесѣ послушавъши и омраченикѣ (ζοφώδη) зложмига ѿврже ... бѣблажнага (Мин. Пут., л.10).

О том, насколько усвоен в древнерусской литературе прием обыгрывания и протолковывания имени, свидетельствует «этимологический» выпад протопопа Аввакума против патриарха Никона: *На што ты блудиши<ь> нат крестом ... соскребаеши<ь> «нику» <νίκη ‘победа’>? Говориши<ь>, тезоименно де Никону <Νίκων ‘побеждающий’> патреарху* (Ав. Неизв. тексты, 239. 1681 г.).

Хороший пример знакомства с приемом *figura etymologica* находим в древнерусской Ипатьевской летописи (под 1230 годом), где ритмизируется цитатная фраза из «Хроники» Иоанна Малалы: *Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ*. (Ипат. лет., 761) — ср. исходный пассаж в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы, где удалось передать «этимологию по созвучию» греческого оригинала: *По престанни же гнѣва и водѣ иссачении зиждоущимъ близъ рѣкы корение <в сп. XV в. добавлено: основанне> хлѣвнамъ шврѣтеса каменна дѣска велика, на нейже сѧ писаше изваганомъ писаниемъ сице: Скыртъ рѣка сѣиграеть злы игры (Σκύρτος ... σκίρτήσει какὰ σκίρτήματα) и граждономъ* (Хрон. И. Малалы, 351).

Перевод собственных имен и географических наименований — снова известный греческий литературный прием. Его использование особенно заметно в древнерусских переводах с греческого языка.

Несколько примеров. В древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» имя ὁ Λέων ὁ Μακέλλης переводится как **Левъ Масникъ** (Ж. Андр. Юрод., 168).

В другом древнерусском переводе — «Александрии» — в греческом тексте находится объяснение значения имени коня Александра Македонского Βουκέφαλος, на бедре которого было клеймо с головой быка, однако переводчик не воспроизводит греческое звучание имени и последовательно дает его перевод: **конь Волуа глава** (Александрия, 19).

Довольно много случаев перевода прозвищ византийских императоров представлено в славянском¹ переводе «Хроники» Георгия Амартола² **Оловудъмець** (в Уваровском списке), которое переводчик, по-видимому, соотнес с *κασιτερῆς* ‘мастер по олову’ — ср. в основном тексте: **Оловудъ Мечь** (Хрон. Г. Амарт., 491).

¹ Место возникновения этого перевода до сих пор не определено, из последних работ см.: *Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2004. С. 57–72.

² *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Пг., 1920.

Кальки греческого происхождения Словообразовательные кальки

Русский язык как один из наследников старославянского языка полон слов, представляющих собой передачу сложных греческих образований¹ — их называют по-разному: «словообразовательные» или «структурные кальки», «сложные слова», «composite». Основу изучения этого типа слов заложил еще В. Ягич². Это явление очень сложное и с точки зрения структуры³, и с точки зрения смыслового наполнения. Иногда думают, что тема возникновения сложных слов в переводах, в основном воспроизводящих структуру исходных греческих слов, — так называемых структурных (или — словообразовательных) калек — из-за своей очевидности исчерпана, но это утверждение далеко от истины⁴. Современный взгляд на эту тему предлагает В.С. Ефимова⁵.

Поскольку подобного рода сложные структурные образования представляют собой один из ведущих показателей влияния греческого языка, то важно выяснить, какое количество слов определенной модели находится в переводных памятниках, а какое — в оригинальных.

Так, к примеру, в 23 и 24 выпусках СлРЯ XI–XVII в группе слов с начальным *само-* (греч. *αὐτο-*) находится 146 слов; *светло-* (греч. *λαμπρο-* и *φωσ-*) — 48 слов, из них 40 — в непереуведенных оригинальных текстах; в группе *свое-* преобладает употребление в собственно русских памятниках; группа *свято-* (греч. *ἱερο-* и *ἁγιο-*) насчитывает 46 лексем, в основном, в переводах с греческого языка; *священно-* (греч. *ἱερο-*) — 80 слов в переводных и церковнославянских текстах; *сквернен-* и *скверно-* (греч. *αἰσχρο-*) — 29 лексем, из которых большая часть находится в непереуведенных произведениях.

---

¹ Копыленко М.М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. 1973. Т. 34. С. 141–150.

² Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Bd. 20. Berlin, 1898. Bd. 21. Berlin, 1899.

³ Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958; Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.

⁴ Обсуждение некоторых проблем см.: Чернышева М.И. Семантика словообразовательных моделей с начальными *благо-* и *бого-* (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 540–553.

⁵ Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006; Она же. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Byzantinoslavica. Praha, 2007. Т. LXV. Fasc. 2. S. 117–128; Она же. К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // Славяноведение 2015. № 2. С. 53–65.

Семантические кальки

Семантическими кальками называются славянские слова, получившие новое семантическое наполнение под влиянием языка переводимой византийской литературы, как слово *образъ*, которое оказалось способным вместить и обозначить целый комплекс как конкретных (значение ‘икона’), так и ментальных представлений (‘идея’, ‘знак’, ‘символ’ и др.)¹.

Сюда же относятся лексемы, приобретшие характер терминов для передачи соответствующих понятий на греческом языке, типа: *сѣдалень* – греч. *κάθισμα*.

Ясно, что многие сложные слова (*composita*), возникшие в результате перевода, созданы для передачи, в первую очередь, семантики исходного слова, таким образом они представляют собой **словообразовательно-семантические образования** — достаточно вспомнить в связи со сказанным слово *Богородица* (перевод греч. *Θεοτόκος*) со всем спектром смыслового и символического содержания.

Словесная символика

Почти выпавшая из поля зрения современных исследователей тема словесной символика и, соответственно, символических именовании является одним из важнейших аспектов идеи ИМЕНИ в греческо-византийской и, соответственно, славянской и древнерусской культуре. Без знания закономерностей использования этого феномена невозможно правильно понять гимнографические и гомилетические произведения, сохранившиеся в древнерусской письменности, а также многие произведения классической русской литературы и — особенно — поэзии.

В первую очередь речь идет о символах «божественного ряда», среди которых такие важнейшие и благодаря переводам закрепившиеся в славяно-русской литературе, как: *свѣтъ* (φῶς), *слово* (λόγος), *агньць* (ἄμνός), *камы* (λίθος), *хлѣвъ* (ἄρτος), *оугль* (ἄνθραξ) и др. Ряд символов изначально освящен авторитетом Священного Писания, т. е. определенные слова (или лексические сочетания) использованы в Библии таким образом, что это позволило воспринимать их смысл иначе², в том числе

---

¹ Подробнее в разделе «История слова *образъ*» в кн.: *Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы*. С. 11–26 (первая публикация: К истории слова *образ* // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991. С. 97–112).

² Роль библейского пласта наглядно демонстрируется в филолого-богословском комментарии Е.М. Верещагина в его издании рукописи «Ильиной книги» XI–XII вв. — см.: *Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подготовил Е.М. Верещагин*. М., 2006.

символически, с осознанием прообразовательной, или промыслительной, нагрузки, — благодаря чему дополнительный символический смысл¹ мог закрепляться за этими словами. Так возникли **устойчивые символы**, со временем обретшие статус традиционных. Богатая символика представлена в именовании Богородицы, связанных с именовании Сына-Христа (отсюда такое явление, как словесная парная символика)².

Словесная символика и этимология

Встречающиеся в переводной литературе этимологические опыты напрямую связаны с феноменом словесного ИМЕНИ. Французский исследователь М. Пастуро сказал об этимологической устремленности средневекового книжника при работе со словом и словесной символикой так: «Все имеет свое обоснование, пусть даже ценой сомнительных, на наш взгляд, словесных ухищрений. Историк не пристало смеяться над такими “ложными” этимологиями»³. Для средневекового сознания очевидно, что «В имени и именем сказано все. Изучение средневековой символики всегда должно начинаться с изучения лексики»⁴.

Этимология и переводческие «ошибки»

Многие явления, которые современному исследователю кажутся переводческими ошибками⁵, на самом деле определены, как правило, все той же этимологической устремленностью к внутренней сути слова.

Подводя итог, следует признать, что мы до сих пор не просто недооценивали этимологическую составляющую работы средневековых переводчиков и книжников, но попросту упустили из виду столь важный сущностный феномен.

---

¹ Т.С. Борисова, исследовательница символики Богородицы, предложила следующее определение языкового символа: «Символами, с точки зрения лингвистики, мы назовем те языковые единицы (слова, сочетания, фрагменты текста), которые через соотнесение их с соответствующими им в плане выражения единицами метатекста (т. е. Священного Писания — М. Ч.) приобретают вторичное символическое значение с обязательным сохранением семантической двуплановости и образности». В кн.: *Борисова Т.С. Символы Богородицы в церковнославянском языке*. Новосибирск, 2001. С. 22.

² Основные положения этой темы представлены в работе: *Чернышева М.И. Именовании Богородицы в древнерусской письменности*. М., 2017.

³ *Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья*. СПб., 2017. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Подобного рода примеры есть в работах: *Чернышева М.И. Этимологические опыты в древнерусской книжности; Она же. Опыт работы со славянскими переводами с греческого языка в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» // Лексикография в начале XXI в. Доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.) / Сост. Д. Благоева, С. Колковска. София, 2016. С. 38-48.*

Метод изучения лексики в греческо-славяно-русских группах

По отношению к лексике старославянского языка «с целью объяснения приоритетов выбора книжниками способов номинации» В.С. Ефимова предложила метод изучения в «тезаурусных греческо-старославянских группах»¹. Этот метод был применен ею при изучении старославянских наименований лиц². Очевидно, что при помощи сравнительного метода можно проводить многообразные исследования греческо-славяно-русских лексико-семантических, тематических, словообразовательных и понятийных групп.

Такие попытки уже делались и раньше³, однако накопление лексического материала в совокупности с уже опробованными способами его описания и интерпретации ведет к поиску новых подходов к его осмыслению и побуждает искать новые исследовательские возможности.

***

В небольшом очерке удалось показать только некоторые аспекты языковой роли переводных произведений, важные для исторической лексикологии русского языка. Вхождение этого пласта не только обогатило лексически, словообразовательно, семантически, стилистически и понятийно молодой литературный славянский язык и продолжающий его традиции древнерусский, но сама работа с переводами и греческими оригиналами научила труду постижения смысла и поиску путей его передачи в переводе.

Думается, мы еще долго не сможем исчерпать эту тему.

---

¹ Ефимова В.С. Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований // Лексикология и лексикография славянских языков / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2017. С. 229–233.

² Ефимова В.С. Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 408–422; Она же. Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011. С. 126–196.

³ Верецагин Е.М. О тематических группах лексики в Псалтыри // Исследования върху историята и диалектите на българския език (сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев). София, 1979. С. 83–87.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

- Ав. Неизв. тексты — *Демкова Н.С.* Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.-Л., 1965.
- Александрия — *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893; XII в., списки XV–XVII вв.; греческий оригинал: *Argianus. Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri M. Pseudo-Callisthenes. Parisiis, 1846.*
- Алф. — Книга глаголемая гречески алфавит. Рукоп. БАН, Арх. д., № 446; список XVII в.
- Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. Рукоп. БАН, собр. Ник., № 1; список XIII в.; греческий оригинал: *Patrologiae cursus completus. Series graeca (далее: PG). Т. 106. Col. 216–457.*
- Гр. Наз. — *Будилович А.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. б-ки XI века. СПб., 1875; XI в.; греческий оригинал: PG. Т. 36.
- Дамаскин.Диал. — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Декабрь. Дни 1–5. М., 1901; список XVI в.; греческий оригинал: PG. Т. 94. Col. 521–676.
- Ж. Андр. Юрод. — *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000; XII в.; список XIV в.
- Ж. Кириак. — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Сентябрь. Дни 25–30. СПб., 1883; список XVI в.; греческий оригинал: PG. Т. 115. Col. 920–944.
- Изб. Св. 1073 г. — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 1. Исследования и текст. София, 1991. Т. 2. Речник-индекс. София, 1993. Т. 3. Гръцки извори. София, 2015.
- Изб. XIII в. — Изборник. Рукоп. ГПБ, Q.п.I, 18, л.43–л. 44об.; издание: *Wątróbska H.* The Izbornik of the XIIIth century (Cod. Leningrad, GPB, Q.п.I, 18): Text in transcription // Полата књигописњая. № 19–20. Amsterdam, 1987; список XIII в.
- Ио. екз. Бог. — *Sadnik L.* Johannes von Damaskus. Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. I. Wiesbaden, 1967; Bd. II. Freiburg i. Br., 1981; Bd. III. Freiburg i. Br., 1983; Bd. IV. Freiburg i. Br., 1983; список XII–XIII вв.; греческий оригинал воспроизведен в издании.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908; список ок. 1425 г., л.242об.
- Мин. Пут. — *Щеголева Л. И.* Путятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М., 2001.
- Панд. Ант. — *Popovski Josif.* The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription // Полата књигописњая. An Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books. Texts and Literatures. Amsterdam, January 1989, № 23–24; XI в.; греческий оригинал: PG. Т. 89. Col. 1419–1855.
- Патерик Син. — Синайский патерик / Подгот. В.С. Гольшенко, В.Ф. Дубровина / Под ред. С.И. Коткова. М., 1967; XI в.; греческий оригинал: PG, 87, ps. 3. Col. 2852–3112.
- Пч. — *Семенов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893; новое издание: «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М., 2008; список XV в.; греческий оригинал — в издании.
- Соборник — *Лённгрэн Т.П.* Соборник Нила Сорского. Ч. III. М., 2004; список XV в.

- Тарасий. Сл. на Введ.Богор. — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь. Ч. I, тетр. 3. Дни 16–22. М., 1914. Стлб. 2701–3108; список XVI в.; греческий оригинал: PG. Т. 98. Col. 1481–1500.
- Твер. лет. — летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XV. СПб., 1863 <воспроизвед. текста издания 1863 г. М., 1965>. 1534 г., список XVII в.
- Хрон. Г. Амарт. — *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Пг., 1920; XI в., списки XIV и XV в.; греческий оригинал: *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. Boor C. de. Vol. 1–2, Lipsiae, 1904.
- Хрон. И. Малалы — *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание / Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой. М., 1994; XIII в., сп. XV–XVI вв., вар. XV–XVI вв.; греческий оригинал: *Ioannis Malalae Chronographia* / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
- Шестоднев Ио. екс. (Б.) — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Издание подготовила Г.С. Баранкова. М., 1998; список XV в.
- Augustinos — Augustinos mon. Iordanites. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐθυμίου τοῦ μεγάλου. Hierosolymis, 1913. P. 1–95.

СЛОВАРИ

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 тт. СПб., 1893, 1902, 1912.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. 1–52. Praha, 1958–1997; репринт. переизд. в 4 т. СПб., 2006.

Э. Гербеца

ОПОСРЕДОВАННЫЕ ИТАЛЬЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интерес исследователей к изучению иноязычной лексики в русском языке не ослабевает. Словари иноязычных слов остаются одним из наиболее востребованных типов лексикографических изданий. Ученые все большее внимание уделяют разным аспектам процесса заимствования (графическому, орфоэпическому, фонетическому, акцентологическому, морфологическому и семантическому уровням). Однако если иноязычная лексика различного происхождения (в основном галлицизмы и германизмы) не раз становилась предметом изучения, комплексное изучение итальянизмов осталось без внимания.

Цель настоящей статьи — подчеркнуть важность исторического¹ подхода при изучении иноязычных лексических единиц и привлечь внимание исследователей к категории опосредованных заимствований из итальянского языка и к трудностям, с которыми каждый, кто сегодня работает над этой темой, непременно сталкивается при отборе и причислении того или иного слова к заимствованиям из итальянского языка.

Прежде всего необходимо уточнить само понятие *итальянизма*. В рамках настоящей статьи под итальянизмами понимаются заимствования из итальянского языка безотносительно ко времени их перемещения в русский язык и, шире, слова итальянского происхождения и слова, для которых доказано влияние итальянского языка на русский. Таким образом, в фокус нашего внимания попадают слова, вошедшие в русский язык как прямо из итальянского, так и опосредованно, через язык-посредник.

---

¹ В этом отношении в российском языкознании принято говорить о *генетическом* подходе.

Главное, чтобы слова эти проявляли активность, неоднократность употребления, т. е. стали единицами языка, и, следовательно, чтобы эти лексические единицы были зафиксированы в каком-либо словаре. Вне внимания остаются окказиональные и индивидуально-авторские заимствования.

***

Поскольку лексический фонд какого-либо языка отражает внеязыковые явления, в словах, заимствованных из итальянского языка, отражается в первую очередь история связей между Россией и Италией: экономические, политические и культурные связи, военные отношения наложили свой отпечаток на лексику русского языка. К тому же эти слова свидетельствуют о бывшем господстве итальянского языка в определенных сферах жизни¹. Если распределить итальянизмы по тематическим группам, можно проследить, из каких областей жизни были заимствованы слова из итальянского языка.

Большинство из них пришло из сферы искусства, прежде всего музыки (свыше 200 лексических единиц), живописи и скульптуры (около 50 л. е.), архитектуры (около 40 л. е.), театра (около 30 л. е.). Приведем несколько примеров из области музыки:

— названия темпов исполнения: *аллегро, анданте, виваче, пиано, форте*;

— названия музыкальных инструментов: *альт, виолончель, тромбон, фагот, чембало*;

— названия певческих голосов: *баритон, бас, контральто, сопрано, тенор*.

В самое последнее время весьма многочисленны заимствования из итальянского, относящиеся к гастрономии и кулинарному искусству: например, в словарях уже зафиксированы слова *капучино, моцарелла, равиоли, ризотто, рукола, цукини* (Академос). Но итальянские слова и термины оказали свое влияние на общеевропейскую, и в том числе русскую лексику также в других областях. В качестве примеров назовем такие слова, как *банк, банкрот, инкассо, кассир,konto* (финансы); *бригантина, галера, фелюга, фрегат* и еще *майна!* и *вира!* (морское дело); *бригада, граната, каземат, капрал, мушкет* (военное дело). Наконец, стоит добавить, что значительное количество слов вошло в активный лексический фонд русского языка и относится к повседневной жизни: *автострада, балкон, бокал, гамбит, дилетант, картон, почта, торт, фашизм, фиаско* и т. д.

---

¹ Подробнее по этой теме см., например: Italiano per il mondo. Banca, commerci, cultura, arti, tradizioni / A cura di G. Mattarucco. Firenze, 2012.

В данной статье, однако, хочется обратить внимание не на тематическую типологию¹, а на историческую. При описании иноязычной лексики с этой точки зрения главная проблема заключается в установлении формы заимствования того или иного слова — прямого или опосредованного.

При выяснении языка-источника и полного пути проникновения иноязычия мы зависим от данных этимологических словарей (Аникин; Фасмер; Черных; Шанский; Шапошн.) или от этимологических данных словарей другого типа, например, толковых словарей (БАС³; ТСРЯ 2007); исторических словарей (СРЯ XVIII); словарей иностранных слов (ССИС 2002; ТСИС 2007; НСИС 2008).

Обычно никаких трудностей не возникает при анализе прямых заимствований из итальянского языка — они обнаруживаются легко, и все словари однозначно указывают итальянское происхождение этих слов: например, слова *кантата* и *опера* (музыкальная лексика), *инкассо* и *сальдо* (коммерческая и банковская лексика), *баста*, *браво* и *тутти кванти* сопровождаются комментарием «из ит. яз.».

Иначе обстоит дело с опосредованными заимствованиями из итальянского, которые встречаются очень часто. Во-первых, потому что носители русского и итальянского языков никогда не жили в условиях географического соседства. Во-вторых, потому что немало итальянских слов в области музыки, архитектуры, живописи, морского дела, финансов, военного дела перешло раньше в другие европейские языки, и потом пришло в русский язык через посредство третьего языка, главным образом через посредство французского, который долгое время играл роль языка-посредника в Европе и фактически служил языком международного общения.

Уже Ю.С. Сорокин привлек внимание исследователей к проблеме построения этимологических цепочек, отмечая, что «вопрос о языке-источнике заимствованных слов во многих случаях представляет большие затруднения»², так как слово часто переходит из одного языка в другой через посредство третьего, который накладывает свой отпечаток на него. Трудно отнести к одному языковому источнику многие заимствования из западных языков XVI, XVII вв. и первой половины XVIII века. Вопрос осложняется тем, что, особенно в первой половине XVIII века, форма заимствуемого слова в пору его вхождения в русский язык обычно

---

¹ В этом ключе написаны, например, следующие работы: Федорова Л.Л., Болоньяни М. Русский и итальянский в межкультурных контактах: история и современность // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: в 15 т. СПб., 2015. Т. 9. С. 221–227; Pletneva L. L'assimilazione di vocaboli di origine italiana nel russo moderno // Acme. Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano. № XXV, 1972. С. 75–96.

² Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е гг. XIX века. М.–Л., 1965. С. 157.

многообразно варьируется в связи как с многоконтактностью, характеризующей развитие русского языка той поры¹, так и с разными процессами трансформации иноязычного слова (транслитерация, транскрипция или комбинирование этих способов).

Замечания Ю.С. Сорокина не потеряли своей актуальности и до сих пор идеально подходят к опосредованным заимствованиям из итальянского языка. И в самом деле, при выяснении полного маршрута слова от языка-источника до русского языка не помогают иногда даже самые авторитетные словари, и данные, находящиеся в них, нередко расходятся. Порой вышеупомянутые словари (прежде всего словари, которые не являются этимологическими) оставляют в стороне предысторию заимствованного слова, в частности, его этимологию в языке, из которого оно пришло в русский, и таким образом они упускают из виду *общеευропейскую* историю слова². Несмотря на это «всегда необходимо различать между конечным источником заимствованного слова и тем языком, общению с которым непосредственно обязано заимствование слова в наш язык»³.

Приведем теперь несколько примеров, свидетельствующих о трудностях, с которыми может столкнуться каждый, кто занимается итальянизмами.

1) Иногда итальянский язык не упоминается в этимологической справке словарной статьи, и фактически язык, из которого лексическая единица поступает в русский, становится языком-источником. Чаще всего в этих случаях в качестве источника заимствования выступает французский язык, вследствие чего не только в словарях, но и в современных исследованиях, посвященных заимствованным словам в русском языке, к разряду галлицизмов причисляется немалое количество итальянизмов. Например, во всех словарях (БАС³; ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008; СРЯ XVIII; Аникин; Фасмер; Черных) читаем, что слово *барельеф* (которое пришло в русский в 1734 г.) восходит к французскому языку (фр. *bas-relief*, 1547), а на самом деле французское слово является калькой с итальянского языка (ит. *bassorilievo*, 1519) и, в конечном счете, считается итальянизмом (см.: DHLF; DIFIT). В тот же самый период пришло в русский слово *жалюзи* (1739 г.), которое, по данным словарей

---

¹ См. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 12. В этом отношении особенно ценны сведения об этимологии, которые даются в историческом словаре СРЯ XVIII: в нем с максимальной точностью отражается разнообразие вариантов, обусловленных многократными заимствованиями из разных источников.

² В связи с этим отдельной похвалы заслуживает этимологический словарь А.Е. Аникина, словарные статьи которого отличаются полнотой информации.

³ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 157.

(БАС³; ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008; СРЯ XVIII; Шапошн.), имеет французское происхождение; только в словаре П.Я. Черных и в ССИС 2002 читаем, что во французском языке слово появилось «возможно, под влиянием ит. *gelosia*» (Черных I: 291; ССИС 2002: 240), и действительно французское слово *jalousie* (1549 г.) заимствовано из итальянского языка (ит. *gelosia*, 1470; см.: DHLF; DIFIT). Обращая внимание на более поздние заимствования, можно заметить, что прилагательное *тоталитарный*, по данным всех важнейших словарей русского языка (БАС¹; ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008; Черных), восходит к французскому языку (фр. *totalitaire*, 1934 г.). Безусловно, это слово можно причислить к интернационализмам, но с историко-лексикологической точки зрения «отнесение слова к интернационализмам ... вовсе не отменяет того, что оно исторически является заимствованным в данный язык из какого-либо одного определенного языка»¹. Рассматриваемое слово не представляет собой исключения, и при анализе необходимо уточнить, во-первых, в каком конкретном языке оно было образовано, и, во-вторых, каким путем оно пришло из этого языка в русский. На этот счет уже давно было доказано, что слово впервые появилось в итальянском языке (ит. *totalitario*), его употребляли в рядах антифашистской оппозиции; первая фиксация слова относится к 1923 г.² Впоследствии в других языках, в том числе в русском, появились итальянизмы (нем. *totalitär*, 1924; англ. *totalitarian*, 1926; исп. *totalitario*, 1933; фр. *totalitaire*, 1934 и др.). В русском языке прилагательное *тоталитарный* «появилось около 1930 г., в период подготовки и осуществления фашистского переворота в Германии» (Черных II: 254), так что перемещение слова прямо из французского языка хронологически крайне маловероятно. Похожие замечания можно сделать также относительно существительного *тоталитаризм*. Словари (ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008) фиксируют происхождение слова из французского (фр. *totalitarisme*, 1936), тем не менее оно впервые появилось в итальянском языке (ит. *totalitarismo*) в рядах антифашистской оппозиции; его первая фиксация относится к 1925 г.³ Через некоторое время в других языках появились соответствующие итальянизмы (нем. *Totalitarismus*, 1926;

¹ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. С. 158.

² Данное слово использовал итальянский политический деятель Джованни Амэндола в статье, опубликованной в газете «Il Mondo» от 12 мая 1923 г. (см.: A. Lyttelton *The Seizure of Power. Fascism in Italy 1919–1929*. London 1973. С. 482). Об истории слова см. F. Rainer «Totalitarismo», «totalitarismo»: origine italiana e diffusione europea // *Studi di lessicografia italiana*. XXVIII, 2011. С. 319–326.

³ Слово впервые встречается в статье, написанной итальянским политическим деятелем Лелио Бассо, опубликованной в газете «Rivoluzione Liberale» от 2 января 1925 г. (см.: Petersen J. *La nascita del concetto di 'Stato totalitario' in Italia* // *Annali dell'Istituto storico italo-germanico*. I, 1976. С. 161. См. и F. Rainer «Totalitarismo», «totalitarismo»: origine italiana e diffusione europea. С. 319–326).

англ. *Totalitarianism*, 1926; фр. *totalitarisme*, 1936; исп. *totalitarismo*, 1940 и др.). Что же касается русского существительного, в словарях пока нет точной датировки его появления. Все-таки можно уверенно утверждать, что это слово слышали на XIII пленуме Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, который состоялся в Москве в декабре 1933 г. Небезынтересно добавить, что слово прозвучало в речи тов. Эрколи, т. е. Пальмиро Тольятти — лидера Итальянской коммунистической партии. Само собой разумеется, из этого нельзя заключать, что это самое первое употребление слова *тоталитаризм* в русском языке, но тот факт, что в стенографическом отчете слово выделяется кавычками и сопровождается подстрочным примечанием, в котором подробно объясняется значение этого существительного¹, дает нам повод думать о чуждости данного нового слова для русских читателей того времени. Как бы то ни было, перемещение слова из французского языка кажется весьма неправдоподобным.

Если иметь в виду, что таких случаев немало, то становится очевидным, что общий объем галлицизмов увеличивается не всегда обоснованно. А в качестве ошибочного источника заимствования может выступать не только французский язык. Например, словари ТСРЯ 2007, ТСИС 2007, НСИС 2008 рассматривают слово *сервелат* как заимствование из немецкого (нем. *Zervelat-*, *Servelatwurst*, 1676), однако немецкая лексическая единица представляет собой сложное слово, состоящее из первой иноязычной части *Zervelat-*, *Servelat-*, к которой присоединяется немецкое слово *Wurst*; а *Zervelat-*, *Servelat-*, несомненно, восходит к итальянскому языку (точнее, к миланскому диалекту: ит. *cervellata*, 1554; см.: ЕWK; DIFIT). Другим примером служит морской термин *бизань*, который, согласно словарям (БАС³; НСИС 2008; СРЯ XVIII; Фасмер; Шапошн.), пришел из голландского *bezaan*². Нет возражений против гипотезы о перемещении слова из голландского, дело в том, что в голландский язык слово попало как раз из итальянского (ит. *mezzana*, 1348), как точно отражают некоторые словари (ТСИС 2007; Аникин)³.

При историческом анализе все эти слова безусловно надо отнести к итальянизмам. То обстоятельство, что они перешли в русский через язык-посредник, не дает никаких оснований исключать их из круга итальянизмов.

---

¹ В стенографическом отчете читаем: «На этой объективной базе открытой капиталистической диктатуры создается та форма государственной организации, которую фашизм называет “тоталитаризм”»; в подстрочном примечании разъясняется: «уничтожение всех партий и организаций, кроме фашистской партии». В кн.: XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 98.

² Точности ради следует отметить, что в СРЯ XVIII и словаре М. Фасмера написано: «голл. *bezaan*, нем. *Besan*» (СРЯ XVIII 2: 22; Фасмер I: 164).

³ О происхождении голландского слова написано подробно в статье *Francescato G. Contributo allo studio degli elementi italiani in olandese // Studi di filologia italiana*. 24, 1966. С. 495.

II) Иногда при выяснении полного пути проникновения иноязычного слова в этимологической справке словарной статьи, наоборот, указывается только язык-источник, а решающая роль, сыгранная в истории слова итальянским языком как языком-посредником, остается незамеченной. Например, по БАС³, ТСИС 2007, НСИС 2008, слово *архитрав* пришло из французского (фр. *architrave*, 1531), которое в свою очередь восходит к древнегреческому языку; М. Фасмер выстраивает другую этимологическую цепочку: нем. *Architrav* < фр. *architrave* от лат. (Фасмер I: 91); помимо этого в этимологической справке СРЯ XVIII указываются один за другим итальянский (ит. *architrave*, 1435), немецкий (нем. *Architrav*, 1806) и французский (СРЯ XVIII 1: 102) языки. На самом деле архитектурный термин *архитрав*, как многие другие лексические единицы, принадлежащие к этой сфере, является итальянизмом (см. DIFIT; DHLF) — именно итальянское слово перешло во французский, в немецкий, в английский языки. В русском слово *архитрав* появилось в начале XVIII века (1709 г., см.: СРЯ XVIII 1: 102)¹ и сегодня входит в группу итальянизмов из области архитектуры (среди которых имеются такие слова, как *архивольт*, *балюстрада*, *колоннада*, *ризалит*, *цоколь* и т. д.).

К аналогичному заключению придем при разборе нескольких ориентализмов. Например, по данным словарей (БАС³; ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008), слово *арсенал* заимствовано из французского (фр. *arsenal*, 1395), которое восходит к арабскому языку (ар. *dār (aṣ-)ṣinā'ah*). Неоспоримо, что первоисточник — арабское *dār (aṣ-)ṣinā'ah*, но, как точно объясняют П.Я. Черных и А.Е. Аникин, источником распространения в Европе послужило итальянское слово *arsenale* (1321, DIFIT)²; А.К. Шапошников добавляет, что слово пришло из итальянского при влиянии немецкого (нем. *Arsenal*) и французского (фр. *arsenal*).

Первый пример относится к сфере архитектуры, в отношении которой итальянский язык оказал самое сильное влияние на другие европейские языки, а второй хорошо иллюстрирует посредническую роль, которую играл итальянский язык в XV, XVI и XVII веках, когда носил характер наднационального языка культуры. Именно благодаря итальянскому языку по всей Европе распространился целый ряд слов арабского происхождения (в качестве примеров можно привести такие слова, как *артишок*, *жираф*, *карат*, *тара*, *тариф*, *шифр*, которые

---

¹ Слово встречается в переводе на русский язык трактата «Regola delli cinque ordini d'architettura», написанного итальянским архитектором Джакомо Бароцци да Виньола. Перевод, опубликованный в 1709 г. под названием «Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароцция де Вигнола», был осуществлен самим Петром I. См.: *Копанев Н.А.* Петр I — переводчик // XVIII век. Вып. 16. 1989. С. 180–183.

² Собственно говоря, источником распространения было венецианское слово *arsenà* (1305, DELI), и интернациональный характер рассматриваемого слова, безусловно, связан с морским господством бывшей Венецианской республики (см. DHLF; EWK).

закрепились в русском при участии другого языка-посредника). Поэтому все эти слова должны быть включены в список итальянизмов (как таковые все они зафиксированы в DIFIT).

III) При выявлении итальянизмов исследователи сталкиваются и с противоположной проблемой, т. е. с ошибочным указанием на итальянское происхождение в этимологической справке словарной статьи. Например, слово *брошь* заимствовано из французского (фр. *broche*, 1121), и французское слово восходит к позднелатинскому **brocca* (см. БАС³; Аникин; Черных; Шапошн.; DHLF). Некоторые словари неправильно указывают на то, что французское слово восходит к латинскому через посредство итальянского языка (ит. *brocca*, 1320; см.: ТСРЯ 2007; ТСИС 2007; НСИС 2008; Фасмер; Шанский), и тем самым вводят в заблуждение исследователей. К разряду мнимых итальянизмов относится и слово *грим*, которое, по данным БАС³; ТСРЯ 2007; НСИС 2008; Черных, пришло в русский из фр. *grime*, восходящее к ит. *grimo*. По ТСИС 2007, слово пришло обратным путем, т. е. из французского, но через посредство итальянского. Как первая, так и вторая гипотеза являются недопустимыми: слово заимствовано из французского языка, но французское и итальянское слова образовались независимо друг от друга¹.

Особого внимания заслуживает слово *лотерея*, которое, по мнению одних исследователей, поступает в русский прямо из итальянского (ит. *lotteria*, 1640) (НСИС 2008; Черных; Шапошн.), а по мнению других (Шанский), — через посредство французского (фр. *loterie*, 1538). По-другому выстраивают этимологию ТСРЯ 2007 и ТСИС 2007, которые устанавливают происхождение слова из французского языка; картина становится менее четкой согласно данным М. Фасмера: «через нем. *Lotterie* [1728] или голл. *loterij*, франц. *loterie* или непосредственно из ит. *lotteria*» (Фасмер II: 522). В конечном счете здесь мы имеем дело с голландским словом (*loterij*, нач. XVI века), которое перешло во французский (фр. *loterie*), а в дальнейшем через французский язык пришло в итальянский (ит. *lotteria*)². Судя по форме первой фиксации (*лотори*, 1699: SRJa XVIII), не исключено, что в русский слово пришло прямо из голландского, в любом случае слово нельзя относить к итальянизмам.

Совершенно очевидно, что в подобных случаях необходимо штудировать не только историю, но и предысторию заимствованного слова, используя данные исторических и этимологических словарей всех европейских языков, вовлеченных в процесс заимствования.

---

¹ См. уточнение в TLFi: «Le terme fr. s'est sans doute développé indépendamment de l'ital. *grimo* ... d'orig. germ. également, et qui n'est pas propre à la lang. du théâtre».

² См.: *Francescato G. Contributo allo studio degli elementi italiani in olandese*. С. 548.

Теперь, проиллюстрировав некоторые конкретные проблемы лексикографического описания итальянизмов, попробуем подвести итоги.

При установлении источника каждого слова и его иноязычного прототипа следует придерживаться прежде всего критериев, изложенных Л.П. Крысиным: «Во-первых, в качестве таких критериев могут выступать фонетические и морфологические признаки слова»¹. Например, мы можем с уверенностью утверждать, что такие слова, как *либретто*, *нетто*, *брутто* или *биеннале* (*бьеннале*) заимствованы из итальянского языка, потому что им присущи специфически итальянские фонетические, акцентуационные и морфологические особенности². Но при этом необходимо подчеркнуть, что структурные признаки не всегда позволяют установить язык-источник, поскольку иногда они свидетельствуют лишь о том, что данное слово пришло в русский через посредство третьего языка: например, такие слова, как *гуашь*, *ритурнель* или *фасад* происходят из итальянского языка, но попали в русский через посредство французского языка (соответственно через фр. *gouache*, 1684 < ит. *guazzo*, 1554; фр. *ritournelle*, 1670 < ит. *ritornello*, 1533; фр. *façade*, 1565 < ит. *facciata*, 1325). В случаях, когда информация о происхождении какого-либо слова явно не совпадает с его фонетическим обликом, необходимо прояснить этимологическую цепочку при помощи исторических и этимологических словарей всех других языков, в которых данное слово зафиксировано. Например, в словарях (БАС³; ТСИС 2007; НСИС 2008) точно указывается на итальянское происхождение слова *жиро*, но с фонетической точки зрения более вероятной кажется гипотеза о посредничестве третьего языка, скорее всего немецкого (нем. *Giro*: см. ЕWK; DIFIT). В таком случае, действительно, легко объясняется, почему в начале русской формы встречается звонкий постальвеолярный спирант вместо звонкой постальвеолярной аффрикаты итальянского прототипа (ит. *giro*)³.

Иногда, напротив, формальные признаки никак не помогают нам при анализе заимствованных слов. В этих случаях «немаловажное значение имеют данные неязыковые. Чаще всего исторические сведения подтверждают данные лингвистического характера, но иногда первые не столь очевидно подтверждаются вторыми»⁴. Возьмем, например, слово *компас*. БАС³, НСИС 2008 и Фасмер (относительно варианта с ударением

¹ Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. С. 53.

² В приведенных примерах обнаруживаются, например, такие черты, как консонантное удвоение и вокалический исход.

³ В нем. *Giro* первый согласный является как раз звонким постальвеолярным спирантом. Само собой разумеется, что пока эти соображения носят предварительный характер и должны быть подтверждены конкретными историко-лексикологическими данными.

⁴ Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. С. 54.

на последнем слоге, который в настоящее время сохраняется исключительно в речи моряков) считают его прямым заимствованием из итальянского языка. Но вряд ли это слово можно отнести к прямым итальянизмам: ТСРЯ 2007, ТСИС 2007, Фасмер (относительно варианта с ударением на первом слоге) придерживаются гипотезы о немецком посредстве (нем. *Kompass*), в то время как П.Я. Черных, опираясь на неопровержимые исторические данные, доказывает, что слово пришло в русский из голландского языка: «то обстоятельство, что это слово появилось после путешествия Петра I в Голландию, зарегистрировано Копиевским в «Номенклаторе» [«Nomenclator in lingua latina, germanica et russica — Лексикон на латинском, немецком и русском языке»], изданном в Амстердаме [в 1700 г.], а потом встречается в книге «Устав морской на российском и галанском языке» 1720 года с параллельным голландским текстом, пожалуй, свидетельствует о том, что слово заимствовано из голландского языка (голл. *kompas*)» (Черных I: 420), куда слово пришло именно из итальянского¹.

Как нам кажется, при восстановлении всех этапов истории каждого отдельного итальянизма необходимо учитывать как структурные признаки, так и исторические сведения. И последнее, но не менее важное: нельзя забывать о том, что процессы заимствования носят системный характер. Как напоминает Л.П. Крысин, «надо иметь в виду также и то, что иногда язык заимствует не одно слово какого-либо тематического круга, а несколько»². Потому неудивительно, что, вместе с только что упомянутым словом *компас* немало итальянских слов и терминов из области морского дела пришли в русский через посредство голландского языка. Достаточно напомнить такие слова, как *авария* (Аникин), *баркас* (БАС³; Аникин), *бизань* (ТСИС 2007; Аникин), *галеас* (Аникин; Фасмер), *галиот* (БАС³; Аникин), *фрегат* (Фасмер).

Вышеприведенные примеры показывают, с какими трудностями сталкиваются исследователи. Эти трудности можно преодолеть, во-первых, с чисто лингвистической точки зрения, с помощью всех достижений (словарей, исследований в области исторической лексикологии и этимологии) лингвистической науки, как российской, так и зарубежной (в этом отношении первостепенное значение имеют исследования ученых, занимающихся историей итальянского языка и его распространения в Европе). Очень много слов, пришедших в русский язык из итальянского, пришло и в другие европейские языки, поэтому для того, чтобы правильно установить язык-источник и полный путь изучаемого слова от языка-источника до русского языка, нельзя упускать из виду общую картину, т. е. *общеевропейскую* историю определенного слова. Во-

---

¹ *Francescato G.* Contributo allo studio degli elementi italiani in olandese. С. 543.

² *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. С. 55.

вторых, когда лингвистически равновероятны два источника какого-либо заимствованного слова, трудности можно преодолеть с помощью данных, касающихся истории культурных связей России с Европой.

Из всего этого следует, что роль истории слов, даже при изучении формальных признаков заимствований и особенности их освоения, остается решающей. Например, неудивительно, что в слове *мезонин* утрачивается один из двойных согласных итальянского прототипа (ит. *mezzanino*), в то время как в слове *пицца* (или *панарацци*) сохраняется удвоенное написание согласных (ит. *pizza, paparazzi*). В первом случае упрощение двойных согласных объясняется тем, что слово *мезонин* пришло в русский язык через французский (рус. *мезонин* < фр. *mezzanine* < ит. *mezzanino*).

Только при диахронном, историческом подходе становятся ясными формальные, семантические и стилистические изменения, присущие процессу вхождения иноязычной лексической единицы в русский язык. Следовательно, только при изучении полного пути какого-либо слова от языка-источника до русского языка становится возможным точное выявление лексических итальянизмов в русском языке.

Именно исторический принцип описания иноязычной лексики, проливая свет и на предысторию слов, позволяет охватить общую картину взаимоотношений европейских языков в их диахроническом развитии. С этой точки зрения портрет итальянизмов в русском языке представляет собой часть более широкой целостной системы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Академос — Академический орфографический словарь. Электронный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Портал <<http://orfo.ruslang.ru>>. Просмотрено: 28.08.2018.
- Аникин — Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–12. М., 2007–2018 (издание продолжается).
- БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.–Л., 1948–1965.
- БАС³ — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25 / Гл. ред. К.С. Горбачевич. М.–СПб., 2004–2018 (издание продолжается).
- НСИС 2008 — Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. 3–е изд. М., 2008.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб., 1984–2015 (издание продолжается).
- ССИС 2002 — Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва и др. 3–е изд. М., 2002.
- ТСИС 2007 — Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3–е изд. М., 2007.
- ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь современного русского языка: в 4 т. 2–е изд. М., 1986–1987.

- Черных — *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. 4–е изд. М., 2001.
- Шанский — *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1971.
- Шапошн. — Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / Составитель А.К. Шапошников. М., 2010.
- DELI — *M. Cortelazzo, P. Zolli* Il nuovo etimologico. Dizionario etimologico della lingua italiana / Seconda edizione a cura di M. Cortelazzo e M. A. Cortelazzo. Bologna: Zanichelli, 1999.
- DHLF — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction de A. Rey, nouvelle édition. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2016.
- DIFIT — Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco / A cura di H. Stammerjohann et al. Firenze: Accademia della Crusca, 2008.
- EWK — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold. 24. durchges. und erw. Aufl. Berlin-New York: de Gruyter, 2002.
- TLFi — *Le Trésor de la Langue Française informatisé.* Портал «<http://atilf.atilf.fr>». Просмотрено: 30.08.2018.

Е.И. Зиновьева

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗИМЫ В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ¹

Номинации времен года занимают важное место в семантическом пространстве языка² на любом этапе его развития, являясь доминантами, вокруг которых объединяются лексико-фразеологические единицы, обозначающие актуальные для каждого исторического периода понятия, традиционные занятия, предметы быта.

Обратимся к рассмотрению особенностей семантики и функционирования языковых единиц, называющих время года и актуализирующих реалии, с ним связанные, в контекстах памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв., на примере такого сезона, как зима. Материалом для анализа послужили данные 8-го выпуска «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», находящегося в печати.

Зима занимает особое место в семантическом пространстве обиходного языка Московской Руси, этот фрагмент отличается большой номинативной плотностью³.

Как и в современном языке, основное значение существительного *зима* — ‘холодное время года между осенью и весной’: *А чаят что францу[зское] воиско сю зиму будут сто[ять] в недругове земля в*

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18–012–00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

² Под семантическим пространством понимается «та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков, совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка». В кн.: *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 44.

³ О термине *номинативная плотность* см.: *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 33.

стифте да и в Трире а шпанские люди в город Трир ввели толко пѣших людеи да 300 члвкъ конных (В–К II, 36, 1643 г.). Медвед лежа целую зиму не ѣсть а на весну целую корову стрѣскает (Сим. Послов., 123, XVII в.).

Этот сезон традиционно воспринимается как трудный период для человека, что порождает образное употребление ‘о тяжелом, трудном, неблагоприятном времени’: *Аз же ей подробну известих: Жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!* (Авв. Ж., 87, 1675 г.).

Для указания на время протекания действия используются наречия *зимой, зимою, зиму, зиме*, например: *Воды багнистые, а еще болишие которые суть стоячие. злые суть и добръ тяжолые потому что зимою не назябают, толко от снѣгу* (Назиратель, 130, XVI в.). *Кому будет чего изкати на их <игумена с братией> прикащике или на их крестьянех, — и пристав данной на поруку дает и сроки записывает. А пишет им два срока в году: зиме — Крещенье Христово, а летам — уговев Петрова заговенья неделя* (АФЗХ II, 336, 1566 г.). *А сведень я [Ермола] былъ въ государевъ дѣль къ Москвѣ за приставомъ зиму еще до Николина дни* (Сид, 28, 1626 г.).

Но наряду с наречиями в этой же функции широко употребляются предложно-падежные сочетания *в зиму, в (по) зиме*: *И то ему <Василию Калинину> скажи <Иван Белин> нне пора лѣтняя а в зиму по первому пути и запасу приилют потому что нне вести запас к Москве не тот пут* (Пам. Влад., 262, XVII в.); *А [я, ино]земець, здѣся во Псковѣ билъ челомъ тебѣ, государю ... о томъ, чтобъ мой малецъ купилъ товаръ на меня въ осень и по зимѣ, чтобъ ты, государь, отпустилъ тотъ товаръ за рубежь* (Пск. писц. кн. II, 33, 1631 г.); *В зимѣ сушат <попутник> и трут намѣлко и присыпаютъ къ язвамъ* (Леч. Щук., л. 51, XVII–XVIII вв.). Фиксируются также устойчивые словосочетания с существительными *пора* и *время* — *зимняя пора, зимнее время, зимнею порою, зимним временем*: *А тот Ерш ... пришел из вотчины своей ... к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился* (Ерш. Ерш., 7, 1-я пол. XVII в.). *Да консково корму въ зимнее время даютъ ноября съ 1-го числа мая по 1-е число ротмистру на 3 лошади, рядовымъ на 1 лошадь человѣку, по 24 алтына на лошадь на мѣсяць* (Шумаков. Акты офиц., 40, 1640 г.). *И ннѣ тот двор стал ветох и огнил и зимною порою от марозов а летним временем от дождей жить в нем никоими дела невозможно* (Сл. Нерч. I, 327, 1706 г.). *А нынѣ де къ нимъ <татарам и черемисам> въ деревни воеводы, зимнимъ временемъ, на заставы посылаютъ стрѣльцовъ* (А. Кунг., 45, 1680 г.). Данный факт свидетельствует, на наш взгляд, о начальном этапе формирования наречий, об актуализации временного значения в большей степени пока еще на синтагменном уровне.

Наименование прошлой (прошедшей) зимы имело в обиходном языке XVI–XVII вв. однословное наименование *зимусь*: *И зимусь по него*

<Варлаама> потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю. И как мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную (Посл. Ив. Грозного, 190, 1573 г.). Употреблялось и производное прилагательное *зимушный* в значении ‘произведенный, созданный прошлой зимой’: *Лета 7104 ... взято у Одреева человека Петровича Клешина у Прокофья за зимушнюю пен[ь]ку сто третьяго году денег дватцать рублевъ* (Сл. Смол., 99, 1596 г.).

Большое по объему словообразовательное гнездо с корнем *зим-* включает полисемантическое прилагательное *зимний*, занимающее в гнезде одно из центральных мест. Выделяются такие значения этого прилагательного, как чисто относительное по отношению к существительному *зима*: *Лътней день за зимушнюю неделю* (Сим. Послов., 116, XVII в.); ‘происходящий, бывающий зимой, в зимнее время’: *Служу я холоп твой <Сенька Иванов> тебѣ всякие твои царьские службы зимуше и лътние, а служу я холоп твой тебѣ государю 50 лът* (Ст. печ. пр., 26, 1613 г.). Важной реалией является название церковного праздника в честь святого Николая чудотворца, отмечаемого 6/19 декабря и обозначаемого словосочетанием *зимний Николин день*: *Во 153 году за неделю Николина дня зимнева ехал я <А. Петров> проездом мимо Козельска города, сведов, что итить послу литовскому к тебе, государю <Алексею Михайловичу>, к Москве* (РБС, 192, 1645 г.). В качестве оттенка рассматриваемого значения выступает ‘случившийся зимой’: *Оне <Юшко и Тимошка Батошovy дети Олтуфьева> на нашей службе, с боярином нашим со князем Семеном Ивановичем Микулинским, в зимнем в Казанском походе, в лете 7060 во втором году, в Казани не были* (Сл. Каз., 88, 1555 г.).

Значение ‘используемый, предназначенный для использования в зимнее время’: *А кои гсдрь есть дверишка и окна зимуше вставни были обиты сукны и полстьми и те все пообрезаны* (Арх. Пожарских, 217, 1645 г.) актуализируется в ряде устойчивых сочетаний, номинирующих очень важную для быта в этот сложный сезон реалию — более короткую дорогу, прокладываемую по снегу и льду по тем местам, где летом нет езды. Эта реалья обозначается как *зимний путь*: *В те, государь <Б.И. Морозов>, житницы летним путем в деловую пору, а зимним путем по последнему пути хлеб возим, и в том нам, сиротам, чинитца многое безвременье* (Хоз. Мор. II, 136, 1650 г.); *зимняя дорога*: *Дорога зимуша к государеву к житничному двору, а в нем четыре житницы* (Сл. Каз. 2–1, 77, 1612 г.). Но параллельно в языке этого времени используется и однословная номинация *зимняк*: *А от мостку и от дорожки от зимняка, что изо Самити к Шюнецкому погосту, по реку по Узокзу половина речки Глухие Воржи с вешними загрузами* (Гор. России, 112, 1598 г.). *Вверх по Подувалке и Винокурке речкам до зимняка* (Сл. Сибир., 51, 1683 г.). Санная дорога по первому зимнему снегу имела особое значение, поэтому получила устойчивое наименование *зимний первый путь*: *Да уловити бы тебѣ*

<архимандриту Иаков> на Волдайскомъ озерѣ, или гдѣ пригоже, рыбы и, улова, что Богъ пошлетъ, **по первому зимнему пути**, кой часть путь станеть, прислатъ къ намъ <Никону> къ Москвѣ (А. Ивер. м., 45, 1653 г.).

Способ передвижения в зимнее время года нашел вербализацию в устойчивом сочетании *зимним нартным ходом* — ‘с использованием нарт — узких и длинных саней для езды на собаках и оленях’: *От Мангазѣйскаго городка до Турухансково зимов[ь]я в один конец зимним нартным ходом болии трех недел[ь] ходу* (Сл. Мангаз., 159, 1644 г.). Значение прилагательного ‘северный’: *Лета 7084-го ноября в 20 день данной староста Яким Романов с товарищи взяли с Куи реки, что на зимней стороне, оброку по книгам гривну* (А. Солов. м., 78, 1575 г.) — нашло в том числе актуализацию во фразеологизме *зимний восток* — ‘место над горизонтом, где всходит солнце зимой; северо-восток’: *Межа с зимнего востоку и с летнего с Вяткою Ивановым* (Сл. Перм. I, 215, 1626 г.). Указанное значение прилагательного *зимний* связано со значением сложного прилагательного *зимнесторонский* — ‘находящийся около зимнего (восточного) берега Двинского залива’: *Се яз, тонной сборицик Гришиа Иванов сын Рокулин, взял есми у Мины у Леонтьева сына з двух тонь зимнесторонских ... пять алтын и две денги борчеге, да в том есми и отпись дал* (А. Солов. м., 25, 1572 г.).

Свойственный времени года холод получил вербализацию существительными *зимно* и *зимность*: *Или тварь Божию похулила еси или прокляла еси солнце, или месяц, и звезды небесныя, или день, или ноцъ, или мраз, или снег, или зимно, или слотно, или дождь, или ветр, или град?* (Исповед., 490, к. XVI в. – н. XVII в.); *И имъ приходцимъ людемъ къ церкви Божии приходити, во время великия зимности, съ нуждою же; а иные де малоодежные, за болиюю зимностию, и не приходятъ* (А. Ивер. м., 829, 1675 г.).

Поскольку зима — тяжелый период жизни людей, то, как и в современном языке, активно употреблялся глагол *зимовать* в значении ‘жить, оставаться где-л. зимой; проводить зиму’: *Да вестъно тебѣ буди <И. Снарский> гсдрь батюшка что з нашего Смоленского шляхецакого полку по выбору началным всемъ и насъ оставлено зимоват во Пскове триста коней* (Грамотки, № 225, XVII — начало XVIII в.). Ср. также функционирование отглагольных существительных *зимовье*, *зимованье*, *зимовля* в значении ‘проживание, пребывание где-л. зимой’: *Свѣяня и с цысаремъ во всемъ помирилися и записми розменялися и своих воинских людеи из Цысарскои земли все вывезли на зимове по своимъ городам которые свѣянямъ от цысаря досталися* (В–К IV, 94, 1649 г.). *А в то время валенстеинское воиско на зимоване поставили в модрианских мѣстехъ а ратные многие люди пѣшие и конные добываютца по всеи землѣ гдѣ хто что может* (В–К I, 84, 1626 г.). *А для зимованья приезжим торговым людем поставитъ на том дворе избы и те избы изоброчитъ* (Россия и Восток (Инд.), 76, 1673 г.). *Прислат[ь] мнѣ в Острогужской ... казенные пушечные лошади*

которые даны на **земовлю** (Сл. Ворон. II, 33, XVII в.).

Важно было обозначить животных, переживших зиму, например, **зимнух** и **зимняк** — ‘прозимовавший годовалый теленок, поросенок и пр.’: *Да рогатова скоту корова доиная телушка да быкъ три года овецъ семнатцат[ь] свиней старых шесть **зимнухов** девят[ь] гусей пять уток* (Сл. Ворон. II, 33, 1725 г.). *Казанецъ Михаило Васильев сын Кононов в нынешнем в двести третьем году променил ... моего помещикова скота лошадей кобыла серопега ... две свиньи большие, шесть свиней **зимняков**, двенадцать поросят слетков* (Сл. Каз. 2–4, 1694 г.).

Не менее важны были злаковые культуры, озимые, для обозначения которых использовалось прилагательное **зимовой** — ‘озимый’: *И я холопъ вишь на той своей палуниве пасъел **зимаовой** рожью* (Сл. Ворон. II, 33, 1689 г.).

Зима — время года, для которого значимы помещения для хранения припасов, для пребывания людей, несущих службу в холодный сезон. Прилагательное **зимовой** имело значения ‘оснащенный для хранения чего-л. на зимний период времени’: *На луговой стороне Волги реки, на берегу, где поставлен Зилантова монастыря **зимовой** анбар, дозрети, мочно ли на нагорной стороне выше села Услону ... устроить государевы житницы* (Сл. Каз. 2–2, 85, 1632 г.) и ‘оснащенный для несения сторожевой службы в зимнее время’. Эти значения актуализировались в употреблении устойчивых сочетаний, номинирующих важные реалии, соответственно названным значениям — **зимовой двор**: *Спиридон Павлов кожи въ Рославль продал сказывает гсдрь <К. П. Калмыков> по 60 ру за 100 до Макаревской ярмонки и в сазанах 2 писма на **зимовой двор** с писмом подал* (Грамотки, № 353, XVII — начало XVIII в.) и **зимовое становище**: *Ся разорительная война может прдолитца не токмо до лѣта будет и до зимы такъ что **зимовое** болюе **становище** будет здѣ и в Устеритцкой землѣ и в ыных мѣстех* (В–К I, 195, 1638 г.); а также **зимовой стан**: *И для того доведетца по ево <Кромвеля> совѣту обоих сторон воискамъ в **зимовых станѣхъ** стать* (В–К IV, 174, 1649 г.) и **зимовая станица**: *По вашему великих гсдреи указу поставлено на дворишке моемъ <Д. Осипова> **зимовой** ннешней **станицы** донскихъ казаковъ Иван Ивановъ с товарищи шесть члвкъ* (МДБП, 121, 1696 г.).

Особое значение имело жилье, оборудованное для проживания людей в зимний период. Существительные **зимовье** и **зимовище** имели значение ‘место, где живут или останавливаются зимой, занимаясь каким-л. промыслом’: *Взяли кансково князьца Тымака повыше казачья **зимовья** за два днища, и ево, Тымака, распрошали про князьца Кояна* (Сл. Сибир., 51, 1630 г.). *И как Иван пришел под Азов в ближние **зимовища** атаманские, от Азова за три днища, послал наперед себя к азовскому к диздар Сеферю мишкиных казаков трех человек* (Ст. сп. Новосильцева, 63, 1570 г.).

Зимовье, кроме того, имело еще несколько значений: 1) ‘Дом, строение в лесу, где живут зимой’: *И он, Афонасей <воевода>, ево,*

Иякова, за то <его речи>, бив кнудом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, что он, Ияков, на пытке творил Исусову молитву (Авв. Письма, 192, 1664 г.). Ср. также в этом значении употребление уменьшительно-уничижительного существительного *зимовьишко*: *Зимовье прочево нет, а есть зимовьишко, в котором оне живут* (Сл. Сибир., 51, 1650 г.). 2) ‘Постоялый двор, станция на зимней дороге’: *Идучи дорогою, тот Олексий служилых и промышленных людей, которые с ним посланы, к торговым и промышленным людям в зимовья не пуцал и знобил на морозе* (Там же, 51, 1645 г.). 3) ‘Зимняя постройка, двор в Сибири для сбора податей (ясака) с кочевых народов’: *На усть Идирмы-реки по твоему государеву указу поставя зимовья, учили твой государев ясак збирати с Ылима-реки* (Сл. Сибир., 51, 1632 г.). В рамках этого значения функционирует и устойчивое сочетание *ясачное зимовье*: *Веле[л] тем служилым людям поставить государево ясачное з[и]мовье для государева ясачнова збору в той Неляско[й] землице* (Сл. Сибир., 51, 1633 г.). Существительным *зимовье* обозначалось также и ‘место, где корабль застало ледоставом’: *И пришли де на Волгу в зимовье, где зазимовал ... струг с-ыкроу, 2 человека воровских казаков* (РД I, 75, 1667 г.).

Таким образом, существительное *зима* как вершина объемного словообразовательного гнезда организует важный фрагмент семантического пространства обиходного русского языка XVI–XVII вв. Сема ‘время года’ актуализируется в значении наречий *зимой* (*зимою*), *зиму*, *зиме*, *зимусь*, в прилагательном *зимушный*, в устойчивых сочетаниях *в зиму*, *в (по) зиме*, *зимняя пора*, *зимнее время*, *зимнюю порою*, *зимним временем*. Сема ‘холодное время’ эксплицитно представлена в лексемах *зимно* и *зимность*, а имплицитно в глаголе *зимовать* и существительных *зимовье*, *зимованье*, *зимовля*, имеющих значение процесса и обозначающих существование, проживание в холодное время года. Прилагательное *зимовой* в значении ‘предназначенный для хранения чего-либо в зимнее (холодное) время’ является компонентом устойчивых сочетаний, обозначающих важные реалии времени: *зимовой двор*, *зимовое становище*, *зимовой стан*, *зимовая станица*. Глагол *зимовать* предопределяет, в свою очередь, обозначение мест для проживания — *зимовье*, *зимовьице* и *зимовище*. Сема ‘перезимовавший’ представлена в значениях существительных *зимнух*, *зимняк* (о животных) и *зимовые* (о растениях). Относительное прилагательное *зимний* мотивирует образование существительного *зимняк* и фразеологических сочетаний *зимний путь*, *зимняя дорога*, *зимний первый путь*, *зимним нартным ходом*. А пространственное значение этого прилагательного делает возможным существование и функционирование фразеологизма *зимний восток* и прилагательного *зимнесторонский*.

Следует отметить такие особенности языка анализируемого периода, как одновременное использование однословного наименования и фразеологизированного сочетания, например, *зимняк* и *зимний путь*, *зимняя дорога*; употребление наречий наряду с предложно-падежными конструкциями, с одной стороны: *зимой* и *в зиму*, *в (по) зиме*, а также с устойчивыми сочетаниями, с другой стороны: *зимняя пора*, *зимнее время*, *зимнюю порою*, *зимним временем*. Однокоренные наречия, обозначающие время, в свою очередь, представляют собой синонимы — *зимой* (*зимою*), *зиму*, *зиме*. Внутри данного ряда по частотности лидирует наречие *зимой* (*зимою*), что свидетельствует о тенденции к закреплению именно этой единицы в языке.

Лексикографическое представление описанного словообразовательного гнезда в историческом словаре удачно, на наш взгляд, соединяет лингвистическую и энциклопедическую информацию о зиме.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.) / Собрал архимандрит Леонид // РИБ. СПб., 1878. Т. 5.
- А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) // Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.
- А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.
- Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 53–122.
- Авв. Письма — Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 185–294.
- Арх. Пожарских — Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Dokumente zur Geschichte russischer Güter 1633–1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer. Böhlau; Verlag; Köln; Weimar; Wien. 1996.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. 1–2. М., 1951–1956.
- В–К I — Вести–Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.
- В–К II — Вести–Куранты 1642–1644 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.
- В–К IV — Вести–Куранты 1648–1650 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.
- Гор. России — Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е. Б. Францовой. М., 2002.
- Грамотки — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- Ерш. Ерш. — Повесть о Ерше Ершовиче // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1954. С. 7–19.
- Исповед. — Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2002 [тексты XVI–XVII вв.].
- Леч. Щук. — Указ как лечити больных людей (рукопись ГИМ собр. Щукина № 290).
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

- Назиратель — Назиратель / Изд. подг. В. С. Гольшенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
- Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / Изд. подг. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
- Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1951.
- Пск. писц. кн. II — Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. Москов. архива министерства юстиции. М., 1914. Т. 6.
- РБС — Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
- РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1. М., 1954; Т. 2. Ч. 1. М., 1957; Т. 2. Ч. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1962; Т. 4. М., 1976.
- Сид — Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологического института. М., 1911. Т. 14.
- Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.
- Сл. Каз. — Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань. 2000.
- Сл. Каз. 2-1 — Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. // Изд-во Казанского государственного университета. 2008.
- Сл. Мангаз. — Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.
- Сл. Нерч. I — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / Сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.
- Сл. Перм. I — Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. Т. I. А–О. Пермь, 2010. Т. II. П–Я. Пермь, 2010.
- Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Сл. Смол. — Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000.
- Ст. печ. пр. — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпцы печатного приказа / Под ред. Л. М. Сухотина / Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1–202.
- Ст. сп. Новосильцева — Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.–Л., 1954. С. 63–99.
- Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Хозяйство боярина Б.И. Морозова. Ч. 1–2. М.–Л., 1933–1936.
- Шумаков. Акты офиц. — Шумаков С. Официальные акты (1628–1701 гг.) // Чтения ОИДР. М. 1908. Кн. 4. Отд. 1. С. 38–111.

И.А. Малышева

**ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА
(прилагательные с *пред-*)¹**

Исследованию приставочных образований в русском языке XVIII века уделено значительно меньше внимания, чем образованиям суффиксальным, в том числе и образованиям с *пре-/пред-*, несмотря на их место в лексической системе языка этого периода, когда возникает и целый ряд новаций данного типа. Так, в монографии, посвященной славянизмам в русском языке XVIII века, упоминается только слово *предстательница*²; в монографии о неологии XVIII в. указываются 93 слова с *пред-*, но они рассматриваются только в ряду суффиксальных образований на *-тельный* (*предохранительный, предубедительный, предувверительный* и под.)³; исключение составляют глаголы, но их исследование касается более раннего периода⁴; описание прилагательных с *пре-* также связано в древнем периодом⁵.

Для изучения языка XVIII века образования с *пре-/пред-* — важный материал, который представляет довольно большую группу (по нашим подсчетам, свыше 2000 единиц, из них более 600 прилагательных)⁶.

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)», выполняемого при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-012-00522, руководитель И.А. Малышева).

² *Замкова В.В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. С. 133.

³ *Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975. С. 329–330.

⁴ *Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке. Глаголы с неполногласными приставками. 2-е изд. М., 2010.

⁵ *Цейтлин Р.М.* Старославянские прилагательные с приставкой *прѣ-* // *Studia palaeoslovenica*. ČSAV, Praha, 1971. С. 65–71.

⁶ *Малышева И.А.* Слова с *пре-, пред-* в русском языке XVIII века // *Studia Russica XXVI*. Budapest, 2018. С. 418–425.

Исследование этого материала важно с разных точек зрения: продуктивность подобных образований, активность этой группы лексики в XVIII в., ее стилистическая роль, развитие семантики, факторы активизации в языке и др.

По Картотеке «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII) выявляется группа прилагательных с *пред-*, насчитывающая более 50 единиц. Префикс может выступать в вариантах *пред-/предь-/преди-* (два последних варианта менее частотны¹): *предвременный*, *предохранительный* (*предьохранительный*), *предположительный*, *предпочтительный*, *предпоследний*, *предызыбранный* (*предызыбранный*), *предьизвестительный* и др.

***

Как показало сравнение материалов нескольких исторических словарей (Срезн., СДРЯ, СлРЯ XI–XVII), активное образование прилагательных с *пред-* началось в XVI–XVII вв.

В «Материалах» И.И. Срезневского приведены только два собственно прилагательных: *прѣдьмысливыи* ‘бодрый’ (Срезн. II: 1637) и *прѣдьчинныи* ‘грамм. Поставленный, стоящий впереди’ (Срезн. II: 1642); есть образования с *прѣже-*: *прѣжебрачьныи* ‘перед браком совершаемый, предсвадебный’ (Срезн. II: 1646). Абсолютное большинство составляют причастия с *пред-* и *прѣже-*.

В СДРЯ XI–XIV вв. зафиксированы прилагательные *предьбрачьныи* (СДРЯ VIII: 83), *предьстательныи* (СДРЯ VIII: 112), *предьсѣдательныи* (СДРЯ VIII: 118), *предьтечьскыи* (СДРЯ VIII: 121).

В СлРЯ XI–XVII группа собственно прилагательных с *пред-* значительно больше: *предварительный*, *предвьчный*, *предвидѣтельный*, *предвратный*, *предглаголательный*, *предградный*, *предгрѣшный*, *предименовательный*, *предисвьтный*, *предлагательный*, *предмысливый*, *преднабольший*, *предначинательный*, *предпочтательный*, *предпростый*, *предречительный*, *предтечевский* (*предотечевский*), *предотеченский*, *предувѣдательный*, *предусрѣтательный*, *предчестнейший*, *предчинный*, *предьизвольный*, *предьизрядный*, *предьименитый* и др. По данным СлРЯ XI–XVII, с XVI–XVII вв. в текстах появляются слова *предвьчный*, *предвидѣтельный*, *предглаголательный*, *предлагательный*, *предначинательный*, *предпочтательный* и др.

В XVIII в. процесс образования прилагательных, имеющих в своей структуре *пред-*, продолжался. Например, в СлРЯ XI–XVII отсутствуют такие образования, как *предводительский*, *предвременный*, *предзнаменательный*,

---

¹ Вариант *преди-* в КС XVIII отмечен только у адъективированного причастия *предиозначенный* (ср. с приведенными примерами из СлРЯ XI–XVII).

предложительный, предостерегательный, предосторожный, предосудительный, предохранительный, предположительный, предпоследний, предпочтительный, предприимчивый, предберегательный, предсказательный, предстательный, предсущественный, предужительный, предупредительный, предъустыгательный и др., которые отмечаются в текстах XVIII в.¹

В группу прилагательных с *пред-* может быть включен ряд адъективированных причастий на основании их соответствующей квалификации в лексикографических изданиях. Так, в СлРЯ XI–XVII как «прил.» или как «прич. в знач. прил.» определены следующие слова: *предбудущий, предбывший, предвозлюбленный, предгрядущий, предбывший, предписанный, предипомнимый, предипомянутый, предпущенный, предиреченный, предитекущий, предлежащий, предлежимый, преднареченный, предначальствующий, предписанный, предположенный, предпомянутый, предреченный, предсвершенный, предукончанный, предъидуший, предъизочтенный, предъявимый, предъявленный* и др.

В материалах XVIII века также выявляется большое число причастных форм, которые проходят процесс адъективации: <Философия> *может раздѣлиться ... на предуготовляющую* <на поле: праерагans>, или *служащую орудием, и на главнѣйшую* (Трд. СП II 253)². *Обратил Государь рѣчь свою к предстоящему Лейтенанту Соимонову* (ЕС 1763 I 224). *Господин Профессор Цейгер ... в предреченном сочинении объявил изобрѣтение, которое послѣднему сему намѣренію совершенно пособствует* (ЕС 1763 III 275). *Мы принуждены были на десятиверстном мостѣ мучиться, перенося сляги с мѣста на мѣсто, и дѣлая созади новыя проломы, чтобы замостить предлежащие* (Пут. Леп. III 191). *Убѣгать всего посторонняго и не принадлежащаго к предъизбранной цѣли своего учения* (Чбт. 1779 13). *Пребыв во чревѣ жены предъопредѣленные девять месяцев, зародышъ стал дитя* (Рдщв Чел. II 26). *Время сие ... было для прусскаго короля самое критическое. Он доведен был всеми предслѣдующими кампаніями до самаго уже истощанія* (Зап. Блтв II 448). *И так, любезные мои собратія — сказал предсѣдающій Епископ к прочему собранію — и так чему дивиться, что по сие время сомнѣвались в существованіи Антиподов?* (МЖ II 278). *Откроем глаза предубѣжденной Публикѣ, которая упрямиться читать неподражаемая*

---

¹ Появление в языке и некоторых глаголов, от которых могли образоваться прилагательные данного типа, исследователи относят ко времени после XVII в.: «значительное количество глаголов, содержащих приставку *пред-*, впервые зафиксировано после XVII в. (*предвкусить, предохранить, предначертать, предостеречь, предпринять* и мн. др., а также отыменные: *предводительствовать, представительствовать* и т. п.)». В кн.: Удуганов И.С. Славянизмы в русском языке... С. 65.

² Шифры источников и словарей XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–142; см. также: <https://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html> (24.04.2018, сайт ИЛИ РАН).

его творения (Спб. М. II 32). *Ежели хочешь основательно узнать человека ... надобно еще присматривать и за его дѣлами, и из них — больше за мѣлочными, домашними, скоростижными, ... которые сдѣланы мимоходом, без **предположенных** видов* (Муза II 91)¹.

Кроме того, глаголы, от которых могли быть образованы подобные причастия, в текстах не всегда обнаруживаются (*предидозначенный, предкончаемый, преднамереваемый, преднареченный, предносимый* и др.).

Количество образований с *пред-*, в том числе и прилагательных, постепенно возрастает, и к середине XVIII века активность их становится высокой².

О потенциальной вероятности (или возможности) существования в языке большего количества подобных прилагательных могут свидетельствовать зафиксированные наречия при отсутствии и в КС XVIII, и в словарях XVIII в. материалов на производящие прилагательные, особенно ярко это представлено в «Лексиконе» Ф. Поликарпова: *Предвидно*, προβλεπτικῶς (ЛП 35); *Предуспѣшно, предпоспѣшно* ... праεργονερε (ЛП 39); *Предводителнь*, προηγουμένως, antecedenter, praecedenter (ЛП 35). Подобные примеры встречаются и в текстах: *Тилемах находился в великих трудностях крайно, Чтоб себя **предохранно** вестъ в осторожности должной, Толь при многих Царях, друг-на-друга в зависти бывших* (Трд. Тилем. II 58)³.

С одной стороны, это может объясняться недостатком имеющихся материалов, с другой — и свойством лакунарности языковой системы. Нельзя исключать и того, что подобные слова могли появиться единожды в результате авторского словотворчества или калькирования иноязычного слова.

---

¹ В этот же ряд можно поставить такие слова, как *предвѣдущий, предверженный, преднамеренный, предожидаемый, предумысленный* и *предумышленный, предпоказанный, предупомянутый, предутвержденный* и др.

² В САР² зафиксированы следующие прилагательные (в том числе и причастия, имеющие помету «прил.»): *предварительный, предводительский, предвозгласный, предврученный, предвѣщательный, предзрительный, предлежащий, преднаставленный, предначертанный, предопредѣленный, предпоставленный, предостереженный, предосторожный, предосудительный, предохранительный, предположенный, предположительный, предпочтительный, предприимчивый, предсѣдательский, предубежденный, предувѣренный, предувѣрительный, предуготованный и предуготовленный, предузнанный, предупредительный, предупрежденный, предусмотрѣнный, предусмотрительный, предъизвѣщенный, предъявительный* и др. Некоторые из них не представлены словарной статей, но встречаются в толковании: так, *предусмотрительный* отмечается в статье слова *предусмотрительность*: *Разсудительность, проницательность; свойство **предусмотрительнаго*** (САР² V: 198).

³ В СлРЯ XI–XVII также зафиксированы наречия *предводителнь* (СлРЯ XI–XVII 18: 182), *предстательски* ‘как подобает главе, начальнику’ (но: *предстатель, предстательница*) (СлРЯ XI–XVII 18: 211–212), *предхранительнь* (СлРЯ XI–XVII 18: 217) при отсутствии производящего прилагательного.

По большей части прилагательные с *пред-* отглагольного происхождения (часто через ступень отглагольного существительного) и, как правило, имеют финаль *-тельный*, реже — *-тельский*:

предвѣщать – *предвѣщатель* – *предвѣщательный*,
предводити – *предводитель* – *предводительский*,
предвозвѣстити – *предвозвѣститель* – *предвозвѣстительский*,
предсказати – *предсказатель* – *предсказательный*,
предстати – *предстатель* – *предстательный*,
предостерегати – *предостерегатель* – *предостерегательный*,
предсѣдати – *предсѣдатель* – *предсѣдательский* и др.¹

Однако не все из них имеют обе ступени образования (глагол > существительное > прилагательное). Чаще в таком ряду не зафиксировано существительное:

предзнаменовати – *предзнаменовательный*,
предлежати – *предлежательный*,
предосудити – *предосудительный*,
предохранити – *предохранительный*,
предположити – *предположительный*,
предпочтити – *предпочтительный*,
предувѣдомити – *предувѣдомительный*,
предузнавати – *предузнавательный*,
предупредити – *предупредительный*,
предусмотрѣти – *предусморительный*,
предъявити – *предъявительный* и др.

Иногда материал не показывает ни глагола, ни существительного, от которого могло образоваться прилагательное: *предзнаменательный*, *предсберегательный*, *предуложительный* и др.

Отдельную группу составляют отыменные образования: *предвѣчный*, *предвременный*, *преддверный*, *предднимый*, *предопасный*, *предостровной*, *предосторожный*, *предполуденный*, *предпоследний* и др.

***

Образования с *пред-* (не только прилагательные) в целом широко представлены в переводных текстах (художественных, научных,

---

¹ Исследователи отмечают активность некоторых глаголов с *пред-*, от которых могли образовываться интересующие нас прилагательные: «Можно говорить об устойчивой традиции употребления глаголов *предъвозвѣстити*, *предъвѣстити*, *предъопределити*, *предъпочести*, *предъпочитати*, *предъпочтити*, *предъуспѣвати*, *предъуспѣти*, *предъшьствовати*, которые чаще ... употреблялись в памятниках XV–XVII вв. показательно, что многие из них употребляются и в современном языке». В кн.: Улукханов И.С. Славянизмы в русском языке... С. 65.

богословских, философских, публицистических и под. произведениях), в большей степени связанных с западноевропейскими источниками: <Феб> говорил <Фаэтону> ... надобно нам стати. Блещутся зори согнав темноты **предденны** (Кн. премен 115). Увидѣв же яко дядя его, и другия множашии, ему послѣдующие ... от **предвзятыя** вѣры отступают ... начал <Мухаммед> прилѣжнѣе и пространѣе таинства Курановы ... изъяснати и толковати (Кн. сист. 21)¹. Послѣдует от **предпоказаннаго** предложения, что суперфициа мокрых вещей есть сферичная (Геогр. ген. 1718 114). **Предуложительных** ... Естественнаго Права Узаконениях, именуемых от Пуффендорфия Правом Народов, предлагаемо здѣсь послѣдовательно будет (Римск. ист. VII с. I). **Предузнавательная** Наука или Наука о прогностиках есть часть Врачебной Науки (Дом. леч. I 351).

Нередки они и в оригинальных философских, публицистических сочинениях, в переписке: Из ... на сей странѣ моря обрѣтающихся королевских датских провинций нѣсколько в Шканию отобрать и тѣм, якобы, от **предмных** при учреждении нейтральства с шведской королевской стороны кондицій отступить хотѣли (АК II 261). Поищем таковых в природѣ фактов, до **предрождественнаго** существования чловѣка касающихся (Рдщв Чел. II 9). Сѣмя зачатия было **предсущественно** (Рдщв Чел. III 143). И так **предрожденное** состояние чловѣка опредѣлило его состояние в жизни (Рдщв Чел. II 191). При сем случаѣ смѣю спросить: Верховное оное Существо находило ли **предлежательную** причину (*rationem objectivam*) все так благоустроить, как примѣчаем, или нѣтъ? (Брян. 1790 7). Его в-во велѣл препроводить к Лозанскому правителю **предъизвъстительное** письмо с прошением, чтобы ... выслана была вооруженная барка для прикрытия переѣзда (Псм Б.-Б. III 7). Самыя погрѣшности предшественников и слѣдствия оных ими претерпѣнныя суть уже для нас драгоценныя приобретения, представляя нам собою такія **предсберегательныя** средства, без которых во многих случаях не смѣли бы мы и приступить к искушению природы, не подвергая себя опасности заблуждений (Пнк. 1800 47)².

---

¹ Это наиболее ранний зафиксированный пример употребления слова *предвзятый* в исходном значении 'взятый раньше': в переводе И.И. Ильинского с латинского языка «Книги систимы» Д. Кантемира (1722 г.). Исследователи относят *предвзятый* к калькам XVIII века, называя ранней датой 1731 год со ссылкой на ВЛ. См.: Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. М., 2000. С. 190.

² Ср. замечание об употреблении глаголов с *пред-* в текстах XV–XVII вв.: «Глаголы с приставкой *предь-* в произведениях, отражающих русский и церковнославянский языки, представлены, естественно, в основном, в книжных контекстах. Два глагола с приставкой *предь-* (*предъварити* — 3 и *предълежати* — 3), отмеченные в Псковской летописи, воспроизводят контексты, типичные для церковно-книжных произведений». В кн.: Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке... С. 207.

Характер текстов, в которых обнаруживаются прилагательные с *пред-*, подтверждают принадлежность подобных слов к книжному языку, связанным своими традициями с языком церковнославянским¹.

***

Прилагательные с *пред-* представлены в языке XVIII в. с разной степенью частотности и активности.

Ряд слов, употребляемых в текстах такого рода, связан с именами отдельных личностей, как авторов, так и переводчиков, и, как правило, остаются фактом отдельного текста, не находя активного использования в языке: *предлагательный*, *предиозначенный*, *предпоказанный* (Ф. Поликарпов), *предмнимый* (Ф. Куракин), *предберегуший*, *предкончаемый*, *предуложительный*, *предутвержденный* (В. Третьяковский), *предрождественный*, *предсущественный* (А. Радищев), *предвременный* (А. Радищев, Г. Державин), *предносимый* (Я. Козельский), *предостровной* (Ф. Коржавин), *предсберегательный* (М. Панкевич) и др.

Часть слов имеет только словарную фиксацию в иноязычно-русских словарях (чаще начала и середины века), и, скорее всего, появление их является результатом единичного калькирования с целью передать значение иноязычного слова: например, *Предвъдѣтельное*, *предпознателное* (ЛП 35); *Предградский*, *приградский*, *προκςειος*, *anteurbanus*, *suburbanus*, *antemuranus* (ЛП 36); *Предпразднственный* ... *dies festiuitatem praecedens* (ЛП 38); *Предумерый* ... *praemortuus* (ЛП 39); *Предсоглядательный* *корабль* ... *navis speculatoria* (БП 141); *Caduceum*, *палица*, *знак бирючов*, *предвозвъстителскии* (ВЛ 293); *Suburbicaire*, ... *Предмѣстный*, *предградный* ... (у Римлян) *что принадлежало к предмѣстиям* (ФРЛ¹ II: 555); *Предисловный*, *к предисловию надлежащий*, *предъувѣдомительный* (ФРЛ¹ II: 35). Единичные примеры встречаются и в САР¹: *предъявительный* (САР¹ VI: 1030).

С другой стороны, достаточно много новых слов с *пред-* (в том числе и авторских) прочно вошло в лексическую систему языка, развив новую семантику или расширив свойства своего употребления: *предвзятый* (И. Ильинский), *преднамеренный* (В. Третьяковский), *предосудительный*, *предохранительный*, *предположительный*, *предпочтительный*, *предприимчивый*, *предупредительный* и др.

Новые источники СРЯ XVIII, изученные в последнее время, позволяют не только выявить не зарегистрированные ранее в КС XVIII слова (например, *предденный*, *предзаписной*, *предиозначенный*,

---

¹ Иногда слова данного типа отмечаются в деловом тексте, например, *предзаписной*: *В том числѣ предявленнаго хмеля с предзаписной покупочнои цены с семнатцати рублев с полтиною ... пошлиннаго пятиденежнаго платежа с продажи своеи платили* (ТК В. Уст. 1722 л.7об.).

*предлагательный, предложительный, предобращенный, предъуспъ-
 ятельный и др.), но и дополнить уже имеющийся материал. Так, слово
 предопасный в значении ‘предосторожный’ представлено в КС XVIII
 единственным примером из «Тилемахиды» В. Третьяковского и, по
 правилам СРЯ XVIII, должно быть сопровождено пометой Един.:
 Благотворителю быти надлежит **предопасну**; А сея предохранности в вас
 теперь я-не-вижду (Трд. Тилем. I 93). Однако примеры употребления
 данного слова обнаруживаются в грамотах Антониево-Сийского
 монастыря 60-х гг.: Оба бити меня стали ... причемъ выговаривали что де
 мы манастырщину и впредь бити будемъ а суда имъ на насъ взять негдѣ:
 чего я нижайшій весма **предопасенъ** (с. 17; 1768 г.), Сѣнь Клюкин тогда
 почал меня бранит занапрасно неподобною скаредною бранью ... с
 угрожителствомъ таковымъ что де ты впредь его паметѣи каковыхъ ево
 угрозъ я нижайшая впредь весма **предопас<на>** (с. 22; 1769 г.), Казначей
 игдменъ Доровеи ... бѣжал и гдѣ ннѣ находится неусвѣстно от котораго
 ево побѣгу ннѣ и братство в пропитаніи хлѣбномъ и в прочемъ имѣють
 крайнѣи недостатокъ и осквдѣніе а чюлана распечатат **предопасны**
 (с. 30; 1772 г.)¹. В данных контекстах *предопасный* демонстрирует иное
 значение — ‘опасающийся, боящийся чего-либо’².*

***

Активизация образований с *пре-/пред-* и увеличение, в частности, группы прилагательных во многом обусловлены возрождением в середине XVIII в. интереса к церковнославянским элементам русского языка. Исследователи связывают этот процесс с именем В. Третьяковского: «Новые общественные настроения стремительно отбросили чуткого к веяниям времени Третьяковского в другую сторону, вернув его к церковным истокам «славянщины». В 40–50-х годах начинается усиленная реставрация литературных прав церковнославянского языка»³. В произведениях В. Третьяковского 50-х гг. (например, «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели», 1752 г.) употреблено большое количество слов с церковнославянскими языковыми чертами, в том числе и с префиксами *пре-/пред-*: *превозношение, превышение, предвосприятый,*

¹ Никитин О.В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.–Смоленск, 2001.

² Ср.: **Опасный** — А мое, сироты, домишко дворенко съ нимъ Яковомъ смежно и въ близости; и я сирота твой, Федота опасенъ, потому что онъ Федотъ ходитъ за всякимъ дуровствомъ. А черд., 144 1699 г. (СлРЯ XI–XVII 13: 9); **Опасный** — Опасен, ... Опасается, боится ... Без данного нам о пропуске от здешней канцелярии билета отбыть опасны. Пам. Тюм. 452. (СРЯ XVIII 17: 10).

³ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 100. См. также: Успенский Б.А. Языковая программа позднего Третьяковского: Третьяковский и Шишков // Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 170–218.

предзрѣть, преднаписанный, предприемлемый, предприятый, предуставленный, преизбыточество, прехвальный и др. КС XVIII содержит немало примеров единичного употребления слов с *пред-* в текстах, авторство (перевод) которых принадлежит В. Третьяковскому: *предберегуций, преднамѣриться, предобѣщать, предожидание, предопасение, предопастись, предохранно, предохранность, предповѣрить, предпочтенность, предразмышлять, предсозерцать, предуловить, предуложительный, предусмотритель, предсущие, предутвержденный, предъисходить* и др.¹

В 60-е годы продолжение славянизации русского языка связывают с деятельностью группы писателей и переводчиков, объединенных вокруг И.П. Елагина. Это время, «означенное именами Елагина и Фонвизина», определяют как «эпоху безраздельного и неоправданного влияния церковного языка» (В.М. Живов²): «Славянизмы начинают насаждаться и в среднем стиле, в языке переводов повестей и романов ..., в языке научных трудов, как русских, так и переводных»³.

***

Активность в XVIII веке процесса образования прилагательных (адъективированных причастий) с *пред-* проявляется в определенной произвольности образования синонимичных наименований и в многочисленных синонимических рядах.

---

¹ По данным КС XVIII, более 80 слов с *пре-* и *пред-* имеют единичное употребление лишь в текстах, принадлежащих авторству В. Третьяковского.

² См.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 430.

³ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е–90-е годы XIX века. М.–Л., 1965. С. 47. См. также: Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. Лексика. М., 1964. С. 19. Например, наиболее ранние примеры употребления церковнославянского слова *прелестный* в новом переосмысленном значении ‘прекрасный, очаровательный’, по данным КС XVIII, отмечены в переводном с французского языка романе А.-Ф. Прево «Приключения Маркиза Г ... или Жизнь благородного человека, оставившего свет» (перевод И. Елагина и В. Лукина, 1756–1765 гг.). Если в переводе И. Елагина *прелестный* употребляется в значении, в определенной мере еще совмещающем черты исконного значения и уже формирующегося нового (‘приманивающий, прельщающий’ и ‘прекрасный, очаровательный’: *В такой нѣжной юности, и не взирая на прелестную ея красоту, испытала уже она ... жестокия напасти* (Маркиз III 108)), то частях, которые принадлежат переводу В. Лукина, *прелестный* в значении ‘прекрасный, очаровательный’ встречается чаще, и не только по отношению к женщине: *Тамо представилось глазам моим прелестное зрѣлище* (Маркиз V 52). См.: Мальшева И.А. «Прелестное хищение..., прелестной взор..., прелестныя места...» // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сб. статей. Рязань, 2017. С. 47–54.

Слова-синонимы обнаруживаются у разных авторов. Так, слово **предопасный** ‘предосторожный’, как уже сказано, отмечается у В. Третьяковского (см. пример выше). В этой же цитате есть слово **предохранность**, которое предполагает образование от прилагательного **предохранный**, полным синонимом к **предопасный**. Однако прилагательное **предохранный** в текстах не зафиксировано. С другой стороны, в текстах середины века у других авторов появляется слово **предосторожный**: *Сей как предосторожной, так и храброй муж <Франкенберг> пришел в сомнение. Он положился на власть Божию, ожидая, какую она ему и порученному ему войску определит судьбину* (Сойм. КМ I 31). *Наибольший порок в предосторожных людях есть тот, что они с лишком далеко видят* (Женск. шк. 130).

Синонимические ряды образуют такие прилагательные, как **предисловный** – **предувѣдомительный** – **предувѣдомляющий** – **предъизвъстительный**¹; **предлагательный** – **предложительный**; **преднимый** – **предожидаемый**; **предохранительный** – **предсберегательный**²; **предверженный** (вещь) – **предлежащий** (вещь) ‘предмет, объект’³ и др.

Сопоставление словарных толкований выявляет более широкие синонимические ряды, чем они могут быть представлены по отношению к тому или иному слову в текстах. Например, со значением ‘прежде известный, названный, сказанный’: **Предсказанный** — **предвозвѣщенный** (САР² V: 186); **Предвозвѣщенный** — **предсказанный**, **предреченный** (САР² V: 165); **Преднареченный** — **предназначенный**, **предопредѣленный** (САР² V: 175); **Предъизвъщенный** — **предувѣдомленный** (САР² V: 203).

---

¹ **Предисловный**, к предисловию надлежащий, **предувѣдомительный** (ФРЛ¹ II 35). *Его в-во велѣл препроводить к Лозанскому правителю предъизвъстительное письмо* (Псм Б.–Б. III 7).

² Для сохранения здоровья от сих лихорадок, присовокупить можно которой нибудь **предохранительный** укус (Врач. прав. 40). *Самыя погрѣшности предшественников и слѣдствия оных ими претерпѣнныя суть уже для нас драгоценныя приобрѣтенія, представляя нам собою такія **предсберегательныя** средства, без которых во многих случаях не смѣли бы мы и приступить к искушению природы, не подвергая себя опасности заблуждений* (Пнк. 1800 47).

³ В разсмотрѣнии моем, одна по истиннѣ только мнѣ точнѣйшая истинна есть цѣлюю, и **предверженною вещию** (Трд. Древн. рос. 203). *Угол GFH гораздо больше угла CFM есть, под которым глаз на **предлежащую** вещь смотрит* (Прим. Вед. 1732 203). **Предлежащая** вещь сему Учению <Гражданской философии> есть, **Общество сожития человеческого** (Трд. СП II 273). Ср.: «Основными наименованиями в значении ‘предмет, объект’ на всем протяжении XVIII в. являются вещь, предлежащая (предложенная, предверженная) вещь, предлежащее, предлог, предложение и распространяющееся с 50-х годов слово предмет» В кн.: *Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М., 1972. С. 19. См. также: Веселитский В.В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964. С. 86.*

В словарных толкованиях выявляются многие синонимичные образования с *пред-*: **Предусмотрѣнный**, ... *предвидѣнный, предузнанный* (САР¹ V: 610); **Предвиденный** — *предусмотрѣнный, предувѣденный, предузнанный* (САР² V: 162); **Предувѣдѣнный** — *предузнанный* (САР² V: 194); **Предназначенный** — *предопредѣленный, предложенный* (САР² V: 174); **Предопредѣленный** — *предназначенный, представленный* (САР² V: 177); **Предварительный** — *предупредительный, предшествующий* (САР² V: 161); **Предвозгласный** — *предвозвѣщающий* (САР² V: 165); **Преднаписанный** — ... *предначертанный* (САР² V: 174); **Предостереженный** — *предупрежденный, предохраненный от чего либо неприятнаго или опаснаго* (САР² V: 178); **Предположительный** — ... *предпоставляемый* (САР² V: 182); **Предувѣренный** — *предувѣжденный* (САР² V: 194) и др.

***

Прилагательные-новации, становясь общеупотребительными, расширяют лексические связи, нередко приобретают широкий семантический спектр, входят в гнездо однокоренных слов, которые также являются новациями XVIII в. (например, *предохранить, предохранение, предохраниться, предохранительный, предохранилище; предприимчивый, предприимчиво, предприимчивость*).

Слово **предосудительный** ‘заслуживающий осуждения, порицания’ относится к новациям XVIII века и впервые зарегистрировано в «Поденных записках» Петра I при обсуждении условий Ништадского мира (Ништадский мир — 1721 г.): *Дабы спасти столицу и землю свою, учинил <датский король> зѣло предосудительный мир* (ЖПВ I 10). *Мир заключили, и весьма предосудительный трактат написали* (ЖПВ I 142). Более раннее употребление наречия *предосудительно* отмечено в материалах Б. Куракина (1711 г.): *то <война> было бы предосудительно в коммерции* (АК V 11).

Активизация употребления данного слова отмечается с 50-х годов. Расширяется лексическая сочетаемость: *предосудительное заблуждение, поведение; предосудительный поступок; предосудительные свойства, поступки, страсти, злоупотребления*. Более широкие лексические связи способствуют развитию нового оттенка значения — ‘содержащий осуждение, порицание’: *Не догъхав еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосудительными поступками привел <Атласов> служивых в такое огорчение, что всѣ почти послали на него в Якутск челобитныя* (Краш. ОЗК II 199). *Противное поведение воли отцовской есть незаконное и предосудительное* (Дсн. 1768 41). *Должно оной <кормилице> быть прилѣжной, ... ни к каким предосудительным страстям несклонной т. е. не сердитой, не сварливой, не пьянствующей* (Зыб. 1775 23). *При таких*

предосудительных и смутных обстоятельствах, чего иного можно было ожидать кроме несчастья! (Зап. Блтв I 536).

С середины XVIII в. отмечается слово **предпочтительный**, первая его фиксация встречается у В. Тредиаковского: *Бранноносцы или Миротлюбцы суть предпочтительнѣе* (Трд. Тилем. II 42). В 80–90-е гг. количество употреблений данного слова значительно возрастает: *Употребляется дерево ея <тополи> столярами на доски, кои тѣм предпочтительны что не щеляются* (Зуев Ест. ист. I 95). *Естьли ... соединенныя существительныя будут разнаго рода ... то ... Прилагательныя иногда изображаются в предпочтительнѣйшем родѣ ... каковыми почитаются, род мужеский пред женским и средним* (Брсв Грам. 168). *Я очень обрадовался такому случаю, надеясь от них <щеголих> узнать цѣну и достоинства сих уборов и которые из оных была больше в модѣ и один перед другим предпочтительнѣй* (ПД I 154). *Между изящными искусствами Музыка заслуживает предпочтительное мѣсто* (Антн. 1798 25). Начинает формироваться значение ‘содержащий, заключающий в себе предпочтение’: *Молодой человек почувствовал к ней <Нинон Ланкло> самую сильную страсть; а предпочтительная ласка, которую она оказывала ему, воспламенила его еще болѣе* (ММ II 175; 1803 г.).

Еще одним примером может служить прилагательное **предохранительный**, зафиксированное с начала века в значении ‘предохраняющий от вреда, опасности; сберегающий, охраняющий’ и к концу века отмечаемое в значении ‘предназначенный для предохранения чего-л. от повреждения, порчи’: *Для сохранения здоровья от сих лихорадок, присовокупить можно которой нибудь предохранительный уксус* (Врач. прав. 40). *Пред ссыпанием в предохранительную житницу, надлежит рожь пропустить опять сквозь грохот для осушения* (Сл. нат. ист. I 171).

Важной чертой прилагательных с *пред-* является употребление их в специальных значениях, что связано с вхождением «славянизированных» слов в язык научных сочинений по разным областям знания. Формирующийся научный язык XVIII века усваивал не только иноязычные термины, адаптированные к новым научным понятиям общеупотребительные слова, но включал и книжно-славянские словообразовательные типы¹: *предвосприятное мнение, предлагательный союз, предлежательная причина, предлежащее ‘объект’, предложительныя узаконения, предположительныя умствования, предъидущий* (в логике, математике, грамматике) и др.

Возникшее новое слово для обозначения терминологического значения (в частности, грамматического) могло вступить в синонимический ряд с уже существующим обозначением, впоследствии

---

¹ См., например, исследование Л.Л. Кутиной о приставочных глаголах с *низ-*: *Кутина Л.Л. К вопросу о неославянизмах (глаголы с приставкой низ- в русском языке XVIII века) // Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Л., 1990. С. 99–113.*

заменив его. Так, со времен «Грамматики» М. Смотрицкого (1618–1619 гг.) употреблялось слово *предкончаемый* (об одном из типов слогов в связи с изменением характера ударения). В XVIII столетии *предкончаемый* отмечается в «Технологии» Ф. Поликарпова (1725 г.), в «Российской универсальной грамматике» 1769 г. (и последующих изданиях) Н. Курганова¹. В значении ‘предпоследний (слог)’ его использует В. Третьяковский в работе, посвященной русскому стиху (1735 г.), М. Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739 г.), обнаруживается оно и в конце XVIII в. в «Российской грамматике» А. Барсова: *Ежели бы сочетавать нам Стихи; то бы женской Стих у нас падал Рифмою на предкончаемом не обходимо слогъ, а мужеской не премънно бы на кончаемом* (Трд. СРС 23). *Все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится* (Лом. АСС VII 16). *Надлежит примъчать, что выключенная при произведении родительного предкончаемая самогласная Е и О в творительном должна возвратиться на свое мѣсто как лестъ льсти лестью; ... любовь, любви любовью* (Брєв Грам. 143). Наряду с *предкончаемый* в филологических трудах В. Третьяковского начинает употребляться слово *предпоследний* (новация XVIII в.): *Поляк также, всегда и непременно предпоследний слог в словах своих силою ударяет* (Трд. Ортогр. 239; 1748 г.). В дальнейшем именно оно становится употребительным в создаваемых грамматиках, например, в «Правилах о произношении российских букв ... или о правописании» (1772 г.), в «Начальных основаниях российской грамматике» П.И. Соколова (1788 г.) и др.

Отдельной темой исследования прилагательных с *пред-* должно стать выявление и этимологизация калькированных образований, которые в общем ряду данных прилагательных занимают в языке XVIII в. значительное место и обнаруживаются как в русско-иноязычных и иноязычно-русских словарях, в переводных текстах, так и в оригинальных произведениях отдельных авторов.

---

¹ *Аще на предкончаемом <слоге> глас произносит предизостренный, яко милостивый, здѣ ясно есть 4 слог ми* (Плкрпв Технол. 177). *Слог ... 3. Пропредкончаемый, как: пастырь. 4. Предкончаемый, как: дѣйствие. 5. Пропредкончаемый, какъ: священничество* (ПК 1769 102).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- САР¹ — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806–1822.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XI. М., 1988–2016 (издание продолжается).
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893, 1902, 1912.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л., СПб., 1984–2015 (издание продолжается).

С.В. Русанова

**ОТНОСИТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *КОТОРЫЙ*
В ЯЗЫКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
И НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТАНДАРТ**

История формирования относительного значения у местоимения *который*, связанная с эволюцией определительного придаточного подчинения, представляется одной из сложных и интригующих своими лексико-семантическими и функциональными перипетиями.

По мнению В.М. Живова, относительные придаточные с местоимением *который*, замещающим определяемое имя главного предложения, утверждаются в качестве стандартных в рамках новой европейской культуры к концу тридцатых годов XVIII века¹. Связь данных конструкций с новым языковым стандартом подчеркивается частотностью их употребления, резко возрастающей в этот период. Г. Хютль-Фольтер объясняет этот процесс влиянием французского языка, что обнаруживается в соответствии указанных конструкций аналогичным французским синтаксическим построениям в сделанных с французского языка переводах². В.М. Живов выражает несогласие с подобной трактовкой роста относительных атрибутивных предложений. Ученый считает, что активизация в XVIII в. местоимения *который* в относительных предложениях не связана с влиянием французского или немецкого

---

¹ Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 113.

² Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache: Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar; Böhlau Verlag, 1996. P. 44. В связи со сказанным обращают на себя внимание иллюстрации к дефиниции относительного местоимения *который* в «Словаре русского языка XVIII века»: большинство приведенных примеров — из переводной литературы середины 30-х–90-х гг. (СРЯ XVIII 10: 208–210). О французском влиянии на формирование придаточных относительных с местоимением *который* также см.: Круглов В.М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004. С. 62–89.

синтаксиса; она обусловлена лексической заменой книжных относительных местоимений *иже, яже, еже* некнижным местоимением *который*. Эта замена, не меняющая по существу синтаксического построения, способствовала устранению одного из признаков книжности — союзных слов *иже, яже, еже* — и утверждению логического развертывания как универсального, т. е. распространяющегося на все виды регламентированного письма, принципа¹. Неординарность ситуации заключается в том, что для донационального периода, когда происходило формирование книжного и некнижного (делового) письменных узусов, придаточные определительные конструкции с церковнославянским союзным словом *иже, яже, еже* и русским *который, которая, которое* в ряду противопоставлений, маркирующих грамматическую норму книжной и деловой письменности, исследователями не отмечаются. Так, М.Л. Ремнева, наряду с морфологическими категориями времени, императивности и числа, выделяет три типа подчинительных конструкций: условные, целевые и временные, оформление которых является ключевым в указанном противопоставлении. Устойчивыми признаками грамматической строгой нормы книжно-славянского языка в памятниках церковнославянской письменности XI–XVII вв. являются конструкции с союзом *егда* и дательным самостоятельным для передачи временных отношений; конструкции «*аще ...* презентная форма глагола / сослагательное наклонение / императив / да+презентная форма глагола» для передачи условных отношений; конструкции «да+презентная форма глагола» для передачи целевых отношений. Аналогичные отношения в памятниках делового письма исследуемого периода оформляются соответственно восточнославянскими 1) временными союзами *коли, как, когда*; 2) условными союзами *аже, оже, аче, ли, а буде(т), естли*, а также бессоюзными условными конструкциями; 3) целевыми союзами *абы, оже* (+форма на -л), *чтобы* и бессоюзными целевыми конструкциями².

Отсутствие оппозиции определительных конструкций с *иже, яже, еже* и *который, которая, которое* как значимых для противопоставления книжной и деловой нормы, безусловно, связано с поздней активностью относительного местоимения *который, которая, которое*, о чем свидетельствуют результаты исследования истории русского синтаксиса. А.Н. Стеценко относит активизацию предложений с данным местоимением к XV–XVI вв.³ Причем, насколько позволяют судить цитируемые памятники, употребительными они являются прежде всего в деловом языке. А.И. Сумкина считает, что определительные придаточные

¹ Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. С. 107, 109.

² Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

³ Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. С. 304–305.

предложения с местоимением *который* достигают широкого распространения лишь в XVII в.¹ С.И. Котков, З.Д. Попова, исследовавшие синтаксис южновеликорусских письменных памятников XVII в., отмечают редкость в них определительных придаточных предложений с относительным местоимением *который* по сравнению с другими языковыми средствами относительной связи, в частности такими как относительное местоимение *что*². О распространенности в деловом языке донационального периода конструкций с относительным словом *что* пишут также А.И. Сумкина, В.И. Борковский³.

Весьма пеструю картину, отражающую серьезные эволюционные процессы в области придаточного относительного подчинения, представляет собой деловой язык первой четверти XVIII в. Конструкции с местоимением *который* отличаются многообразием, обусловленным рядом факторов: расположением придаточной части по отношению к главной (препозитивное–постпозитивное, контактное–дистантное), повтором в придаточной части определяемого имени существительного или его отсутствием, наличием или отсутствием соотносительного слова в главной части сложного предложения и др. Такая формально-содержательная пестрота предложений с местоимением *который* позволяет исследователям высказывать сомнение по поводу их оформленности и статуса: «Понятие придаточного кажется в значительной степени размытым, иногда трудно разграничить случаи относительного подчинения и, с одной стороны, отдельные предложения либо части сложносочиненного или бессоюзного предложения, с другой — придаточные другого вида»⁴. И все же, несмотря на отдельные структурно-семантические сложности исследуемых конструкций, в языке законодательных актов первых лет XVIII столетия можно выделить следующие основные типы подчинительных предложений с местоимением *который* в качестве союзного слова. Приведем примеры из документов 1700 г., свидетельствующие о фиксации всех перечисленных ниже конструкций.

1) Конструкции с препозицией придаточного и повтором определяемого имени после местоимения. Такие конструкции традиционно относят к архаичным, унаследованным из приказной письменности: *Также которые люди будут у того корабельнаго дела, ... велеть бы тем людям без*

---

¹ Сумкина А.И. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды Института языкознания. Т. 5. М., 1954. С. 182.

² Котков С.И., Попова З.Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986. С. 62.

³ Сумкина А.И. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. С. 178–179; Борковский В.И. Препозитивные придаточные с неизменяемым «что» в древнерусских грамотах // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М., Л., 1958. Т. XIV. С. 581–589.

⁴ Кагарлицкий Ю.В. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 7. С. 137.

всякаго начальничья принуждения дать свободную льготу ... а **которые припасы** к тому корабельному строению будут вывезены из за моря, и с тех бы припасов у Архангельскаго города пошлин с них имать не велеть (ПСЗ IV 4). **Которые торжки** в Архирейских и монастырских и помещиковых и вотчинниковых в селех и волостях были на откуп и на оброке, и пошлины собирали на себя, чьи те села и волости, и на тех торжках пошлины, также, где пристойно, и питейную прибыль собирать на Великаго Государя выборным Бурмистром (ПСЗ IV 5). А **которые истцы** похотят кого заимщика от иных истцов от всех долгов окупить, и того заимщика со всеми животами отдать тому, кто его от всех долгов окупить. А **которыя** ж такая **дела** по прежним указам вершины, а будут челобитчики Генваря до 1 числа 1701 года: и те дела повершить по сему Именному Великаго Государя указу (ПРП 230).

На наш взгляд, это самый спорный случай относительного подчинения, так как контекст актуализирует у местоимения *который* неопределенное значение 'какой-либо, некоторый; тот или иной', а у самого придаточного предложения — значение условия. Все приведенные конструкции представляют, по сути, бессоюзные сложные предложения с условно-следственными отношениями между частями. Мотивированным в таком случае оказывается повтор определяемого имени в обеих частях: в первой части оно сочетается с неопределенным местоимением *который* (*которые люди* 'какие-либо люди', *которые припасы* 'какие-либо припасы', *которые торжки* 'какие-либо торжки'), а во второй части — с соотносительным указательным местоимением *тот*, выполняющим анафорическую функцию (*тем людям* 'именно тем, о которых шла речь в первой части', *с тех припасов* 'именно с тех припасов, о которых шла в первой части', *на тех торжках* 'именно на тех торжках, о которых шла речь в первой части'). Интересными представляются рассуждения О.В. Митрениной о таких конструкциях как о псевдокорреляционных¹.

2) Конструкции с постпозицией придаточного и повтором определяемого слова: *И о том послать к ним Земским и мирским людям памяти с подкреплением, чтоб они то все учинили того ж числа, котораго числа подьячие приедут, и памяти им подадут* (ПСЗ IV 2). *А хлебные и иные всякие запасы, что есть на лицо, велеть принять Дьяком, против прежняго, по спискам и по росписям тех людей, которые люди у тех хлебных и всяких запасов были при Боярине и Воеводах* (ПСЗ IV 26-27). *И приведчи их к шерти, взяти у них вместо прежних их Аманатов, добрых Аманатов, за которыми их Аманаты им Мурзам и улусным их людям мочно б было поверить* (ПСЗ IV 41). Результаты сопоставительного анализа французских текстов и их переводов на русский язык первых

---

¹ Olga V. Mitrenina. The Syntax of Pseudo-Correlative Constructions with the Pronoun KOTORYJ ('Which') in Middle Russian. / Slověne. International Journal of Slavic Studies/ Vol. 1, No 1 (2012). Pp. 61–73. // <http://slovene.ru/ojs/index.php/slovene/article/view/8>

десятилетий XVIII в. не обнаруживают зависимости указанных конструкций от французских оригиналов¹.

3) Конструкции с постпозицией придаточного и местоимением *который*, замещающим определяемое имя главного предложения: *Крепости на извоицков, которые наймываются у торговых людей возить товары, или что иное, писать и ведать в том во всем в Московской Большой таможене (ПСЗ IV 1). С явочных челобитен, которыя подают о всяких делех для записки, пошлин иматъ по 4 деньги с челобитной (ПСЗ IV 2). Для отпуску того их теса и иных Русских товаров, которые отпущены будут по таможенному отпуску (ПСЗ IV 4). И на те корабли и яхты для морскаго хождения шкипоров и штурманов и матросов, и из Русских, которые похотят у них на кораблях для науки морския службы быть на их кормах, принимать и держать им свободно (ПСЗ IV 5). Великий Государь указал: под пушки, и под полковые всякие тяжелые припасы, и под возовые запасы, которые посланы будут с Москвы на Воронеж, по подорожным и по проезжим Великаго Государя грамотам ... давать ямские подводы (ПСЗ IV 21).*

О достаточно высокой степени освоения конструкций с постпозицией придаточного и замещающим определяемое имя главного предложения местоимением *который* в «нулевые» годы XVIII столетия свидетельствуют предложения с однородным относительным подчинением: *Буде где в слободе стрельцы, которые посланы в города в посады, и которые бежали из Азова явятся, и их имая приводить в Ратушу (ПСЗ IV 3).* Об этом же говорят еще два типа предложений:

— предложения, представляющие собой параллельные синтаксические конструкции: *Великий Государь указал, для пополнения Своей Великаго Государя казны, на Москве во всех Приказех, по челобитью всяких чинов людей, ... Властелинския грамоты, также указы, и справочныя с приказы, и наказныя и поимочныя памяти, выписки и доезды, из городов отписки писать, на клейменной бумаге под гербом, в котором значит по деньге столбец; а сыскныя памяти писать на клейменной же бумаге, которая клеймится на ерлыки, о двенадцати клеймах лист, по деньге ярлык (ПСЗ IV 11);*

— предложения, в которых в главной части вместо определяемого имени существительного выступают соотносительные местоимения *оный, тот, такой* и др.: *И свидетели в подписке у крепостей во свидетельстве являются такие, которых и сыскать не возможно (ПРП 234).*

4) Конструкции с дистантным расположением постпозитивного придаточного и определяемого слова: *А паки, обоюду приложив склонение, воля учинилась, дабы покой обновился и права дружбы и употребление*

---

¹ Круглов В.М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. С. 84–85.

древняго соседства постановлены были, **которыя** причиною суть согласия вещей гражданских, и сотворяют обилие и пользу народов (ПСЗ IV 67). В гарнизонах солдатам и пушкарям и конным и пешим козакам и иных нижних чинов служилым людям ... давать Своего Великаго Государя годоваго хлебнаго жалованья: **которые** будут в домах, женатым по пяти четвертей муки, по полторы четверти овса; холостым по три четверти муки (ПСЗ IV 291).

5) Конструкции с нарушением тождества референции, которые, по нашим наблюдениям, в ранних законодательных актах XVIII в. не являются частотными, поэтому приведем пример из Устава воинского 1716 г.: *Оной бы разумел тем языком, в которой земле войско обретаеця*¹.

Показательными представляются статистические подсчеты употребления разных типов исследуемых конструкций в законодательных актах первой четверти XVIII в. Приведем количественные данные двух разных по времени написания законов: наказа астраханскому воеводе от 30 мая 1700 г. «Об управлении казенными земскими и военными делами», включающего 38 пунктов (ПСЗ IV 26–42), и именного указа от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», состоящего из 16 пунктов (ПСЗ V 91–94). Если в наказе, отражающем тенденции последних лет XVII — начала XVIII в., наиболее частотными являются конструкции с препозицией придаточного предложения и повтором определяемого имени после местоимения, а также конструкции с постпозицией придаточного и замещающим определяемое имя главного предложения местоимением, то в указе с большим отрывом лидируют последние. Причем из 17 случаев 4 с соотносительными словами в главной части: *А девице или вдове не посягать на такого, которой не примет прозвания; Выкуп вотчин и поместей и прочаго недвижимаго должен быть тем, которые оным наследники будут; А тем, которые до сего года, быть так, как учинены; то тем, которые в сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое безчестие им и их фамилиям, ни словесно*

---

¹ Кагарлицкий Ю.В. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII в. С. 138. Все вышеперечисленные типы конструкций отражаются и в региональной письменности первой половины столетия. См.: Биктимирова Ю.В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков. Чита, 2015. Однако характер и интенсивность отдельных типов относительного подчинения в процессе их функционирования в региональных документах отличаются от аналогичных конструкций в законодательных актах. См.: Русанова С.В. Определительные придаточные предложения с относительным местоимением *который* в качестве союзного слова в деловых региональных памятниках XVIII в. / Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты // I-я Международная научная конференция 29–30 октября 2007 года. Чита, 2007. С. 286–289.

ни письменно (ПСЗ V 93–94). Соотношение конструкций с местоимением *который* в анализируемых документах передано в таблице:

№	Типы конструкций	Количество употреблений	
		Наказ 1700 г.	Указ 1714 г.
1.	Конструкции с препозицией придаточного	36	3
2.	Конструкции с постпозицией придаточного и повтором определяемого слова	3	1
3.	Конструкции с постпозицией придаточного и местоимением <i>который</i> , замещающим определяемое имя главного предложения	21	17
4.	Конструкции с дистантным расположением придаточного и определяемого слова	3	2
5.	Конструкции с нарушением тождества референции	–	1
6.	Прочие ¹	20	–

В заключение к сказанному можно добавить следующее. Формирование и активизация придаточных предложений с относительным местоимением *который* — сложный процесс, требующий дальнейшего исследования отдельных его аспектов. Ранняя фиксация в законодательных актах петровской эпохи конструкций с относительным местоимением *который*, замещающим определяемое имя главного предложения, позволяет уточнить время и пути вхождения данных конструкций в русский литературный язык нового типа. Помимо замещения церковнославянских относительных местоимений *иже*, *яже*, *еже* и калькирования французских синтаксических конструкций, в круг причин, обуславливающих активизацию относительного местоимения *который* в русском литературном языке XVIII в., должно включаться совершенствование относительных конструкций в деловом языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПРП — Памятники русского права. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / Под ред. проф. К.А. Софроненко. М., 1961. Вып. 8.
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. СПб., 1830. Т. IV, V.

¹ К прочим мы отнесли случаи употребления местоимения *который* в определительном значении. *Который* в подобных случаях выступает синонимом местоимения *какой*. Ср.: *Окольничему ж и Воеводам, про Турския и про Крымския и всех про граничных Государств про вести, что в которых государствах чинится, проводывать всякими мерами* (ПСЗ IV 28).

Г.А. Мольков

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ *ЧРЕЗ* И *ЧЕРЕЗ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Предлоги *чрез/через* традиционно рассматриваются недифференцированно как два варианта единой лексемы. Без выделения особенностей употребления неполногласного/полногласного варианта рассматривают исторический материал Л.А. Булаховский¹, Т.П. Ломтев², Д.С. Станишева³; говоря о конструкции «с предлогом *через*» в текстах М.В. Ломоносова, отдельно не комментирует приводимые неполногласные примеры Е.С. Елкина⁴. В то же время для языка XVIII в. сопоставительное рассмотрение двух вариантов предлога актуально в связи с проблемой размежевания русских и славянских параллелей в рамках светского литературного языка⁵.

По нашим наблюдениям, на развитии отношений вариантов в паре *чрез/через* отразилось одно лексическое явление, которое описал, в частности, польский славист Ст. Кохман. При рассмотрении лексических заимствований из польского языка в русский в течение XVI–XVII вв. ученый

---

¹ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. II (Исторический комментарий). 4-е изд. Киев, 1953. С. 276–277.

² Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 316–318, 343, 357–358, 373, 407–408.

³ Станишева Д.С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966. С. 139.

⁴ Елкина Е. С. Функционирование конструкции "винительный падеж с предлогом *через*" в прозе и поэзии М.В. Ломоносова // "Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность": сб. научных трудов к 85-летию З.М. Петровой / Отв. ред. И.А. Малышева. СПб., 2007. С. 216–228.

⁵ Основное направление этого процесса Е.С. Копорская обозначает как «закрепление за славянизмами производных отвлеченных значений, а за русскими словами — номинативных значений, общих для русских и книжно-славянских параллелей». См.: Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988. С. 8.

выделил ряд мнимых церковнославянизмов. К ним он отнес, в частности, слова *награда*, *наградить*, *поздравить*, *поздравление*, *равнина*, содержащие южнославянские по происхождению фонетические рефлексy, но при этом заимствованные из польского языка (ср. *nagroda*, *pozdrawić*, *rownina*)¹ и фонетически адаптированные по модели, традиционной для языка.

Неполногласие в *чрез* генетически имеет иное происхождение, чем в словах *награда* и *поздравить*, т. к. этот предлог известен в древнейших восточнославянских рукописях, и значит, является натуральным церковнославянизмом. Однако основные отличия в употреблении предлогов *чрез/через*, попытки размежевания их по спектру выражаемых значений складываются в период актуальности для русского языка категории мнимых славянизмов и, как показывает материал XVIII в., специфика варианта *чрез* связана с влиянием польских образцов.

Следует обратить внимание на то, что в польском языке нет этимологического аналога предлогу *чрез/через*, но есть семантически и фонетически близкий предлог *przez*. Непосредственное заимствование этого слова в текстах XIII — начала XVIII в. представлено спорадическими примерами, хотя отмечается в нескольких значениях²:

— ‘вопреки’: *никомууже ... не лгть юсть **пръзь** ветъхы образъ възвысити свои дворъ* (КР 1284, 318г);

— ‘в течение’: *Никтоже да не сподобится мнишьскому образу. аще за три лгть не иськоусится... аще же **пръзь** се время постриженъ боуде кто. исьпадетъ оубо изъ игоуменьства игоумень* (КР 1284, 171а) (СДРЯ 8: 124);

— ‘сквозь’: *Не пеци ни поваръницоу **пръзь** юдиною обьцоую стгъною ни можетъ никтоже творити. имъже обьцоую стгъною и огонь вреждаеть* (КР 1284, 319б) (СДРЯ 8: 124); *Из Венеци, погхали къ Москвъ **пръзь** Вгъну и на Краковъ* (АК I 255; 1705–1710 гг.);

— ‘с одной стороны на другую’: *При семъ Коньстянтине цари преидоша болгаре **пръз** ргку Дунавъ* (Хроногр. 1512 г., 311) (СлРЯ XI–XVII 18: 231).; *Изъ Рагужси въ филюгъ погхали **пръзь** гольфу венецкую въ Баръградъ* (АК I 255; 1705–1710 гг.);

— ‘сверх, кроме, помимо’: ***Пръзь** васъ преже сево мы къ нему государю посылали, да толко на большой стыд намъ, а ныне конечно съ вами посылаемъ* (Арс. Сух. Ст. сп., 321. 1650 г.) (СлРЯ XI–XVII 18: 231);

---

¹ *Kochman St. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo. Opole, 1975. С. 93–95, 113–116.*

² При цитировании словарных примеров используются сокращения источников, принятые в соответствующих исторических словарях. Указатель шифров «Словаря русского языка XVIII века» и Картотеки данного словаря см.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Список источников. Л., 1984. С. 58–141, см. также: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html> (сайт ИЛИ РАН). В списке источников статьи раскрыты только сокращения новых источников словаря, не вошедших в опубликованные дополнения.

— ‘посредством’, в переводе с польского: *С плачемъ бл<а>годариша б<о>га; ибо разумѣша аки бы паки родишася на свѣтъ ибо от нихъ никто же можаше свободенъ быти от сея неволи, точию през смерть* (Повесть о Мелюзине, 1677 г.)¹.

Если в древнейший период, как видно из примеров, предлог *през* сохраняют русские списки южнославянских переводов, то контексты XVII и XVIII вв. уже, очевидно, отражают влияние польского языка. Тем не менее, в виде *през* предлог так и не прижился в русском языке, что может быть связано с наличием близкого по семантике *чрез/через*. О взаимовлиянии и возможности отождествления польского *przez* и русского *чрез* говорит, например, факт, отмеченный С. Кохманом. Ученый обращает внимание на позднее появление в русском языке прилагательного *чрезмѣрный*: из словарей его впервые фиксирует «Немецко-латинский и русский лексикон» 1731 г. С. Кохман предполагает, что «do języka literackiego wprowadzony został przymiotnik *czezmernyj* przez pisarzy lat trzydziestych XVIII w., takich jak A. Kantemir i W. Trediakowski» и что это прилагательное «jest niewątpliwie pożyczką z pol. (stpol.) *przezmierny*»². Примеры Картоteki (далее — КС XVIII) в целом подтверждают эту гипотезу. Основная часть ранних употреблений слова *чрезмерный* содержится в сочинениях и переводах названных С. Кохманом писателей (у А. Кантемира встречается уже в 20-е гг.), хотя отдельные примеры есть и в более ранних текстах³.

Но более показательна непосредственная интерференция предлогов. Взаимодействие польского предлога *przez* и русского *чрез/через* в период

---

¹ Moser M. Die polnische, ukrainische und weissrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts (Schriften über Sprachen und Texte, 3). Frankfurt am Main etc., 1998. С. 254.

² Kochman St. Polsko-rosyjskie stosunki językowe... С. 50. Г. Милейковская включает *чрезмѣрный* в список слов, которые Кохман относит к полонизмам «без достаточных оснований» (Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII веков (Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Т. 7. Warszawa, 1984. С. 39), хотя никаких контраргументов по данной лексеме не приводит.

³ Прилагательное встретилось в «Наказных статьях инспекторам Ратушского правления» 1705 г.: *Если кто явится въ какомъ воровствѣ, въ сборѣ казны, и на кого будетъ извѣтъ или челобитье во оноѣмъ воровствѣ или чрезмѣрномъ иманіи, ... и о тѣхъ розыскивать онымъ досмотрителямъ* (ПСЗ IV 287); а также в тексте манифеста по случаю пострижения царицы Евдокии 1718 г.: *Спасіся моя премілосердая государони ... Прогнѣваль Господа Бога, и тебя мою рождышюу мать опечаліть чрезмѣрною печалію* (Маниф. 11). Соответствующее наречие появляется в языке несколько раньше: *Воеводы съ торговыми и со своими людьми многие соболи къ Москвѣ и въ Китайское Государство ... провозили, и тѣмъ себя чрезмѣрно богатели* (ПСЗ III 359; 1697 г.) (ср. в том же источнике на три года позже использование полногласного варианта: *далъ вытѣть отъ сна, чрезмѣрно*, ПСЗ IV 11); у И.Т. Посошкова: *Аще кой презвитер, напившись до пьяна, по улице ходя или где и сидя, будетъ кричать нелепостно или бранитца .., а за такое нелепство ихъ наказывать .., дабы презвитеры и диаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались* (Псш. КСБ 116; 1724 г.).

XVI–XVII в. подробно описывается в специальной главе книги М. Мозера. По мнению исследователя, использование русского предлога в конструкциях с каузальным и инструментальным значением можно рассматривать как «syntaktischer Polonismus, Ukrainismus oder Weißrussismus»¹. Приводимые в научной литературе примеры XVII в. с использованием русского предлога в этих значениях относятся к текстам, для которых можно предполагать влияние польского языка, как прямое, так и опосредованное простой мовой, где конструкция «*через*+вин.п.» с инструментальным и причинным значением была широко употребительна². В примерах ранее середины XVII в. представлен неполногласный вариант *чрез*, но с 60-х гг. появляются тексты, показывающие, что семантическое влияние польского предлога распространилось и на полногласный вариант, ср. в трактате «О причинах гибели царств»: *После оправдался бояром и миру атеиенскому **через** грамоты и **через** послы свое, что того не здѣлал для того, чтобы имъ волность или волю отняти хотѣлъ*³.

Материал XVIII в. позволяет проследить, как развивалась структура значений предлога, прошедшего через период активного внешнего воздействия. В течение XVIII в. развившиеся под польским влиянием каузальное и инструментальное значения предлога *чрез/через* сохраняются⁴. В контексте развития русского языка в XVIII в. на эту гетерогенную систему значений в паре *чрез–через* накладывается активный процесс распределения сфер употребления книжно-славянской и русской лексики⁵. Это создает предпосылки для разграничения сфер употребления полногласного и неполногласного вариантов, которые можно показать, сопоставив их семантическую структуру.

Большинство значений у *чрез* и *через* — пространственных, временных, причинно-следственных и инструментальных⁶ — в XVIII в. совпадают. Поскольку речь идет о жанрово разнородном круге текстов⁷, то среди них, конечно, возможны обусловленные жанром предпочтения не/полногласному варианту; в этих условиях показательно для степени семантической близости *чрез* и *через*, что оба варианта могут встречаться в

¹ Moser M. Die polnische, ukrainische und weissrussische Interferenzschicht... С. 245.

² Там же. С. 248–250.

³ Там же. С. 254.

⁴ См. примеры: Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису... С. 407; Moser M. Die polnische, ukrainische und weissrussische Interferenzschicht... С. 259.

⁵ Обзор проблематики см., например: Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов... С. 10–15.

⁶ См. круг значений, выражаемых предлогом: Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е. М., 2006. С. 226–230.

⁷ Наши наблюдения основаны преимущественно на материалах КС XVIII.

одном контексте — в прозе и стихах, в разных значениях. Об этом позволяют судить следующие примеры:

*И такое **чрез** свидѣтелей сказывают что тот корабль болѣе 9 футов глубиною ходу и я прикажу чтоб его буерами и иными мелкими судами подлежали, чтоб тако **через** тѣ мели перевести* (МРФ I 90; 1705 г.). *БЕРТОЛД: **Чрез** два или много что **через** три часа ты освободишься. Ну, теперь я тебя завязал, сиди смирно и ничего не говори болше. Пусть что ни будет, то будет* (Бертолд 183; 1747 г.). *Уже послушны грозной волѣ Серальный кою рек герой, На Марсово со шумом поле Износятся, за роем рой; **Чрез** Гем, **через** верьхи Родоны Несут стремительныя стопы, Нецетны, горды не вотще* (Птрв 36; 1769 г.). *Я мог бы, может быть подобяся иным, И с лишком дорожа рождением своим, **Чрез** хитры происки, **через** тіоток, **через** лести Тебя довести больших чинов к безчестной чести* (Княж. Хвастун 75; 1786 г.). [*Ядова:*] *Вѣдь Дѣволюб ... не давно **чрез** мои руки послѣдние сто души продал, а нужда ему пришла самая удивительная, чтоб **через** эти деньги удостоиться поцѣловать в руку какую то заморскую мамзель* (Суд. имян. 55; 1790 г.). *Познал свои предѣлы Понт, И рѣки буйно возшумѣли **Чрез** каменны скалы, **Через** бугры кремнисты* (Рдщв СС I 147; 1800–1802 гг.).

Разница в употреблении *чрез* и *через* сводится к ряду частных, но показательных моментов.

Одна из специфических особенностей неполногласного варианта *чрез* — его использование при обозначении субъекта в пассивной конструкции, которое встречается на протяжении всего XVIII в.:

*Бомбардирский Капитан и Порутчик Менишков, учинены Кавалерами ордена святого Андрея, ... постельничий господин Головин в той акции бывшій удостоен тоуж кавалеріею, которыя им наложены **чрез** Адмирала Графа Головина* (ЖПВ I 74 [1703]). ***Чрез** трубача шамад трублен* (ЖПВ I 92; 1704 г.). ***Чрез** великой шторм первое Магометово знамя изодрало и древко преломило* (ЖКФ 1711 9). *Оная неблагополучная вѣсть плачевною трагедіею изображена ... на феатре ... **чрез** хирургической науки учеников* (Слава печ. 383; 1725 г.). *От краю N. другаго ѳланка NL. которой находится здесь перерезанъ **чрез** эполь или орлионъ LM* (Форт. Ганн.; 1726 г.)¹. *Премногия красят цвѣты **Чрез** себя прекрасныи брег той* (ЕОЛ 6; 1730 г.). *С той книги взят будет достовѣрною список, и в Бастии в другую книгу **чрез** Каницлера того острова внесетя* (Прим. вед. 1733 241). *В великой печали **чрез** прочих ведены были безпамятны слабы* (Бусл. 18; 1734 г.). *Бертолд приведен к царице, которая будучи известна, как выше упомянуто, о насмеянии, учиненном **чрез** него жєницинам прешедшаго дни, заранее приказала изготовить батожья* (Бертолд 148; 1747 г.). *Главной олтарь украшен живописным образом*

---

¹ Снятием курсива показаны выносные буквы.

*Преображения Господня **чрез Рафаэла** (ПЭ II 94; 1767 г.). Эта дѣвочка ... сюда ... привезена **чрез одну Италианку** (Никанор 15; 1775 г.). Монарх сей приказал, чтоб оный <алхимист> **высѣчен был чрез палача** (Муратори II 152; 1780 г.). Бог и коварнаго кропит росой долину, И полн нечистоты **чрез солнце освѣщен** (Нклв Тв. I 82; 1795 г.).*

В качестве отдельной группы употреблений можно выделить регулярное использование *чрез* в данной функции на титульных листах, например: *Умозрительство душевное ... изданное в Москвѣ ... ю **чрез усерднѣйшаго слугу ея Петра Буслаева** (1734 г.). Гораздо реже — удалось обнаружить всего 3 примера — для передачи субъекта действия используется полногласный вариант *через*:*

*імена тѣмъ которые нѣгшнѣяго времени при црѣскомъ дворѣ первыи и **черезъ которыхъ** дворовой устав гсѣрственныи и редовыи большіи и малыи дѣла управляюща (Олеарий 207; нач. XVIII в.). Ах любовь драгая. Любовь язвит едину, Другои ранен **через ину** Буди ненависть злая (ЕОЛ 180; 1730 г.). Небесный отец производит в свет разумных детей с тем, чтобы они в море мира сего были игралищем фортуны, болезней, бедствий, лжи и безумия, и наконец, поглощены были **через смерть** вовсе невозвратной погибелью. (В.Т. Золотницкий. Доказательство бессмертия души человеческой, взятое от намерения Божия, с каким он изволил создать мир сей, 1780 г.)¹.*

Таким образом, в этой группе употреблений *чрез* и *через* отличаются частотностью использования; *чрез* в этом значении является основным. Такое употребление, согласно материалам И.И. Срезневского (Срезн. III: 1541–1543), Т.П. Ломтева, Л.А. Булаховского, Д.С. Станишевой, не было свойственно древнерусскому и старорусскому языку, зато хорошо известно польскому, в котором предлог *przez* с вин. п. уже в ранний период является основным средством передачи субъекта в пассивной конструкции: *Pyotr Alexandrynski ... **przez Damaza papyeża** przywrocon był. Krom Rozm III O5v (49). Ale bieda temu człowiekowi **przez ktorego** syn człowieczy będzie wydan. Leop Matth 26/4 (11). Y objawiono iest **przez iednego mnicha** iż już Pan Bog raczył pocieszyć krola Polskiego w potomstwie. BielKron 349 (SP XVI: 408–410).*

Иноязычное происхождение в русском языке конструкции «*чрез+вин. п.*» для обозначения субъекта действия подтверждается и следующим свидетельством А.А. Барсова: «Вместо от, некоторые употребляют в известных случаях *чрез*, с винительным, болѣе по свойству чужих языков, на пр. *Сия книга сочинена, переведена чрез Ивана Иванова*» (Грам. Брсв 213).

Очевидно, неполногласный вариант активнее использовался в этом заимствованном значении из-за большего фонетического сходства с

---

¹ Пример из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

польским предлогом. Полногласный предлог *через* стал оформлять субъект пассивной конструкции уже под влиянием *чрез*¹.

При сравнении *чрез* и *через* можно выделить еще ряд частных значений, в которых используется только или преимущественно неполногласный вариант. И во всех этих случаях параллель значениям *чрез*, отличающим его от *через*, также находится в польском языке.

В сфере передачи пространственных отношений привлекает внимание использование *чрез* при глаголах зрительного восприятия:

Начну на флейтѣ стихи печальны Зря на Россию чрез страны дальны (ЕОЛ 160; 1730 г.). *Простри свое чрез воды око Коль много обнял Горизонт* (Лом. СС I 46; 1742 г.). *Прострем чрез воды взор наш, Слушатели* (Лом. СС I 222; 1755 г.). *Надлежит ... недопускать до того, чтоб они <дети> шапочек на себѣ, или иное что чрез лоб свой не могли видѣть* (Сельск. леч. 698; 1789 г.).

Словарь польского языка XVI в. выделяет отдельную группу употреблений *przez* со значением ‘*Na drugą stronę nad czymś (o patrzeniu)*’, например: *Krol biały patrzył na swego sampierza Przez draba y przez czarnego Rycerza. KochSz Cv4; CHELMNO stary port Pruski wyżrzesz przez gay W prawo ie puszczay. KlonFlis G2v (SP XVI: 391)*. Предлог *через* в подобной ситуации в нашем материале не встретился.

В нескольких примерах встретилось использование *чрез* синонимично предлогу *над*, в том числе в сочинениях М.В. Ломоносова:

Бомбы их <неприятелей> многие не донося в верху рвало чрез нас, или не доносило (МРФ I 65; 1705 г.). *Gladius supra illius caput transiit. Шпага, по самой головѣ у него прошла, чрез голову его прошла* (ЛВ¹ I 715; 1755 г.). *Не Амфион ли сладким Лирным игранием подвигнул разнovidныя части к сложению чудных крѣпостей, лѣтающих чрез волны?* (Лом. СС I 222; 1755 г.).

Специально исследовавшая употребление предлога *чрез/через* у Ломоносова Е.С. Елкина отмечает в его произведениях использование *чрез* в значении предлога *над* и в других примерах². И в этом случае параллель находится в польском языке, где словарь Б. Линде фиксирует такое значение у предлога *przez*, например: *Łuk przez się wieszają* (Linde: 613).

---

¹ Возможно, регулярное соответствие заимствованной субъектной конструкции «*чрез+вин. п.*» и соответствующего ей русского способа выражения этого значения — беспредложного твор. п. — провоцировало аномальные употребления предлога *чрез*. В единичном случае, встретившемся в сочинении В.К. Третьяковского, предлог использован в объектной функции — «объекта-каузатора эмоционального состояния». См.: *Золотова Г.А. Синтаксический словарь... С. 247: Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися; А таланты чрез твои никогда не льстися* (Трд. СРС 27; 1735 г.); в более поздней версии стихотворения эта форма была заменена автором на беспредложный твор. п., ожидаемый при глаголе *льститься*: *Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися; Преимуществом твоим никогда не льстися* (Трд. СП II 318; 1752 г.).

² Елкина Е.С. Функционирование конструкции... С. 223.

Следующее отличие *чрез* и *через* наблюдается в сфере передачи инструментального значения, которое, как говорилось выше, появилось у русского предлога под влиянием польского. Только с неполногласным вариантом встречается устойчивое выражение *чрез себя* или *сам чрез себя* в значении 'сам собой, сам по себе':

Приличное же удовлетворение есть, которое не наполняет чрез себя мѣру правды божией в рассуждении грѣховной злости (Гедеон 11; 1755 г.). *Вещи ... сами чрез себя на землю упадают* (Опыт о чел. 23; 1757 г.). <Растения> *общаго предѣла, положеннаго вѣсьм живущим не избѣгают, но также или сами чрез себя, или от насилия, или от недостатка пищи ... совѣсьм увядают или умирают* (Внм. 1767 15). *Сие вѣсьма полезно будет, естли представить себя на мѣстѣ тѣх, которые имена вещам давали; ... то познают чрез себя ... вѣсь вспоможения и тягости нужды* (ПЭ I 97; 1767 г.). *Само чрез себя разумѣется* (Дсн. 1768 12).

Именно как устойчивое выражение выделяется сочетание *przez się* в польском языке (Linde 612). Идиоматичность этого сочетания видна на фоне приводившегося выше контекста из «Езды в остров любви» (*Премногия красят цвѣты Чрез себя прекраснии брег твои*) с несвязанным употреблением предлога.

И еще одно отличие *чрез* на фоне *через* наблюдается при обозначении математических действий. В большинстве источников в этой функции используется вариант *чрез*, и только у Ломоносова в одном примере встретилось *через*, но в той же фразе еще дважды употреблен неполногласный вариант:

Дѣли 224974 чрез 394 выдет 571 (Арифм. Магн. 19; 1703 г.). *Каким способом умножается едина дробь чрез другую* (Сокр. мат. I 26; 1728 г.). *Умножи 6. и 8. чрез себя; и производят боков <треугольника> квадраты 36. и 64* (Эвклид 57; 1739 г.). *Того ради умножь оный вес, от которого брус переломился, половинной сего длины, будет 99/2, это число раздели чрез производное число из квадрата толщины 1/16 чрез ширину 1/4, то есть чрез 1/64* (Лом. АСС XI 40; 1741 г.). *Число рождений умноженное чрез 34, даст почти точное число жителей <Рима>* (ПЭ II 86; 1767 г.).

И в данном случае предпочтение, отдаваемое неполногласному *чрез*, коррелирует с данными польского языка, где как в XVI в., так и в настоящее время при счете используется предлог *przez*: *Mnoż jedną liczbę przez drugą położywszy jedną na linijach a drugą napisawszy. A ono co przydzie z mnożenia dziel przez jedną z nich. KłosAlg D4* (SP XVI: 439).

Все вышеописанное касалось тех случаев, когда индивидуальные значения и употребления имел неполногласный вариант. Он действительно в XVIII в. в письменных текстах функционирует заметно активнее, чем *через*. В текстах этого времени, представленных в Национальном корпусе русского языка, наблюдается следующее распределение:

<i>чрез</i>	<i>через</i>
730 документов, 5796 вхождений	170 документов, 531 вхождение

Индивидуальное для *через* употребление наблюдается только в одном случае и связано с его способностью выступать в качестве наречия. В «Российской грамматике» М.В. Ломоносов пишет: «Другие предлоги суть купно и наречия, затем что и с падежами сочиняются и без оных вне сложения одне полагаются; сюда принадлежат: *прежде, внутри, вне, блиско, противу, около, подле, чрезъ, сквозь, послъ, мимо, кромъ* и проч., ибо говорим: *прежде времени, внутри дома, внгъ храма, блиско или близь ргъки, противъ горы, подле берега, чрезъ ровъ, сквозь двери, послъ бури, мимо дгъла, кромъ или опричь товарища*. Здесь видим силу предлогов. Но в я былъ *прежде* здоровъ, останься *внутри* или *вне*, не *подходи блиско*, *вооружень противу*, *обойди около*, не *стой подле*, *другъ прошоль мимо*, *сквозь пробиться*, *перелестъ чрезъ*, *притти послъ* наречия находим» (Лом. РГ 182).

Интересно, что в списке предлогов здесь использован неполногласный вариант, а в иллюстрациях — полногласный. Действительно, по данным других источников, как наречие в XVIII веке употреблялся только вариант *через*: *Во время разливания и прибавления воды чрез вычаинаго ..., понеже вода от своего прибавления имгет свободу распространяться чрез, конечно течение есть стгло меньше жестоко* (Шлюзн. кн. 18; 1708 г.). *Жеравь межи не знает и чрез ступает* (ППЗ 28; нач. XVIII в.). *В убылую воду так она <река> узка, что чрез перескочить можно* (Краш. ОЗК I 29; 1755 г.). *Для сохранения от муравьев, окружи пень Древесный колониною дегтярною, падающею из колес по дорогам. Муравьи не терпя запаха сего, отнюдь не поползут чрез* (Сл. нат. ист. I 128; 1788 г.).

Отметим, что в польском языке, согласно данным словарей, слово *przez* в функции наречия не используется.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что разница в семантике дублетных предлогов *чрез* и *через*, которую мы наблюдаем в языке XVIII в., сформировалась под воздействием структуры значений польского предлога *przez*. Практически все отмеченные особенности, отличающие неполногласный вариант, связаны с передачей не свойственных древнерусскому языку значений, проникших в русский язык, по-видимому, в период XVI–XVII веков при наиболее интенсивных контактах русского и польского языков. Хотя, как можно судить уже по современному русскому языку, эта попытка *чрез* отмежеваться от *через* была довольно слабой, наблюдалась только в нескольких узких группах употреблений (при большей активности тех значений, где *через* и *чрез* выступали полными дублетами), и потому не привела к образованию двух разных слов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бертолд — Роман о Бертольдо в русском рукописном переводе 1740-х годов [Хитрости Бертолдовы] // Космолинская Г. А. Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели. Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2011. С. 132–253.
- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)
- Linde — *Linde S.B. Słownik języka polskiego*. Lwów, 1858. Т. IV.
- Олеарий — Адама Олеария издивное описание ево езды из голстенской земли к Москве и в Персиду и что на дороге явилось и чинилось. Нач. XVIII в. Ркп. БАН, 34.3.1, лл. 1–626.
- Форт. Ганн. — *Абрам Петров* [Ганнибал]. Фортификация. 1726 г. Ркп. БАН, 17.14.4, т. 2.
- SP XVI — *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Warszawa, 2004. Т. 32.

А.И. Соколов

**К ИСТОРИИ КОМПОЗИТОВ С ПОСТПОЗИТИВНЫМИ
ЭЛЕМЕНТАМИ –ТВОР– И –РОД–
В РУССКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Одна из особенностей лексики русского языка XVIII века — увеличение удельного веса сложных слов. Даже поверхностное сравнение данных исторических словарей (Срезн., СлРЯ XI–XVII, СРЯ XVIII) на отдельные буквы показывает тенденцию к быстрому росту числа подобных лексических единиц. Причина их появления как будто бы очевидна: стремление (и возможности) языка создавать путем компрессии и обычно на базе словосочетания языковые единицы, которые бы отражали комплексные понятия. Исследование, проведенное А.А. Царевым на материале научной прозы М.В. Ломоносова, обнаруживает кратное увеличение лексем, образованных словосложением, по сравнению с тем количеством композитов, которые вошли в «Материалы» И.И. Срезневского. При этом автор замечает, что у Ломоносова «сложные прилагательные используются главным образом в трудах по точным и естественным наукам, подавляющее же большинство сложных существительных представлено в трудах по истории и филологии»¹.

В русской химической терминологии XVIII века (в той ее части, где термины являются наименованиями веществ) тенденция к появлению композитов не обнаруживает особой динамики примерно до 80-х гг. Так, в первой половине XVIII в. фиксируются сложные специальные наименования, но они редки и представлены, как правило, заимствованиями (*гигрометр*,

---

¹ Царев А.А. Сложные слова в языке научной прозе М.В. Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Казань, 1969. С. 89–90.

термометр, пирофор)¹. Единственным исключением, пожалуй, является сложное прилагательное *теплотворный* в словосочетании *теплотворная материя*, которое служило обозначением «невесомого флюида», считавшегося в тот период развития химии отдельным веществом (создание термина приписывается Роберту Бойлю). Данный композит впервые отмечен в «Экспериментальной физике» Х. Вольфа, переведенной в 1746 г. с латинского М.В. Ломоносовым: *Есть материя, которая воздуха много тончае, и в которой движении теплота состоит. Мы станем ее называть теплотворною материею* (Влф. физ. (Лом.) 63)².

Десятилетием позже тот же композит в составе терминологического словосочетания *теплотворная материя* повторяется в «Теоретической физике» Х. Вольфа, переведенной Б. Волковым: *Теплое тѣло дѣлается холодным, когда **теплотворная материя** или огненная стихия ... в другия возлѣ лѣжащия тѣла переходит* (Влф. физ. (В) 25).

Очевидно, что данное словосочетание, включая его адъективную часть, является калькой научнолат. *materia calorifica* (ср. также нем. кальку *warmemachende Materie*, отмеченную в (Remler 49–50; Сврг. Рук. 229, 279)). Не вызывает сомнения, что автором русского композита *теплотворный* (< *calor* ‘тепло, теплота’ + *-fic-* / *-fac-* ‘делать, совершать, творить’) выступает М.В. Ломоносов и что впоследствии именно «ломоносовская» модель сложного прилагательного со второй частью *-твор-* послужит образцом для русских химиков при создании аналогичных

---

¹ Несколько позже появляются сложные прилагательные в составе терминологических сочетаний, например: *каменнотворительный сок* (ПЭ II 73), *виннокаменная соль, масло* (Физ. Крафта 79), *сѣрнопечоношный воздух* (Акад. изв. 1780 V 214), *кисловитриолической воздух* (Окулов 25), *каменнотворная извьязь* (Ист. Бюф. I 272) и др. Шифры источников даны по: Словарь русского языка XVIII века. Указатель источников. Правила пользования словарем. Л., 1984. С. 58–141. См. также: <https://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html> (сайт ИЛИ РАН). Шифры новых источников см. в Списке сокращений.

² В собственном сочинении М.В. Ломоносова «О причине теплоты и стужи», которое вначале было опубликовано в «Новых комментариях» АН на латинском языке (1750 г.), а затем в русском (сокращенном) авторском переводе в «Содержании ученых рассуждений» за тот же год, имеются указания на то, что сложное прилагательное *теплотворный*, как и само словосочетание *теплотворная материя*, является калькой. Ср.: *Lubenter equidem his assensum praeberemus, si quam facile sit haec supponere, tam primum quoque esset ostendere it, quo calorifica materia in corpora subito incalescentia compellatur* (Nov. Comm. 222). *Рассуждение о материи, которую большая часть Философов за собственную материю теплоты почитает, и называет **теплотворною**, или огненною **стихию**, и есть ли такая материя, о том слѣдствовать начинает Автор* (Учен. расс. I 61). *Однако из того не слѣдует, чтобы была материя **теплотворная*** (Учен. расс. I 62).

Подобные параллели отмечаются и при сравнении русского и латинского вариантов сочинения М.В. Ломоносова «О происхождении света»: *И так принятая произвольно **теплотворная материя** содержит равновѣсие, и не содержит* (Лом. СС I 332). *Unde sequetur, **materiam istam calorificam fictam et esse in aequilibrio et non esse*** (Lomonosow 12).

образований, а именно терминологических словосочетаний и слов — обозначений химических веществ.

Очевидно также, что, создавая кальку-прилагательное с ориентиром на латинский прототип, М.В. Ломоносов использовал один из тех уже сформировавшихся и закрепившихся в русском словообразовании XVIII в. типов словосложения (в нашем случае это *основа¹+интерфикс+основа²+суффикс*), которые находились «в русле устоявшейся церковнославянской традиции»¹, восходящей, в свою очередь, к периоду старославянского языка². Как отмечает Б.А. Успенский, ссылаясь на указанное исследование Р.М. Цейтлин, «производство сложных слов по греческим моделям характерно уже для старославянского языка, и в этом смысле русский литературный язык, т. е. церковнославянский язык русской редакции, продолжает старославянскую традицию — уже в старославянском языке сложные слова ... могут появляться в переводах даже в том случае, когда в переводимом тексте сложного слова нет»³. Той же точки зрения придерживается Г.А. Николаев: «Калькирование активизировало процессы композитообразования в русском языке. Сложные слова начинают создаваться по образцу калек без опоры на греческий материал»⁴.

В 70-е гг. XVIII в. в связи с появлением «кислородной» теории возникла необходимость в создании новой химической номенклатуры веществ. Французские ученые А. Лавуазье и А. Фуркруа для обозначения кислорода и водорода предложили искусственно созданные латинизмы, состоящие из греческих основ: композиты *oxygenium*, *hydrogenium* (букв. 'кислоту рождающий', 'воду рождающий'). Причем поначалу обозначения данных веществ представляли собой словосочетания: лат. *principium oxygenium*, *hydrogenium*, фр. *principe oxygène*, *principe hydrogène*; словосочетаниями-кальками передавались они и в немецком языке: *säurezeugender Stoff*, *wasserzeugender Stoff* (Gehler 801, 997). В 1787 г. А. Лавуазье представляет перед Французской академией химическую номенклатуру, где названия кислорода и водорода даны уже как однословные единицы — лат. *oxygenium*, *hydrogenium*, фр. *oxygène*, *hydrogène*.

В русской химической терминологии «лавуазьеровские» обозначения кислорода и водорода впервые фиксируются в 90-е гг. XVIII в., причем эти единицы представлены в виде словосочетаний. Так, в «Руководстве к физике» П. Гиларовского (1793 г.) кислород называется

---

¹ Царев А.А. Сложные слова в языке научной прозе М.В. Ломоносова. С. 89.

² См.: Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

³ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3–е, испр. и доп. М., 2002. С. 59.

⁴ Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Изд. 2–е, доп. М., 2010. С. 33.

кислородным веществом, кислородным началом и кислотворным началом, а водород как газообразное вещество — *гасом водородным* (Физ. Гил. 97, 101, 103). Как видим, греческая основа *-gen-* передается в композитах двояко: с помощью семантически близких основ *-род-* и *-твор-*, и эта вариантность в составе обозначений кислорода, водорода, а также некоторых других веществ будет наблюдаться и позже.

В 1795–97 гг. параллельно в Москве и Петербурге выходят переводы «Врачебной химии» Й. Жакена. В московском переводе И. Венсовича и Н. Дьякова кислород и водород соответственно переданы как *кислородная, водородная материя* (*кислородное, водородное начало*) (Жакен (В) 79, 96), а в петербургском переводе М. Парпуры — как *кислотворное и водотворное вещество* (Жакен (П) 59, 71). В «Химической философии» А. Фуркруа московские переводчики И. Книгин и И. Каменский для обозначения кислорода и водорода используют словосочетания с композитами *водородный* и *кислородный*: *водородное / кислородное начало, водородный / кислородный газ* (Фурк. 23, 37 и др.).

В переводах химических трактатов, выполненных в Петербурге академиком В.М. Севергиным и академиком Я.Д. Захаровым, представлены в подавляющем большинстве адъективные композиты с постпозитивным элементом *-твор-*: *водотворное / кислотворное начало, водотворный / кислотворный гас* (Кузен 112, 113 и др.; Грт. Хим. 235, 242 и др.). В редких случаях используются композиты с обоими постпозитивными элементами: *Всѣ явления до огня и теплоты касающіяся, суть дѣйствія особеннаго существа, **теплотворным** существом или **теплородным** веществом называемаго* (Грт. Хим. 52).

В то же время В.М. Севергин в «Первых основаниях минералогии» (1798 г.) использует композиты-прилагательные как с элементом *-твор-*, так и с *-род-*: *кислотворное вещество, водотворный гас, теплотворное вещество* (Минер. Сврг. II 47, 48); *водородный гас* и *селитрородный гас*, т.е. азот (Минер. Сврг. II 148). В его же «Пробирном искусстве» (1801) отмечены словосочетания *кислотворный гас* и *водородный гас* (Сврг. Пробир. иск. 21, 24).

Словари конца XVIII — начала XIX вв., изданные в Петербурге, фиксируют сложные прилагательные с обоими постпозитивными элементами. Так, в «Немецко-российском лексиконе» И. Аделунга (1798 г.) отмечены *водородный* и *кислотворный, теплотворный* (Ад. II 594). В «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1803–1806 гг.) в статье *Гас* представлена номенклатура газов, среди которых *гас водотворный, водородный* (Ян. I 533) и *гас кислородный, кислотворный* (Ян. I 543)¹.

---

¹ В САР¹ интересующих нас лексических единиц нет, но в САР² зафиксировано прилагательное *кислотворный* (САР² III: 132), а также *кислотвор* (САР² IV: 263).

Частичная выборка из петербургских изданий первой четверти XIX в., в том числе периодических, обнаруживает тенденцию к использованию композитов-адъективов и с *-твор-*, и с *-род-*: *кислотворный газ*, *теплотворное вещество* (Петров 71, 134 и др.), *кислотворное вещество* (ТЖ I 108), *водотворный газ* (Шрадер 347; Генке 428); *кислородный, водородный газ* (Кашинский 2), *кислородное вещество* (Медер 1, 2) и др.

В московских же изданиях первых трех десятилетий XIX в. (согласно той же выборке) практически единственным употребительным вариантом становятся сложные прилагательные со вторым компонентом *-род-*: *кислородный газ*, *кислородное вещество* (Гитон 238, 385 и др.), *кислородное начало* (Геккер 303 и др.; Левитский 155, 163), *водородный газ* (ВЕ 1817 291 и др.; Ловецкий 286)¹.

В первом десятилетии XIX в. в Петербурге выходят два перевода новой химической номенклатуры, предложенные академиком А.И. Шерером и академиком Я.Д. Захаровым². В обоих вариантах в качестве русских эквивалентов латинским наименованиям «простых тел», «элементов» *caloricum* (фр. *calorique, chaleur*), *oxygenium* (фр. *oxygène*), *hydrogenium* (фр. *hydrogène*) даны сложные существительные *теплотвор*, *кислотвор*, *водотвор*, а также образованные по аналогии *свѣтотвор*, *селитротвор*, *углетвор*, уже известные сложные прилагательные *кислотворный*, *водотворный*, как и созданное по аналогии прилагательное *селитротворный* (Зах. 336–7; Шерер 5–7).

Вероятно, предпринимается попытка унифицировать второй компонент по меньшей мере у композитов-существительных (как обозначений элементов) в пользу элемента *-твор-*, поддержанная в дальнейшем и академиком В.М. Севергиным. В переводе «Словаря химического» Ш.–Л. Каде (1810–1813 гг.), а также в своем «Руководстве к удобнейшему разумению химических книг иностранных» (1815 г.) В. Севергин использует исключительно наименования *кислотвор*, *водотвор*, *теплотвор*, *углетвор*, *селитротвор* (Каде. Сл. хим. II 224; I 207; IV 11, 63; I 6; Сврг. Рук. 39, 25, 26, 24).

Возможно, что под влиянием петербургских академиков меняется отчасти употребление рассматриваемых композитов в трудах московских

---

¹ Требуется дополнительной проверки утверждение историка химии Б.Н. Меншуткина: «Нынешнее название “кислород” принадлежит М.Ф. Соловьеву (1824) и с тех пор, благодаря Н.П. Щеглову и Г.И. Гессу и другим петербургским химикам, применявшим это выражение в своих руководствах и научных журналах, распространилось повсюду; московские же химики долго пользовались выражением “кислотвор”». В кн.: *Меншуткин Б.Н.* Курс общей химии (неорганической). 4-е изд., совершенно перераб. Л., 1933. С. 132.

² Подробнее см.: *Соколов А.И.* Русские переводы новой химической номенклатуры начала XIX века // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН.* Т. IX. Ч. 2. СПб., 2013. С. 495–510.

ученых. Так, в третьем издании «Физики» И. Двигубского отмечены наименования *кислотвор* и *водотвор* (Двигубский 1824 174), тогда как в первом издании используются, правда, не сложные существительные, а адъективные словосочетания со вторым элементом *-род-* в прилагательном, т. е. *кислородное начало*, *водородное начало* (Двигубский 1808 102, 110). При переводе химической номенклатуры (1825 г.) П. Страхов, преподававший химию в медицинском институте Московского университета, также сделал выбор в пользу *кислотвора* и *водотвора* (Страхов 240).

Достаточно пестрая картина в употреблении сложных прилагательных и существительных, связанная с вариантностью второго компонента (*-твор-*/*-род-*), может быть объяснена тем, что изначально русские химики в своем терминотворчестве при передаче второй основы латинского (французского) композита (*-gen-*) не столько учитывали ее семантику, сколько копировали уже существовавшую в научном языке «ломаносовскую» кальку-адъектив *теплотворный*, прототипом которой выступало лат. *calorificum* (см. рассуждения выше).

В исследованиях по синхроническому словообразованию сложные существительные типа *кислотвор* / *кислород* обычно рассматриваются как производные единицы, появившиеся в результате универбации, под которой «принято считать способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу — с целым словосочетанием»¹.

Универбация в русском языке, согласно В.В. Лопатину, «осуществляется с помощью различных способов словообразования ... в т. ч. с помощью нулевого суффикса (*ультрафиолетовые лучи* — *ультрафиолет*, *синхронный перевод* — *синхрон*)»². Е. Калишан выделяет группу «нульсуффиксальных» образований (*водомер* < *водомерный движитель*, *коксохим* < *коксохимический цех* и др.), «в которых редукция составного наименования ... не компенсируется присоединением какого-либо материального словообразующего средства» и которые «относят к бессуффиксальному способу или к нулевой суффиксации, а по морфонологической характеристике — к “усечениям-конденсатам” или даже к аббревиатурам», отмечая при этом, что «усечение непосредственно мотивирующего слова (прилагательного) может иметь либо морфемный, либо

---

¹ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 82.

² Лопатин В.В. Универбация // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. С. 577.

аморфемный характер»¹, и иллюстрируя данное наблюдение рядом примеров (*огнеупорный материал* > *огнеупор*, *термоядерная реакция* > *термояд*).

Композиты типа *кислотвор / кислород* и словосочетания ряда *кислородное (кислотворное) вещество (начало)* являются обозначением одного и того же понятия и находятся в отношениях полной синонимии. Соответственно, данные сложные существительные как будто бы и можно рассматривать как универбы с нулевой суффиксацией аморфемного характера: *кислотворное / кислородное вещество (существо)* > *кислотвор / кислород*. Иными словами, субстантивы ряда *кислотвор / кислород* следует считать редериватами: их производящей основой являются прилагательные *кислотворный / кислородный* и т. п., доказательством чему служит хронология фиксации соответствующих единиц: сначала появляются сложные прилагательные.

Вместе с тем указанные субстантивы можно рассматривать как результат отдельного калькирования соответствующих латинских и французских композитов по уже «обкатанному» в русском языке способу словообразования с усечением второй основы. Так, рассматривая калькирование сложных существительных в русском языке, Н.С. Арапова отмечает, что вторая часть калек могла образовываться «при помощи “препарированной” основы (или корня), не существующей в виде цельнооформленного слова», и, приводя в качестве примеров нем. *Wassermesser* (рус. *водомѣр*), нем. *Tonerde* (рус. *глинозем*), научнолат. *octorpus* (рус. *осьминог*), приходит к выводу (на основании того, что в калькируемом прототипе вторая часть композита представляет собой самостоятельное слово), что «на “усечение” второго компонента русской кальки не было давления со стороны калькируемого прототипа»². Действительно, подобные кальки в XVIII веке (и даже ранее) создавались по уже закрепившимся в русском словообразовании моделям. Наличие таких композитов-субстантивов отмечено в период старославянской письменности, причем некоторые из них рассматривают как кальки с греческого, а некоторые — как древнеславянские образования³.

Но возникает и другой, не менее важный вопрос: почему в переводах химических трактатов рубежа XVIII–XIX вв., сделанных с французского и немецкого языков, русские переводчики по неизвестным причинам не используют уже вполне закрепившийся способ словообразования (усечение производящей основы, или словообразовательной базы), не прибегают к универбации и передают словосочетаниями *кислотворное / водотворное, кислородное / водородное вещество (начало)*,

¹ *Kaliszan J.* Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Poznań, 1986. С. 53–54.

² *Арапова Н.С.* Кальки в русском языке послепетровского периода: Опыт словаря. М., 2000. С. 19.

³ *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. С. 248.

кислотворная / водотворная, кислородная / водородная материя встречающиеся в оригинале композиты типа лат. *oxygenium, hydrogenium*, фр. *oxygène, hydrogène*?

Например: *Можем уже опредѣлить, что одна часть воды, есть кислотворное вещество* (Жакен (II) I 70). Ср. немецкий оригинал: *So können wir schon den einen Bestandtheil des Wassers bestimmen, nämlich den Säuerstoff, oder das Oxigen* (Jacquin I 73). *То тѣло, которое служит основанием онаго газа ... нынѣшние Химики называют водотворным веществом* (Жакен (II) I 71). Ср. немецкий оригинал: *Das brennbare Gas genannt ... nannten die neuern Chymisten den Wasserstoff, das Hydrogen (Hydrogenium)* (Jacquin I 74). *Кислородное и водородное начало будучи приведено помощью теплотворной материи и материи свѣта в состояние газа, и касаясь друг друга на холодѣ, не могут между собою соединиться* (Фурк. 13). Ср. французский оригинал: *Tant que l'hydrogène et l'oxygène, tous les deux fondus en gaz par le calorique et la lumière, sont en contact, à froid, l'un avec l'autre, ils ne se combinent point* (Fourc. 38). *Одна частица кислотворнаго вещества может отнять у металлов нѣсколько металлическаго блеска* (Кузен 84). Ср. французский оригинал: *Une dose d'oxygène fait perdre aux métaux de l'éclat métallique* (Cousin 42).

Важно еще добавить, что сначала параллельно с использованием словосочетаний на месте ожидаемых сложных существительных в переводных и оригинальных сочинениях отмечается употребление собственно заимствований — *оксиген, гидроген* в разных вариантах.

В СРЯ XVIII первая фиксация наименования *оксиген* датируется 1803 годом, а варианта *оксижен* — 1806 годом (СРЯ XVIII 16: 260), *гидроген* отсутствует.

Согласно нашим материалам, заимствования в форме *оксигений, гидрогений* впервые фиксируются в петербургском переводе «Врачебной химии» Й. Жакена (1796 г.), в «Предуведомлении» переводчика М. Парпуры: *Гораздо болѣе в моем переводѣ затруднения делали мне тѣ химическия названия, которые за несколько только лѣтъ сдѣлались извѣстными ... Я разумѣю под сим калорик, оксигений, гидрогений ... и т. п.* (Жакен (II) I X). И хотя в основном тексте данные единицы последовательно передаются как *теплотворное, кислотворное, водотворное вещество*, сам факт их включения в «Предуведомление» позволяет предположить, что они (за исключением, может быть, слова *калорик*) уже присутствовали в русском научном узусе 90-х годов XVIII века. Так, *оксигений* и *гидрогений* используются В.М. Севергиным в переводе «Начальных оснований физики» Ж. Кузена — в том, правда, разделе, где автором даются разъяснения о принципах терминации, в процессе которой возможно создание искусственных слов, т. е. фр. *oxygène, hydrogène* (Кузен 124).

Более ранние фиксации варианта *оксиген* отмечены нами в «Начальных основаниях физики» Бриссона, там же впервые появляется

вариант *гидроген*¹ (Бриссон 23, 83, 103). Указанные заимствования используются (хотя не часто) в источниках первых двух десятилетий XIX века: *оксиген* (ТЖ III 9 и др.; Геккер 226, 227; Левитский 165), *гидроген* (Страхов 1810 244, 249; Диэтетика 130; СО 1815 195). Русский химик М.Ф. Соловьев в 1824 г. то ли досадуя, то ли просто констатируя, пишет: «Слова *оксиген, гидроген, карбон* и проч. беспрестанно мелькают как в разговорах, так и в сочинениях Русских» (Соловьев 23).

В пользу гипотезы о вторичном калькировании лат. *oxygenium, hydrogenium*, фр. *oxygène, hydrogène*, нем. *das Oxigen, das Hydrogen* выступает, как кажется, фактор экстралингвистического порядка. Согласно концепции французских химиков — создателей номенклатуры (которая, как указывалось выше, была сформулирована в 1787 г.), простые вещества, т. е. элементы, к числу которых были отнесены свет, тепло, кислород, водород и азот, должны были иметь простые, однословные наименования. Данный постулат, казалось бы, должен был потребовать соответствующего отражения принципов номинации в переводах химических трактатов, написанных в духе кислородной теории и опубликованных на рубеже XVIII–XIX вв., однако этого сделано не было. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что в указанный период русскими химиками (прежде всего, научными авторитетами из числа академиков) такие принципы еще не были выработаны.

Первые переводы-адаптации химической номенклатуры на русский язык, сделанные российскими академиками, были осуществлены, по сравнению с ее переводами на другие европейские языки, достаточно поздно². Академик А.И. Шерер представил свой доклад о русском варианте номенклатуры на заседании Академии наук в декабре 1807 г., опубликовав его отдельной брошюрой в 1808 г., а вариант академика Я.Д. Захарова вышел в свет в 1810 г. Именно в их переводах впервые обсуждается проблема краткости (по французскому образцу) создаваемых в русском языке новых терминологических обозначений. Эта краткость должна была достигаться словосложением.

Так, А.И. Шерер пишет: «Я старался определить наименования простых, доселе еще неразложенных веществ ... Наипаче прибирал я к каждому существу одно токмо слово для его означения, чтобы удобно было образовать наименование составов также посредством соединения тех имен, какими означаются простые» (Шерер 4–5), предлагая наименования *свѣтотвор, теплотвор, кислотвор, водотвор, селитротвор*. Я.Д. Захаров, комментируя введение в свой вариант русской номенклатуры наименований *свѣтотвор* и *теплотвор*, отмечает: «Сии и нижеследующие имена (*кислотвор, водотвор, селитротвор, углетвор*. — А. С.) ... взошли в общее употребление и свойство свое означают, при том

¹ У Н. Яновского также *идроген* (наряду с *гидрогеном*) (Ян. I 585).

² *Crosland M. P. Historical Studies in the Language of Chemistry. Cambridge (Mass.), 1962. P. 211–212.*

же в Российском языке много находится слов, кои сии окончания имеют» (Зах. 336). Позже В.М. Севергин, как переводчик «Словаря химического» Ш.–Л. Каде, в «Предисловии» подчеркнет, что в своем переводе номенклатурных наименований он ориентировался на опыт передачи номенклатуры на другие европейские языки, в результате чего «некоторые слова, по поводу других, сократил, как то вместо *кислотворное вещество*, *водотворное вещество*, сократил на *кислотвор*, *водотвор* и пр. *Глинистую землю*, *известную землю*, на *глину*, *известь*, так как и иностранцы не обинуясь, именуют их *Alumine*, *chaux*, *Thon*, *Kalk* и пр.» (Каде I с. X).

Хронологически однословные кальки лат. *oxygenium*, *hydrogenium* (> фр. *oxygène*, *hydrogène*) появляются параллельно с отмеченными выше заимствованиями. Кроме того, появление сложных существительных типа *кислотвор* / *кислород* практически совпадает с публикацией первых переводов химической номенклатуры. Сегодня, по крайней мере, мы можем утверждать, ссылаясь на материалы Н.С. Араповой¹, что первые фиксации композитов *кислород* и *водотвор* относятся к 1806 г.: отмечены в сочинении писателя и филолога И.С. Рижского «Введение в круг словесности».

Заслуживает внимания контекст, в котором использованы данные наименования у И.С. Рижского. Автор, рассуждая о богатстве русского языка, пишет: «Впрочем оно (богатство. — А. С.) бывает иногда, и при том частью приобретенное. Понятия и мысли, родившиеся у одного народа, посредством разных обстоятельств переходят к другому, который распространяя ими круг своих познаний, в то же время обогащает свое слово изобретаемыми для изображения их речениями и словосочинениями». При этом в сноске даются примеры *охрусталоваться*, *разлагать* (*analyser*), а также *кислород* (*oxygène*), *водотвор* (*hydrogène*) (Рижский 80). И далее в основном тексте И.С. Рижский продолжает: «Однако сие приобретение тогда токмо обращается в естественное качество языка, когда оно сообразно во всем с первоначальными в нем изобретениями и постановлениями. В противном случае оно будет подобно части одежды другого цвета, нежели какого она вся» (Рижский 80–81).

Представляется, что И.С. Рижский имеет в виду следующее: новые понятия в каком-либо языке приводят к появлению новых наименований, которые вследствие интернациональной природы науки могут заимствоваться другими языками. Принимающий язык способен создавать новую лексическую единицу, прибегая к калькированию, но только, как правило, в том случае, когда модель создания нового слова уже существует в этом языке и является частью его словообразовательной системы. При этом одни и те же компоненты сложных слов в языке-прототипе и в принимающем языке могут передаваться по-разному (*кислород* и *водотвор*).

---

¹ Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. С. 116, 71.

У нас нет оснований утверждать, что И.С. Рижский был автором данных словосложений: скорее всего, он просто отразил употребление данных слов, уже бытовавших в научном обиходе¹. В любом случае ошибочны утверждения некоторых историков химии, согласно которым «слово кислород ... впервые использовал П. Гиларовский в 1793 г.»², а «название кислород впервые встречается в статье М. Соловьева “О российской номенклатуре химии”»³.

Следует подчеркнуть, что композиты со второй частью *-род-* (*кислород*, *водород*) вплоть до середины 10-х гг. XIX в. в исследованных нами источниках не встречаются. Так, в уже упоминавшихся переводах-адаптациях номенклатуры А.И. Шерера (1808 г.) и Я.Д. Захарова (1810 г.), в «Химическом словаре» Ш.–Л. Каде (1810–1813 гг.), а также в «Руководстве» Севергина (1815 г.) и в учебнике химии Ф. Гизе (1813–1817 гг.) для обозначения соответствующих веществ используются только термины *кислотвор* и *водотвор* (Зах. 336–337; Шерер 5, 7; Каде. Сл. хим. I 207; Сврг. Рук. 39, 26; Гизе 84, 395).

Наименование *кислород*, возвращаясь из краткого «небытия»⁴, вновь отмечено в «Вестнике Европы» за 1817 г., в статье молодого доктора медицины Московского университета Михаила Григорьевича Павлова «О метеоре, виденном в Москве»: *Он <офосфоренный водородный газ> в обыкновенной температурь в состоянии уже притягивать кислород из кислороднаго газа* (ВЕ 292). То же наименование встречается два года спустя в петербургском журнале «Сын отечества» в коротком анонсе лекций по опытной физике, которые проводились профессором Санкт-Петербургского университета М.Ф. Соловьевым в кабинете Императорского физико-механика Роспини по адресу Малая Морская, 91. Там же сообщается, что одна из лекций профессора Соловьева называется «Вещества, необходимые для горения, и в особенности кислород». В указанной заметке впервые фиксируется целый ряд композитов,

¹ И.С. Рижский преподавал словесность и риторику в Горном училище и мог интересоваться проблемами терминологии. Источники рубежа веков свидетельствуют, что он числился среди подписчиков книг по химии, которые переводились студентами училища (см., напр. Шурер 1801: в конце второй части дан список «особ подписавшихся», среди которых И.С. Рижский, заказавший 3 экз. издания).

² Баранник В.П. Современная русская номенклатура неорганических соединений // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. 1983. Т. XXVIII. № 3. С. 10.

³ Соловьев Ю.И. История химии в России: научные центры и основные направления исследований. М., 1985. С. 94. См. также: Меншуткин Б.Н. Курс общей химии. С. 132.

⁴ Возможно, что хронологической лакуны и не было: косвенным (в силу того, что исследованы не все источники) подтверждением последовательного распространения композитов *кислород* и *водород* может быть и их использование в трактатах по химии, написанных на славяносербском языке, испытывавшем сильное влияние со стороны русского языка конца XVIII — начала XIX века, например: *Садшињи су Химици изнашли и потврђую, да е вода из две коренне части ... т. е. из кислорода и водорода састављена* (Болић 63).

унифицированных по второму компоненту –род–: *водород, углерод, теплород* (СО 1819 334). К данному ряду унифицированных наименований примыкает и *свѣтород*, отмеченный в объявлении о лекции петербургского адъюнкт-профессора Н. Щеглова два года спустя в том же журнале (СО 1821 47).

Позже слова *кислород, водород, углерод* фиксируются в журнале «Сибирский вестник»: *Листовое желѣзо, обернутое смоченным полотном не претерпѣвает ни малѣйшаго измѣнения, если будет находиться в газѣ не содержащем кислорода* (СВ XVII 73). *Водород, от разложения воды происходящий, разкисляет сей окисел* (СВ XVII 74). *Чугун, содержащий кислород и углерод в пропорции, способной к насыщению, обрабатывается удобно* (СВ XVIII 421).

В 1824 г. профессор М.Ф. Соловьев публикует статью «О Российской номенклатуре Химии», где, говоря о русских названиях элементов, пишет: «По недостатку русских названий для начал можно принять иностранные или в оригинале, или в переводе, судя по лучшему значению и по краткости оных, каковы, напр., *фосфор, хлор, азот, кислород, водород* и проч.». А в сноске отмечает: «Названия, употребляемые во французской номенклатуре: *oxugène, hydrogène* и проч. кажется лучше переводить *кислород, водород* и проч. Причина очевидна из значения слов “родить” и “творить”» (Соловьев 26).

Реплика носителя языка XIX в., указывающая на семантическое различие двух глаголов, подтверждается толкованиями в САР¹ и САР², причем в обоих изданиях глагол *творить* маркирован как славянизм:

Творить Сл. 1. Употребляется в отношении к Богу, яко виновнику бытия всех в мире вещей, для означения непостижимых его деяний. 2. Строить, делать; делая, давать потребный вид чему. *Творяй храмы сребрены Артемиде*. 3. Делать, исполнять. *Всяк творяй грех, раб есть греха*. 4. Относительно к произрастениям: приносить плоды, раждать. *Древо доброе плоды добры творит* (САР² VI: 684).

Раждать 1. Производить на свет подобных себе. 2. Причинять, производить, быть причиною чего. *Худой воздух раждает болезни. Родить к чему охоту. Праздность раждает пороки* (САР² V: 790).

Замечание М.Ф. Соловьева ценно еще и тем, что отсылает исследователя к оригиналу — комментарию А. Лавуазье, в котором французский ученый дает обоснование введению в язык химии нового термина: «Основе частицы воздуха, пригодной для дыхания, мы дали имя *oxugène*, образовав его от двух греческих слов *οξύς* ‘кислый’ и *γεννομαι* ‘порождаю’, поскольку действительно одним из наиглавнейших свойств этой основы является порождение кислот при соединении с большинством веществ»¹ (перевод наш. — А. С.).

¹ Nous avons donné à la base de la portion respirable de l'air le nom d'oxygène, en le dérivant de deux mots Grecs *οξύς*, *acide*, et *γεννομαι*, *j'engendre*, parce qu'en effet une des propriétés les plus generals de cette base est de former des acides, en se combinant avec la plupart des substances (Lavoisier: 54–55).

Греч. *γεῖνομαι* (позже форма была исправлена французскими химиками на более корректное *γεννάω*) у А. Лавуазье передается как *engendrer*, а этот глагол в словарях XVIII в. переводится исключительно как 'рождать' (Сл. 1792 305; Нрд. II 683; ФРЛ¹ I 406), тогда как к глаголу *творить* в них дается совсем иной синонимический ряд, например: *créer, faire, effectuer, causer* (Нрд. II 794). Получается, таким образом, что введенный на рубеже веков в химический обиход вариант обозначений веществ со второй основой **-твор-** (*кислотвор* и т.п.) изначально так или иначе ощущался как неточный перевод французского прототипа¹.

Подводя итоги, отметим следующее.

Варьирование второй части (**-твор-/род-**) в сложных прилагательных и существительных-кальках, используемых в русской химической терминологии XVIII — первой четверти XIX века, было обусловлено семантическим сближением калек, имеющих разные иноязычные оригиналы: **-твор-** от лат. *-fic-/fac-* и **-род-** от более позднего лат. (из гр.) *-gen-*. Т. е., композиты ряда *кислотворный* (> *кислотвор*) в составе словосочетания были образованы по аналогии с «ломоносовской» калькой *теплотворная материя* (*materia calorifica*). Для словосочетаний ряда *кислородный* (> *кислород*) в составе словосочетания прототипами стали более поздние («лавуазьеровские») латинские (французские) неологизмы со вторым компонентом *-gen-* (*principium oxugenium, principe oxugène*). Варьирование во второй части композитов в течение первой трети XIX в. продолжается, но нарастает тенденция к закреплению в них основы **-род-**.

С позиций диахронического словообразования, производящими следует признать основы сложных прилагательных типа *кислотворный / кислородный* как появившиеся в языке раньше соответствующих сложных существительных (случай редеривации). Композиты типа *кислотвор / кислород* являются, скорее, не продуктом универбации, а результатом акта отдельного калькирования латинских (французских) прототипов путем усечения производящей основы. При этом необходимо подчеркнуть, что в системе словообразовательных средств русского языка XVIII в. уже существовали и активно использовались типы (модели) композитообразования, генетически восходящие к старославянским (из греческого) и отчасти общеславянским.

---

¹ К тому же, прилагательное *теплотворный* к концу XVIII в. частично детерминологизируется и используется в поэзии и публицистике (ораторские жанры), например: *Весна дыханьем теплотворным, Звала бы с моря лебедей* (Држ. Соч. I 110). *Человѣколюбивѣйшая доброта, подобно теплотворному свѣту ... водворяет жизнь, любовь и чистое веселие в душах вѣрных сынов* (Схц. 3).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

- Бриссон — *Бриссон Г.* Начальные основания опытной физики: в 3 т. / Пер. с фр. П. Страховым. М., 1802. Т. 3.
- ВЕ — Вестник Европы. 1817. Ч. 96.
- Геккер — *Геккер А.Ф.* Врачебная наука на пути к совершенству, или История врачебных теорий и систем от Гиппократов до наших времен / Пер. с нем. Дм. Левитским. М., 1809.
- Генке — *Генке А.* Руководство к судебной медицине / Пер. А. Никитиным. СПб., 1828.
- Гизе — *Гизе Ф.* Всеобщая химия: Для учащихся и учащихся: в 5 ч. / С нем. рукописи переведена Василием Комлишинским. Харьков, 1813–1817. Ч. 2.
- Гитон — *Гитон де Морво Л.Б.* О средствах к благорастворению воздуха и отвращению заразы / пер. с фр. В. Джунковским. СПб., 1806.
- Двигубский 1808 — *Двигубский И.* Физика, в пользу Воспитанников благородного Университетского Пансиона. М., 1808.
- Двигубский 1824 — *Двигубский И.* Физика. Изд. 3-е, испр. и умноженное. Ч. I. М., 1824.
- Диететика — *Науман [И.Г.]*. Диететика или Наука о сохранении здоровья лошадей / Пер. с нем. М., 1814.
- Зах. — *Захаров Я.Д.* Рассуждение о Российском Химическом словозначении // Умозрительные исследования Императорской Санкт-петербургской Академии наук. Т. II. 1810. С. 332-354.
- Каде. Сл. хим. — *Каде де Гассикур Ш.Л.* Словарь химический, содержащий в себе теорию и практику химии, с приложением ее к естественной истории и искусствам / Пер. В. Севергиным: в 4 ч. СПб., 1810–1813.
- Кашинский — *Кашинский И.Г.* Способ составлять минеральные целительные воды. СПб., 1808.
- Кузен — *Кузен Ж.А.* Начальные основания физики / Пер. с фр. В. Севергиным. СПб., 1800.
- Левитский — *Левитский Д.И.* Опыт о предохранении от моровой язвы и ее лечении. М., 1816.
- Ловецкий — *Ловецкий А.* Краткое начертание естественной истории животных: в 2 ч. М., 1825–1827. Ч. 1.
- Медер — *Медер П.И.* Наставление российским селитроварщикам от бывшей государственной Берг-коллегии. СПб., 1811.
- Окулов — *Окулов А.* Рассуждение о свойстве и силе воздуха... М., 1783.
- Петров — *Петров В.В.* Новые электрические опыты. СПб., 1804.
- Рижский — *Рижский И.С.* Введение в круг словесности. Харьков, 1806.
- СВ — Сибирский вестник. 1822. Ч. 17–18.
- Сврг. Пробир. иск. — *Севергин В.М.* Пробирное искусство, или Руководство к химическому испытанию металлических руд и других ископаемых тел. СПб., 1801.
- Сврг. Рук. — *Севергин В. М.* Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных. СПб., 1815.
- СО 1815 — Сын отечества. 1815. Ч. 20.
- СО 1819 — Сын отечества. 1819. Ч. 56.
- СО 1821 — Сын отечества. 1821. Ч. 74.

- Соловьев — *Соловьев М.Ф.* О Российской номенклатуре химии // Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии. Т. 1. № 2. С. 20–37.
- Страхов — *Страхов П.* Опыт русской химической номенклатуры тел неорганических // Новый магазин естественной истории. 1825. Ч. I. № IV. С. 239–254.
- Страхов 1810 — *Страхов П.* Краткое начертание физики. М., 1810.
- ТЖ — Технологический журнал. 1806. Т. 3. Ч. I–IV.
- Шерер — *Шерер А.И.* Опыт методического определения химических наименований для русского языка. СПб., 1808.
- Шрадер — *Шрадер Г.Ф.* Начальные основания физики: в 2 ч. / Пер. Я.И. Карцовым и Ефремовым СПб., 1815. Ч. 1.
- Шурер — *Шурер Ф.Л.* Рассуждение о соединении кислотворного вещества с другими телами: Доказано опытами: в 2 ч. / Пер. Алексеем Карпинским СПб., 1800.
- Болић — *Болић П.* Совершен винодѣлац. У Будиму, 1816. Ч. 1.
- Cousin — *Cousin J.A.J.* Traité élémentaire de Physique. A Paris, [1795].
- Fourc. — *Fourcroy A.* Philosophie chimique, ou Vérités fondamentales de la chimie moderne: disposées dans un nouvel ordre. Seconde édition. Paris, 1792.
- Gehler — *Gehler J.* Physikalisches Wörterbuch... Th. 5. Leipzig, 1799.
- Jacquin — *Jacquin J.F.* Lehrbuch der allgemeinen und medicinischen Chymie. Th. 1–2. Wien, 1793.
- Lavoisier — *Lavoisier A.* Traité élémentaire de Chimie, présenté dans un ordre nouveau. A Paris, 1789. Т. I.
- Lomonosow — *Lomonosow M.* De origine lucis... / ex rossica in latinam linguam conversa a Gregorio Kositzky. Petropoli, [1756].
- Nov. Comm. — *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.* Tom I. Petropoli, 1750.
- Remler — *Remler J.* Neues chemisches Wörterbuch... Erfurt, 1793.

СЛОВАРИ

- САР¹ — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806–1822.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
- Срезн. — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб., 1893, 1902, 1912.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб., 1984–2015 (издание продолжается).

В.Н. Калиновская, С.А. Эзериня

**КОМПОЗИТЫ
С НАЧАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗЕМЛЕ-/ЗЕМ(Н)-
(новации XIX века)**

Феномен сложного слова, композита, его семиотическая, психолого-философская, лингвистическая природа, генезис, формально-конструктивные пути и особенности привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей вот уже на протяжении нескольких веков и с разных углов зрения. В поисках основополагающих критериев отличия сложного слова от словосочетания и предложения еще Герман Пауль в своей знаменитой книге «Принципы истории языка» пришел к выводу, что «сущность предложения состоит в том, что оно обозначает самый акт соединения нескольких членов, тогда как **сущность сложного слова** заключается, по-видимому, в том, что оно обозначает **соединение членов как законченный результат** (выделено нами. — В. К., С. Э.)»¹. Это фундаментальное утверждение, нимало не утравшее за прошедшее время своего значения, подчеркивает актуальность изучения композитов в исторической перспективе, в первую очередь это относится к исторической лексикологии, семантике и лексикографии. Фиксация изменяющейся действительности посредством композитов позволяет историку языка с максимальной точностью исследовать эволюцию человеческого мышления сквозь призму соответствующей эволюции языка, и прежде всего его лексико-семантической системы.

Значение данного вывода становится особенно очевидным при дифференциальном описании лексики в историческом словаре, когда предметом изучения оказываются лишь динамические явления в системе языка; такой метод позволяет выявить наиболее продуктивные модели, по которым образуются композиты. При семантизации подобных лексических образований семантическая составляющая первого базового компонента играет ключевую роль, маркируя принадлежность композитов к

---

¹ Г. Пауль. Принципы истории языка. Пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича. М., 1960. С. 388.

определенному концептуальному полю. В данной статье представлены предварительные результаты анализа фрагмента словаря «Словаря русского языка XIX века», куда вошли композиты с компонентом *земле-/зем(н)-*.

В древнерусских народных представлениях земля составляет одну из четырех главных основ мироздания, наряду с водой, воздухом и огнем; русские люди считали свою землю святой, боготворили ее как всеобщий источник жизни, мать всего живого (Мать Сыра Земля): *Гой еси сырая, Земля матерая! Матерь нам еси родная, всех еси нас породила*; *Земля — мать сырая! Всем, Земля, ты нам отец и мать*¹. Интенсивность возникновения лексических новообразований в исследуемом сегменте лексико-семантической системы русского языка XIX века свидетельствует об актуальности номинативных процессов для данной группы лексики. Сопоставительное изучение сложных слов с указанным первым компонентом по данным исторических словарей, имеющихся картотек (Большой картотеки ИЛИ РАН, картотеки «Словаря русского языка XIX века») позволяет сделать вывод о возрастающей словообразовательной активности данной модели к XX веку. Значительный интерес представляют весьма показательные в этом отношении данные статистики: если в период с XI по XVII век насчитывается 32 композита с начальным компонентом *земле-/земн-*, среди которых наиболее старые (XI в.) *землемерие* ‘геометрия’ и *землемерец* ‘геометр’ являются кальками с греческого, и список их пополнился в XVIII веке 28 новыми лексическими единицами, то среди рассматриваемых новообразований XIX века предварительно удалось обнаружить 169 слов. Чрезвычайно важным фактором развития на этом участке системы стала возможность появления разного рода семантических неологизмов (6), среди таких случаев отметим *земледержец* (+ эпитет бога моря Посейдона), *землекоп* (+ ‘Зоол. вид пауков, вид млекопитающих’), *землекопатель* (+ ‘Спец. техническое устройство’), *землемер* (+ ‘Зоол. гусеница’), *землемерство* (изначально ‘геометрия’, в XIX в. ‘занятие геодезиста’), *землеройство* (изначально ‘саперное дело’, в XIX в. ‘промысел землекопа’).

Лексические значения неологизмов XIX в. определяются характером внутренней синтагматики производного слова: отношения между составными частями композитов — это подчинительная связь (единственный случай с сочинительной связью компонентов был выявлен среди новаций предшествующего периода — прилагательное *земле-водо-воздушный*, отмеченное в тексте XVIII века, появление которого вполне симптоматично: в его структуре объединены основные стихии, с которыми связаны пространственные представления человека).

---

¹ Фольклорные тексты приводятся по изд.: Энциклопедический словарь русской цивилизации. Составитель О.А. Платонов. М., 2000. Электронный ресурс: http://modernlib.net/books/platonov_o/enciklopedicheskiy_slovar_russkoy_civilizacii_svyataya_rus/read_59/

Земля во все времена являлась самым большим и главным богатством для человека. Чаще всего компонент *земле-/земн-* выступает и как *субъект* и как *объект* действия, обозначенного вторым компонентом композита. Проанализированный текстовый материал в совокупности с данными словарей позволил выделить несколько семантических микрополей с общим для композитов, образующих поле, значением существительного *земля*, которым мотивируются валентные возможности первого компонента в процессе словопроизводства нового слова-понятия (статистические данные касаются лексических новообразований с компонентом *земле-/земн-* в русском языке XIX века):

(1) 'почва' — 52 единицы:

а) объект сельскохозяйственной деятельности — 46 (*землевоздел-* — 6, *земледел-* — 11, *землеобработывание*, *землепах/ш-* — 5, *землероб*, *землетружен(н)ик*, *землеуход-* — 3 (*-ный*, *-ство*, *-чик*), *землеудобр-* — 3, *землеулучшительный*, *землеупотребительный*, *землебережительность*);

б) среда обитания живых существ — 6 (*землежилый*, *землерой-* — 4 (*-ковые*, *-ный*, *-ство*), *землестроитель* (муравей, оса), *землецветка*).

Новая лексика, организующая данное микрополе, содержит в своей семантике приметы времени, выразившиеся в попытках перейти к интенсивному земледелию — на это указывает семантика глагольных основ, являющихся вторым компонентом сложного слова (*-воздел-*, *-уход-*, *удобр-*, *-улучш-*). Тема более разумного, научного подхода к данному делу становится одной из самых популярных как в общественных дискуссиях, так и в различных частных дискурсах (художественная публицистика, переписка). Свидетельством ее актуальности и выхода на иной уровень ментальности стало появление конкурирующих терминов иноязычного происхождения, обозначающих новые подходы к земледелию (*агрономия*) и логически вытекающий из этого обстоятельства новый тип земледельца (*агроном*). Анализ контекстов позволяет предположить, что возникшее синергетическое напряжение между коррелирующими рядами русской и заимствованной лексики, относящейся к важнейшему культурному пласту слов-понятий, в немалой степени влияло на развитие дополнительных коннотаций у соответствующих слов¹.

---

¹ Этот семантический процесс коснулся не только сугубо русской лексики, но также заимствований и их дериватов с корнем *агро(и)-*, вошедших в активное употребление в русском языке XIX века и сформировавших в этот период новое словообразовательное гнездо. В этом отношении особенно показательны новообразования с русскими аффиксами *агрономка*, *агрономша*, *агрономничать*. Почву для возникновения подобной оценочности хорошо иллюстрируют примеры типичных рассуждений на тему земледелия, взятые из сочинения автора XIX века: *Нет химии русской, английской или немецкой, есть только общая всему свету химия, но агрономия может быть русская или английская, или немецкая; Полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное? ... Но мужик сам агроном, зачем он пойдет чужую агрономию разводить?* А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.).

Среди слов этой группы встречаются лексемы, в семантике которых можно обнаружить древние мотивационные корни; так, соотносительные понятия стоят за словами *земледер* ‘Шутл. пахарь, боронщик’ (Даль, Сл. Акад. 1907) и *землебережливость*. Если первое, зафиксированное впервые у В. Даля, отражает связь с наивными представлениями о Земле-матери¹, то второе, скорее, является предвестником современного «экологического земледелия»: *Правильнее объяснять .. отсталость рутиную, косностью, халатностью, привычкой к просторному землепользованию, отсутствием сознания необходимости землебережливости, а также и неумением с малых площадей земли снимать сборы большие, чем с площадей больших.* С.С. Бехтеев *Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры к хозяйственному подъему* II 78 [1902]. Социокультурный (этический) компонент присутствует также в семантике отвлеченного существительного *землеобязнь*: — *Что же и другие помещики так-же мало интересуются своей землей? — спросил Добросмыслов. — Бог их знает, что с ними сделалось, с нынешними помещиками. Вот нынче все новые болезни открывают. Так я думаю, не явилась ли и тут болезнь какая? Землеобязнь бывает, а? В прежнее время бывало помещика не выгонили из деревни. Я <управляющий> ведь давно при усадьбах служу.* И.Н. Потапенко. Сфинкс / И.Н. Потапенко. Повести и рассказы XII 331 [1899]. Образованный по той же словообразовательной модели, что и слова *светобязнь*, *водобязнь*, авторский неологизм не просто передает ироничное отношение к помещикам, не желающим заниматься сельским хозяйством, но и содержит в себе отрицательную (идеологическую) оценку новой реальности.

(2) ‘территория; объект владения (от земельного надела до страны, государства)’ — 44 единицы: *землевлад-* — 10, *земледерж-* — 2, *землепринадлежность*, *землеоблад-* — 3 (-ание, -атель, -ательный), *землехозя(й)-* — 4 (-хозяин, -хозяйка, -хозяйский, -хозяйство), *землеуправитель*, *землеискат-* — 3, *землеиспытательный*; *землеотводный*, *землераспределительный*, *землеустро(и/й)-* — 2 (-ительный, -йство), *землемер-* — 5 (включая *землемер*, -ка, -кин ‘Зоол. О гусенице’, *землемерно-таксаторский*);

(3) ‘поверхность Земли’ — 29 единиц: *землепроход-* — 9, *землеход* (-ец) — 2, *землеразведчик* ‘географ’ и т.п., *землевед-* — 2, *землеописат-* — 2, *землеписатель* и -писец — 2, *землеслов* и *землеслов-* (-ие, -ный, -ский) — 4, *землевид* ‘ландшафт’ и *землевидный* ‘геологический’, *землеиспытатель*, *землеиспытательный*; *землекочующий* ‘Этногр. О народах, ведущих неоседлый образ жизни’.

¹ Ср. По древнерусским поверьям, земля страдает от человека и одновременно страдает к нему. Люди виновны перед землей хотя бы потому, что «рвут ее грудь сохой, царапают в кровь бороной». Цит. по кн.: Энциклопедический словарь русской цивилизации... С. 59.

(4) 'земной шар' — 10 единиц: *землеобращение, землеоборот* и *землеоборот-* (-ный), *землеобращение, землевидный, землеобразный, земледобный, землерождение 'геогения', землеутробный 'относящийся к внутренности земного шара', землеоблетающий* и *землеобходный 'кругосветный', землетряс-* — 2;

(5) 'суша' — 2 единицы: *землеобнимающий (океан), землеобъятый (море)*;

(6) 'грунт' — 25 единиц: *землебур-* — 2 (*землебурильный, землебурный 'предназначенный для бурения земли'*), *землевоз-* — 5 ('предназначенный для перевозки земляного грунта' *землевозная тачка* Сл. 1847, *землевозная телега* Орлов 1885, *землевозный вагон* Бр.–Ефр. 1894), *землекоп-* — 5, *земленосный, земледоъемный, землеруб, землесос-* — 2, *землестойкий, землетаскный, землечерп-* — 7;

(7) 'строительный материал' — 7 единиц: *землебитный, землей-* — 2 (*землейный, землейщик*), *земленабивной*;

(8) 'сакральный объект' — 12 единиц: *землебог, землеобитанье 'земная жизнь человека', землегадание 'геомантия', землегадатель, земледержавец (о Посейдоне), землехранительный (слон)* и др.

Появление и закрепление композитов с определенным значением первого элемента отражает важность данного аспекта референта для коллективного или индивидуального сознания конкретного исторического периода и наоборот: сравнительная статистика распределения композитов по значению первого компонента, например, для XVIII и XIX веков дает нам «языковую картину мира», соответствующую эпохе: для XIX века наиболее частотными оказываются новообразования со значением первого компонента 1а (46 лекс. ед.), на втором месте — слова со значением 2 (44 лекс. ед.), затем следуют неологизмы со значением 3 (29 лекс. ед.), 6 (25 лекс. ед.) и 8 (12 лекс. ед.); для XVIII века самыми актуальными стали новообразования со значениями компонента *земле-* 3 (8 лекс. ед.), 1а (7 лекс. ед.), 6 (5 лекс. ед.), 1б и 2 (по 3 лекс. ед.). Интенсивность словообразовательных процессов в пределах отдельных семантических микрополей — «земля как объект сельскохозяйственной деятельности», «земля как территория; объект владения (от земельного надела до страны, государства)», «поверхность Земли», «земля как грунт» — находит объяснение в неязыковой реальности, в реформах социальной жизни и хозяйственной деятельности российского государства и общества. Номинативные процессы, протекавшие в данных группах, дают яркое представление не только о характере «земельного вопроса» в связи с его экзистенциальностью, значимостью земледелия как наиважнейшего вида экономической деятельности, но также демонстрируют сущностные изменения в отношении к самому объекту хозяйствования: развитие и формирование новых словообразовательных гнезд, в которые входят композиты, образованные с участием производящих основ *землевод-*, *земледерж-*, *землеоблад-*, *землехозя(й)-*, объективно отражают изменения,

происходящие в коллективном языковом сознании. Фрагмент дифференциального словника (см. Приложение) показывает несколько таких динамических зон, позволяющих выявить определенные нормативные тенденции, обусловленные психолого-философским фактором: так, например, наряду с продуктивно развивающимся гнездом композитов с основой *земледел-*, с конца XVIII века параллельно с нейтральными языковыми формами возникают лексемы, чья семантика имеет явный оттенок книжности, возвышенности (гнездо с основой *землевоздел-*). То же заключение можно сделать касательно новообразований с основами *землепроход-* и *землеход-*, где в результате конкуренции побеждают образования с первой основой, а вторые оказываются на периферии употребления.

Особенно значимым показателем словообразовательных процессов в данном семантическом поле, затрагивающих ментальную сферу, является формирование целого пласта слов с отвлеченным значением качества или состояния/деятельности — подобные лексемы характеризуют практически все означенные микрогруппы (поля): *земледельствование* и *земледельчество*, *землекопство*, *землеобитание* и *землеобительство*, *землепроходство*, *землеродность* и *землеродство*, *землеройство*, *землеустройство*, *землехозяйство*. В ряду подобных новообразований значителен удельный вес терминов, выражающих базовые понятия какой-либо сферы жизни человека, имеющей отношение к земле в ее концептуальных проявлениях. Чрезвычайно симптоматичным оказывается факт появления к концу исторического периода таких неологизмов, как *землевед* ‘географ’ и ‘почвовед, агроном, сельский хозяин’, а также *землеведение* ‘география’, в обобщенном виде демонстрирующих произошедший в сознании «поворот» в сторону научного, рационального отношения к объекту. Интенсивность когнитивной деятельности отражается в специфике номинативного процесса в третьей микрогруппе: новообразования *землеразведчик*, *землетисатель* и *землетисец*, *землеслов* ‘географ’; *землеискатель*, *землеиспытатель* ‘землевед, геолог’. Наблюдаемая лексическая вариантность есть проявление подобной активности.

В составе рассматриваемых композитов интерес представляют случаи многозначности лексических единиц, природа которой может проистекать из синкретичности базовой леммы *земля*: например, неологизм *землевед* имеет значение ‘географ’, но также употребляется как ‘почвовед’, ‘агроном’, ‘сельский хозяин’. В некоторых случаях она развивается на метафорической основе, как, например, в случае со словом *землеед* ‘тот, кто много и постоянно занимается землей (приобретает во владение, обрабатывает)’, использованным автором для характеристики «дремучести» крестьянина: — *Подлая <душа у Мальвы>! Эх вы ... землееды тупорылые! Ни черта вы понимать не можете... Вам бы только титьки были у бабы жирные, — а характера ее вам не надо ... А в характере весь цвет у человека ... без характера баба — без соли хлеб.*

М. Горький. Мальва [1897]. Намек на более глубинную семиотическую структуру слова содержится в письме И.С. Тургенева к П.В. Анненкову от 25 октября (6 ноября) 1872 г. из Парижа, которая раскрывается как реализованная метафора: *...в этом рассказе <речь идет о рассказе «Землеед» > я передаю совершившийся у нас факт — как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они прозвали за то землеедом, — заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозему. Сюжетик веселенький, как изволите видеть.*

Для русской языковой картины мира XIX века существенным фактором, оказавшим влияние и на особенности семантики рассматриваемой группы слов, стал человек с его меняющимся отношением к земле во всех ее концептуальных смыслах. Это проявилось в метафизической значимости новообразований (термины, общелитературная лексика, отвлеченность семантики), о чем свидетельствует также их частеречная принадлежность (существительные — 135, прилагательные — 87, глаголы — 6, наречие — 1), в сочетаемостных возможностях компонента *земле-/зем(н)-* в составе композита, в том числе за счет расширения словообразовательной базы, в развитии дополнительных смысловых коннотаций в семантике нового слова (социокультурный компонент), а также в появлении таких неологизмов, как *землебережливость, земледельчески*, с качественно новой семантикой, характеризующей становление особого мировоззрения человека на новой ступени его взаимоотношений с землей (*земледельчески думать*).

Анализ языкового материала, представленного словником, позволил выделить несколько динамических зон, которые могут стать предметом специального изучения: (1) развитие словообразовательных гнезд и формирование новых на базе композита-основы, (2) лексико-семантическая и словообразовательная вариативность и (3) проблемы нормализации. Отдельный интерес для наблюдения может составить (4) исконно русская лексика диалектного происхождения, ставшая источником образности в литературном авторском тексте, источником языкового расширения в силу глубинности ее семантики. Дифференциальный словник оказывается чрезвычайно репрезентативным для истории как отдельных слов, так и отдельных групп лексики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бр.–Ефр. 1894 — Энциклопедический словарь, начатый проф. И. Е. Андреевским, продолжается под редакцию К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевского. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. XII.
- Орлов 1885 — Орлов. А.И. Полный филологический словарь русского языка с подробнейшим разъяснением всех отличий разговорной речи от ее письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами. М., 1885. Т. 2.
- Сл. Акад. 1907 — Словарь русского языка, составленный Вторым отд. Императорской Акад. Наук. Под ред. А.А. Шахматова. Т. 2. Е–Ж–З. СПб., 1907.
- Даль — В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. I–IV. М., 1863–1866.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. Императорской Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

Приложение¹

Дифференциальный словник «Словаря русского языка XIX века»

(фрагмент *земл-/земн-*, лексическая неология)

	Сл 1847	Даль	Орлов 1885	Сл. Акад. 1907	Бр.– Ефр. 1894	Картотека СРЯ 19 в.
землебитный	+	+	+	+		1890
<i>землебог</i> 'бог земли'						1890
<i>землебережливость</i>			+			1902
землебойный			+			1829
<i>землебойщик</i>						(~ зданий) 1899
<i>землебоязнь</i>			+			
землебурильный			+			
землебурный		+		+		
'предназначенный для бурения земли'						
землевед				+		
'географ; почвовед, агроном, сельский хозяин'						
землеведение				+	+	
'география'						
землевид				+		
'ландшафт'						

¹ Неология XIX века выделяется полужирным шрифтом; полужирным курсивом выделены лексемы, не зафиксированные в словарях и представленные только в картотеке «Словаря русского языка XIX века» (с указанием года источника). В случае необходимости отдельные лексемы сопровождаются краткими дефинициями (с опорой на словарь-источник) и пояснениями.

землевидный		+	+	+		
землевладелец		+	+	+	+	
землевладелица		+	+	+		
землевладелицын			+			
землевладельцов			+			
землевладенный			+			
землевладетелев		+		+		
землевладетельница		+	+	+		
землевладетельный		+	+	+		
землевладетельский		+	+	+		
землевладетельша			+			
землевозделывание				+		
землевозделыватель		+	+	+		
землевозделывательница			+			
землевозделывательный			+			
землевозделывательский			+			
землевозделывательша			+			
землевоз		+	+	+		
землевозный	+	+	+	+	+	
землевозов			+			
землевозчик, -щик		+	+	+		
землевозчиков			+			
<i>землевозращение</i>						1896
<i>землегадание</i> 'геомантия'						1816
<i>землегадатель</i>						1900
земледель		+				
земледелить		+		+		
земледелица		+	+	+		
земледелка		+		+		
земледельничать		+	+	+		
земледельничество			+			
земледельственный			+			
земледельствование			+			
<i>земледельчески</i> (~ думать)						1882
земледельчество				+		
земледельчествовать				+		
земледер, -дёр		+		+		
'боронщик, пахарь'						
<i>земледержавец</i> 'бог'.						1844
<i>земледержание</i> 'владение землей'.						1892
земледержатель				+		
1 'землевладелец', 2 'бог моря'.						
земледержец				+		
'бог моря'						
земледоволец		+				
'у кого довольно земли; кто						

землеоборот <i>Астрон.</i>		+	+	+		
землеоборотный			+			
землеобработывание						1857
землеобразный		+	+	+		
землеобращенье, -ие <i>Астрон.</i>		+	+	+		
землеобходный		+		+		
‘кругосветный’						
землеобъятый		+		+		
‘о море: окруженный берегами’						
землеописательница			+			
землеописательский			+			
землеотводный (~ые работы)						1903, 1905
землепахальный			+			
землепахарка			+			
землепашенный	+	+	+	+		
землепашница			+			
землепашный		+		+		
землеписатель				+		
‘землеописатель’						
землеписец						1840
‘географ’						
землеподобный		+	+	+		
землеподъемный	+	+		+		
(~ая машина)						
землепользование				+	+	
землепринадлежность						1895
землепроход		+		+		
‘бывалый путешественник’						
землепроходимец		+		+		
землепроходимица		+		+		
землепроходимка		+		+		
землепроходимство		+		+		
землепроходица		+		+		
землепроходка		+		+		
землепроходный		+		+		
землепроходство		+		+		
землепух				+		
<i>Бот.</i>						
землеразведчик						1883
землеразложение				+		
‘анализ почвы’						
землераспределительный						1905
землероб				+		
землерод						1858
‘гигант’						
землеродец	+	+				

землеродность		+		+		
землеродный		+	+	+		
землеродство		+		+		
землерождение 'геогения'				+		
землерожденный		+		+		
землерой				+		1853 'о землекопах'; 1873 (Зоол.), 1889 'о крестьянах'
землеройкин			+			
землеройковые, -ых				+		
Зоол.						
землеройный						1837, 1880
Зоол.						
землеройство				+		1892
1. 'промысел землекопа',						'копание в
2. 'Стар. Саперное дело'.						земле, навозе' (о поросенке)
землеруб		+		+		
'землекоп с топором, по твердости, мерзости почвы'						
землеслов		+	+	+		
'географ'						
землесловие		+	+	+		
'география'						
землесловный		+	+	+		
землесловский			+			
землесос				+	+	
Тех.						
землесосный					+	
Тех.						
землестойкий		+	+	+		
'не гниющий в земле'						
землестроитель		+		+		
землестроительница		+		+		
землетаксаторский						1866
землетаскный		+	+	+		
землетружен(н)ик				+		
землетряский		+		+		
землетрясный			+			
землеудобрение, -ье	+	+	+	+		
землеудобрительный	+	+	+	+		
землеудобряющий		+		+		
землеулучшительный						1903
землеупотребительный						1885

‘используемый для улучшения почвы’ <i>землеуправитель</i>						1863 (в Сербии) 1864
<i>землеустроительный</i> землеустройство					+	
‘устройство земельного быта’						
<i>землеутробный</i> ‘к внутренности земного шара относящийся’		+			+	
<i>землеуходный</i> землеуходство		+			+	
землеуходчик ‘пахарь’		+			+	
<i>землеход</i> <i>землеходец</i>						1904 1894, 1900
землехозяин		+	+		+	
землехозяйка			+			
землехозяйский			+			
<i>землехозяйство</i> <i>землехранительный</i>						1868 1822
землецветка <i>Бот.</i>					+	
землечерпалка <i>Тех.</i>					+	
землечерпальница <i>Тех.</i>					+	
землечерпальный	+	+			+	
землечерпание					+	+
землечерпательница <i>Тех.</i>					+	+
землечерпательный	+	+	+		+	+
землечерпный		+			+	
земноводные, -ых <i>Зоол</i>						+
земномер ‘землемер’					+	
земноревностный ‘пристрастный ко всему земному, мирскому’	+					
земнородец ‘землеродец’		+				
земнородство ‘свойство рожденного на земле, греховность’					+	

ФРАЗЕОЛОГИЯ

С.Г. Шулежкова

**ОБОРОТЫ С КОМПОНЕНТОМ *АНГЕЛЬ*
КАК ОБЪЕКТ ОПИСАНИЯ
ВО «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»**

Возможность создания фразеологического словаря старославянского языка до недавнего времени подвергалась сомнению, хотя основы старославянской лексикографии закладывались еще в XIX столетии, когда издание древних славянских рукописей сопровождалось научными комментариями и индексами слов, употребленных в памятниках. Такую работу одним из первых блестяще выполнил российский ученый А.Х. Востоков, в 1845 г. издавший Остромирово евангелие, текст которого (лл.1–294) сопровождал «Предисловіемъ», «Образцами начертанія буквъ», «Примѣчаніями», «Предуведомленіемъ къ грамматическимъ правиламъ и словоуказателю», «Грамматическіми правилами словенскаго языка, извлеченными изъ Остромирова евангелія»; «Словоуказателемъ» и «Росписью помещеннымъ в Остромировом евангеліи чтеніямъ»¹. Э. Благова полагает, что начало «старославянской лексикографии в чешской славистике можно датировать первым десятилетием XX в.», и связывает его с деятельностью В. Вондрака². Но лишь во второй половине XX в. в Праге была завершена работа над 4-томным словарем старославянского языка³ и появились первые подлинно старославянские

---

¹ Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.

² Благова Э. Старославянская лексикография в Чехии // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2013. С. 405.

³ Slovník jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz: t. 1–4. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiky, 1958–1997.

словари¹. Несмотря на то что в них отражена определенная часть устойчивых словесных комплексов (далее — УСК), задачу системного описания старославянского фразеологического фонда авторы данных словарей перед собой не ставили. Во многом это было связано с неоднозначной позицией фразеологов при решении вопроса об объекте фразеологии, а также с непризнанием старославянскими тех памятников X–XI вв., которые были созданы на территории Древней Руси и в западославянских княжествах. К числу объективных факторов, препятствовавших созданию фразеологического словаря, следует отнести нехватку оцифрованных старославянских памятников и невысокую частотность употребления многих сверхсловных языковых единиц в древнейших славянских рукописях. Последнее обстоятельство стало причиной того, что сама фиксация сверхсловных языковых единиц в старославянских текстах подверглась сомнению. Так, автор книги «Русская библейская фразеология в контексте культуры» пишет: «Подтверждением того, что библейское выражение становится фактом языка, на практике является фиксация данных устойчивых сочетаний не в старославянских текстах (разрядка наша. — С. III.), где они могли быть механически переведены с языка оригинала, а в текстах отцов Церкви и греческих лексиконах IV–XII вв., среди которых следует в первую очередь назвать словари Гезихия (Исихия), Свида (Суды) и Псевдо-Зонары»².

Старославянские памятники отражают древнейшее состояние славянского фразеологического фонда, характерной чертой которого является вариантность, проявляющаяся на разных языковых уровнях. Нередко причинами варьирования УСК становились иноязычное происхождение одного из компонентов УСК, проходившего период адаптации в языке-рецепторе, и многозначность лексемы, ставшей компонентом нового УСК. Именно такие УСК и привлекли наше внимание.

Слово **аггелъ** (**ангелъ**) занимает особое место в лексико-фразеологической системе общеславянского литературного языка Средневековья. Как свидетельствует «Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)», в 17 памятниках, которые его составители считают каноническими, лексема **аггелъ** в разных своих вариантах встречается более 300 раз (СтСл 1994: 70). Переводя христианские богослужебные книги на язык, понятный славянам, свв. Кирилл и Мефодий исходили из того, что подобрать общеславянский аналог греческому термину *ἄγγελος* невозможно. Термин **аггелъ** должен был, наряду с другими иноязычными наименованиями атрибутов христианской веры, «вписаться» в новый

---

¹ *Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955; Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994; Старобългарски речник: в 2 т. София, 1999–2009.*

² *Григорьев А.В. Библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006. С. 75.*

литературный язык богослужения. И оно «вписалось», о чем свидетельствуют не только производные элементы словообразовательного гнезда, возглавляемого лексемой **АГГЕЛЪ / АНГЕЛЪ (АНГЕЛЬСКЪ(И), АНГЕЛЬСКИ, АНГЕЛОПОДОБНЫИ)**, но и предметные УСК, в составе которых компонент **АГГЕЛЪ / АНГЕЛЪ** выполняет роль семантико-грамматического центра.

П.Я. Черных считал, что слово **АГГЕЛЪ** было заимствовано южными и восточными славянами из греческого языка, где оно звучало с двумя γ – $\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\lambda\omicron\varsigma$; западные же славяне, по его мнению, усвоили это слово под влиянием латинского языка, где *angēlus* означало ‘вестник’ (Черных I: 43). Однако почти в каждом из старославянских памятников, независимо от места его создания, используются варианты как с удвоенной **г**, так и с сочетанием **нг**, что подтверждается многочисленными употреблениями лексемы **АГГЕЛЪ (АНГЕЛЪ)**, например, в Супрасльском сборнике, созданном в северо-восточной Болгарии XI в., и Остромировом евангелии, переписанном дьяком Григорием в том же веке в Новгороде. Следует также учесть, что южные и восточные славяне IX–XI вв. контактировали не только с греками, но и с римлянами. О сложных взаимоотношениях между духовенством молодых славянских государств и константинопольским патриархатом написано немало. Нередко именно к папе римскому за поддержкой при острых разногласиях с греческими церковными властями обращались лидеры славян-христиан¹. Во времена, совпавшие с миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия, славяне еще осознавали себя единым этносом и говорили на языках, не успевших кардинально измениться после выделения из праславянского языка. Кирилл Философ считал все «ветви великого племени достаточно близкими между собою для духовного объединения на почве греко-славянской Церкви и общеславянской письменности»². Единство славян первоучители Кирилл и Мефодий стремились поддержать при создании славянской азбуки и языка богослужения, общего для всех славян. Сочетание двух одинаковых взрывных согласных в пределах одного слога для всех славян было одинаково непривычным. Сказывалось действие еще не угасшей тенденции к восходящей звучности в структуре славянского слога. Думается, что вариантность написания иноязычного слова **АГГЕЛЪ** в старославянских текстах вызвана не только разными источниками заимствованного слова, но и особенностью живой славянской речи. Отсюда, кстати, появление внутри сочетания **нг** редуцированного **ь** или **ъ**, например, в рукописях Мариинского евангелия, Реймского евангелия, Синайского евхология и ряда других памятников, а также случаи

---

¹ См. об этом: *Паисий Хилендарский*. История славеноболгарская о народе и о царех, и о святыхъ болгарскихъ, и о въсехъ деяния и бития. 1762. (Рукопись хранится в Зографском монастыре на Афоне).

² *Будилович А.С.* Славянское единство. М., 2014. С. 343.

изображения слова **аггелъ/аѣѣелъ** с одним **г** или **ѣ** (**агелъ/аѣелъ**) и даже с одним **н** (**анелъ**) без указания титлом на сокращенное написание. Как справедливо пишет И.А. Малышева, «Адаптация иноязычного слова проявляется, в первую очередь, в многообразном варьировании его материальной формы, что нередко связано с параллельным вхождением слова из разных языков»¹. И все же, в конце концов, побеждает тот вариант, который не противоречит основным законам языка-рецептора.

Количество и семантика УСК, рождавшихся в старославянском языке, во многом определялись семантическими особенностями их ключевых компонентов. Как правило, в процессе перевода греческих богослужебных текстов, создавая сверхсловные единицы, солунские братья в качестве «строительного материала» использовали полисеманты. Многозначным было и заимствованное слово **аггелъ**, которым греки заменили древнееврейское ветхозаветное *mal'áx*, образованное от глагола, обозначающего 'посылать'². Всевозможные словари и библейские справочники, указывая на греческий источник лексемы **аггелъ/ангелъ**, отмечают либо одно, либо два, либо три его значения. Так, в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» на фоне многочисленных примеров употребления этого слова дается два его значения: прямое — 'ангел' и переносное — 'предводитель', 'князь' (СтСл 1994: 70). В «Старобългарском речнике» тоже приводятся два значения слова **ангелъ**, но если первое, прямое, фактически совпадает с тем, что указано в российском словаре 1994 г. (**ангелъ**, -а м. 1. В христианството безплътно същество, което се числи към един от деветте ангелски чина; представител на небесните сили, ангел), то второе, переносное, резко отличается от отмеченного «Старославянском словаре» 1994 г.: 2. Служител на дявола [*образно*] (СБР 1: 25–26). В «Иллюстрированной полной библейской энциклопедии» подчеркивалось, что в греческом языке данное слово появилось на основе ветхозаветных текстов, написанных на еврейском языке: «**Ангель** (Быт. XVI: 7–14). Это слово на Греческомъ и Еврейскомъ языкѣ значить: *вѣстникъ*. Слово *ангель* (*вѣстникъ*) часто прилагается и къ людямъ (Лук. VII: 24; IX: 52). Употребленное въ общемъ смыслѣ оно выражаетъ собой понятіе о духовныхъ существахъ и служеніи ихъ, такъ какъ черезъ нихъ Господь являетъ свою волю и дѣлаетъ ихъ орудіями исполненія оной; Изъ Свящ. Писанія и преданія мы знаемъ объ ихъ мѣстопробываніи и служеніи, что они владѣютъ знаніемъ и чистотою, далеко превосходящими наше мышленіе. Они существа духовныя,

---

¹ Малышева И.А. Вариантность в языке деловых памятников начала XVIII в. // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015. С. 469.

² https://ru.wikipedia.org/wiki/Ангел#Этимология_названия (дата обращения: 29.09.2018).

бездѣлесныя, озаренныя волею, умоу и могуществомъ, и занимающія высшую ступень въ ряду творенія»¹. Три значения лексемы ἄγγελος отмечает автор «Историко-этимологического словаря русского языка»: ‘вестник’, ‘посланец’ и ‘гонимец’; отсюда ἀγγέλλω — ‘возвещаю’, ‘сообщаю’, ‘объявляю’ (Черных I: 43).

В известных современной науке старославянских рукописях с разной степенью частотности используется более двух десятков УСК, в состав которых входят либо существительное **аггелъ** (**ангелъ**), либо образованные от него прилагательные **аггельскъ(ыи)** или (**ангельскъ(ыи)**). Неопределенное множество бестелесных духовных существ, созданных, по Священному Писанию, Господом еще до сотворения видимого мира и самого человека, в памятниках общеславянского литературного языка обозначено синонимичными УСК **вокъ небесънии**, **силы небесъныя**, **ангельскыи ликъ**, — наиболее точным из которых следует признать последний. Эти УСК ведут себя как гиперонимы по отношению к наименованиям всех ангельских чинов. Слово **ликъ** вносит в значение УСК **ангельскыи ликъ** сему ‘сонм, множество, сбор, хор’ (СБР 1999 1: 797), а компонент **ангельскыи** очерчивает границы этого неопределенного множества. К сонму небесных воинов-служителей Господа могут быть причислены и люди, если они строго следовали Божьим заповедям при жизни и приняли смертные муки за веру Христову. И тогда УСК **аггельскыи ликъ** благодаря компоненту-прилагательному «дополняет» свое терминологическое значение ‘сонм бестелесных духовных существ, служащих Богу’, аксиологической позитивной семой: «**ангельскъ, -ыи**. 1. Ангельски, който се отнася до ангел ... 2. Възвишен, чист, свят [за начин на живот]» (СБР 1999 1: 26–27). В *Мучении святых Ионы и Варахисия и дружины их*, память которых отмечается церковью 29 марта, говорится о причислении к *ангельскому лику* девяти христиан, принявших мученическую смерть в Персии во времена царя Савория, известного жестокими гонениями, направленными против сторонников новой веры: **Сватыимъ же мжченикомъ затворенымъ въ тъмници• имена сътъ си• занидас• лазарь• мародас• нерсисъ• илна• марис• акивос• симвондис• сава• сии оубо мжчени бѣиша тѣгда скръби примъше многы• и въ подвижани мжченичествѣмъ съконьчаша са• теченик съврѣшивъше добръ• и страстьнымъ и не тълѣжштимъ• ни оуба дажштимъ вѣньцемъ оувазоша са• мжченомъ же бивъшемъ тѣмъ сватыимъ• и възлетѣшемъ на небо• въ агельскыи ликъ вѣчиненомъ бивъшемъ•** (Супр 256: 10–23).

В старославянских памятниках, несмотря на множество упоминаний об ангелах, сама структура *ангельского лика* в полном объеме не

---

¹ Иллюстрированная библейская энциклопедия / Трудъ и издание Архимандрита Никифора. М., 1891. С. 47–48.

представлена. И это объяснимо: в деталях она не прописана ни в Ветхом, ни в Новом Завете. В Священном Писании, где в общей сложности ангелы упоминаются около 200 раз, об архангелах речь идет только дважды¹, о серафимах — один раз². Оттого, вероятно, так много было попыток создания классификаций ангелов по их чинам, начиная с IV века. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко сжато излагает взгляд Православной Церкви на данную проблему. В словарной статье, озаглавленной «Чины ангельскія», он пишет: «Весь сонмъ св. ангеловъ раздѣляется на три іерархіи или лика: *высшій, средній и низшій*» (Дьяченко II: 823). По характеру служения Богу и по степени близости к Нему каждый из трех ликов делится на три чина: в *высшем* «состоят» а) *шестикрылатые серафимы*, т. е. «огненные, такъ какъ они горятъ любовью къ Богу; б) *многоочитые херувимы* и в) *богоносные престолы* — на нихъ благодатно и непостижимо почиваетъ Богъ». В *среднем* лике состоят: а) *господства*, б) *силы* и в) *власти*. Ангелы чина *господства* управляютъ низшими ангелами и сообщаютъ земнымъ людямъ правила благоразумной жизни. Черезъ ангеловъ *силы* Богъ творитъ знаменія и чудеса. Ангелы *власти* предостерегаютъ людей отъ искушений и укрепляютъ ихъ въ благочестіи. В *низшем* лике состоят а) ангелы *начала*, управляющие вселенной; б) *архангелы* — благовестники тайнъ Божьихъ и в) *ангелы-хранители* людей (Дьяченко I: 823). Эта классификация напоминает о себе в Синайскомъ евхологии, отражающемъ «литургическую традицію, представленную в древнихъ южноитальянскихъ евхологияхъ ... но на более позднемъ этапе развития» и представляющемъ «собой поздний, возможно конца XI в. западноболгарский македонский список, восходящий к протографу конца IX в.»³. Рукопись начинается разделомъ «**Чинъ Божоявленія**», куда вошли фрагменты литургій Василия Великого и Иоанна Златоуста, и в молитвенномъ славословіи, адресованномъ Всевышнему, упоминаются и Его слуги: **Вельми въпижъ и глаголижъ. Велен еси г(оспод)и. ѿ чюдъна дѣла твоѣ ... Аѣ(ѣ)лъскыя силы тебе слоужатъ. Арх(анѣ)лъскыи лица. тебѣ кланѣжатъ сѧ. многоочити херувими. и шестокрилаа серафимъ. Шкрѣстъ стояща. ѿ летаща. страхомъ непристѣпныа славы твоєѧ. закрываѣтъ сѧ. Ты во в(ог)ѣ сы неисписаненъ. безначаленъ же и неизглаголенъ.** (Син евх 3b: 16–18 – 4a: 14–22). В том же памятнике помещена *Молитва надъ вѣстѣмъ трасомомъ трасовицеѣ*, где также упоминаются ангельскіе чины: **Нынѣ же сами тебѣ запрѣцаѣжъ трасавице. оубои сѧ имени г(осподь)нѣ. ѿ вѣры вѣроуѣщанихъ въ**

¹ Симфонія на Ветхій и Новый Заветъ: в 2 ч. СПб., 1900. Ч. 1. С. 7–10.

² Там же. Ч. 2. С. 314.

³ *Афанасьева Т. А.* Синайскій евхологий на фоне славянскій традиции Евхология XIII — XVI вв. Аθηνη, 2011. С. 82–83.

нь• его же трепещѣтъ• Видимаа и невидимаа• Аѣ(ѣ)ли и арх(ан)(е)ли• Прѣстоли и г(оспо)дѣствиѣ• Властели и дрѣжавы• и силы• многоразличнии херовими• Его же трепещѣтъ н(е)веса• земѣ и море• и в'сѣ ѣже сѣтъ въ нихъ• ты паче в'сѣхъ трепещѣши• избѣгни сего раба г(осподь)нѣ• (Син евх 45b: 15–25 – 46a: 1–2). Фрагментарно встречаются наименования чинов ангельского сонма в других старославянских памятниках, например, в *Слове кипрского архиепископа Епифания о погребении Иисуса Христа*, попавшем в Супрасльский сборник: *блажж іусифа и никодима• высте бо прѣжде херовимъ херовимѣиша бога въ себѣ носашта• высте прѣжде шестокрильныхъ богѹ слоузѣ• не крильма плаштаницеж бога покрывѣша• и почѣтъша кгоже херовимъ трепештѣтъ• сего на рамѣхъ иусифъ и никодимъ носите• яко и вси бесплѣтъныхъ чинове съ нима носатъ• идеже іусифъ и никодимъ• не тоу ли сънаша са• и вси божи аггелъ народи• и варажѣтъ херовимъ• и прѣтѣкажѣтъ серафимъ• и с нима носатъ прѣстоли• и покрыважѣтъ шестокрильнии• и трепештѣтъ многоочити• видаште ісоуса въ плѣти безъ очию• (Супр 458: 4–17).*

Слово аггелъ (ангелъ) со всеми своими вариантами вошло в систему общеславянского литературного языка X–XI вв. Однако параллельно происходило обогащение нового языка христианского вероисповедания за счет включения заимствованного слова во фразообразовательный процесс. В переведенных на славянский язык текстах, которые пользовались наибольшим спросом в Славии (в евангелиях-апракосах, псалтыри, в житиях, изборниках) часто встречаются новые наименования потусторонних сил, подвластных Господу. Сверхсловные языковые единицы были способны передавать более объемную информацию, нежели отдельные слова. Их значения обогащались семами, указывающими не на место ангелов в иерархии служителей Господа, а на их достоинства (чистоту, невинность, красоту, святость, доброту и т. д.). Многозначность лексемы аггелъ (ангелъ) обеспечивала ей возможность «внедрять» в семантическую структуру предметных УСК то одну, то другую, то третью свою сему. В итоге за счет переменных компонентов, выполняющих определительную функцию, возникали обороты, вступающие между собой либо в синонимические, либо в гиперо-гипонимические, либо в антонимические отношения, но чаще всего подобный процесс порождал УСК, которые условно можно назвать лексико-синонимическими вариантами. Так, функционирующие в старославянских текстах УСК аггелъ/ангелъ божи, божи аггелъ/ангелъ; аггелъ/господа (вьседръжителѣ); аггелъ/ангелъ господьнѣ; ангелъ господьскѣ; ангелъ небеськѣти, небесьнѣти; ангелъ свѣта; ангелъ свѣтъни, свѣтъни ангелъ; ангелъ хранащѣ; ангелъ зълъ; аггелъ/ангелъ сотонинѣ

обладают общими семами: ‘созданный Господом Богом’, ‘бестелесный’, ‘невидимый’, ‘потусторонний’, ‘способный общаться с человеком’, ‘бессмертный’. Эти сверхсловные языковые единицы называют различных ангелов, не акцентируя внимания на том, какое место занимают они в иерархической системе *ангельского лика*. Все они противопоставлены УСК **аггелъ цркъвъвныи** (‘священник, земной служитель Господа’) с его семами ‘плотский’, ‘видимый’, ‘земной’, ‘смертный’. Внутри же самой группы наименований *ангелов* нетрудно заметить четкое разграничение по аксиологическому признаку: в первую подгруппу входят УСК, с позитивной коннотацией (**аггелъ/ангелъ божи**, **божи аггелъ/ангелъ**; **аггелъ/господа (въседръжителѧ)**; **аггелъ/ангелъ господень**; **ангелъ господьскъ**; **ангелъ небеськѣи**, **небесьнѣи**; **ангелъ свѣта**; **ангелъ сватѣи**, **сватѣи ангелъ**; **ангелъ хранащѣ**), во вторую — с отрицательной (**ангелъ зълъ**; **аггелъ/ангелъ сотонинъ**).

Лидирующее положение в первой подгруппе занимают два УСК. Один из них **аггелъ/ангелъ божи**; **божи аггелъ/ангелъ** обладает наивысшей частотностью и способностью в зависимости от контекстного окружения, во-первых, обозначать обобщенно ангелов-слуг Всевышнего; во-вторых — называть посланников Господа, призванных сообщать людям какую-либо важную весть; в-третьих — именовать духовные существа, выполняющие роль охранителей, защитников по отношению к людям, попавшим в беду. Конкурирует с УСК **аггелъ/ангелъ божи** оборот **аггелъ/ангелъ господень**. Оба УСК являются кальками древнегреческих выражений, которые появились как аналоги древнееврейских оборотов, представлявших собой лексико-синонимические варианты. Причем более сильную позицию в переведенном на славянский язык Ветхом Завете занимает УСК *Ангел Господень*, встречающийся там в 4 раза чаще, чем УСК *Ангел Божии*. Мы оставляем в стороне споры о том, кого (самого Господа Бога или Его посланника) обозначают дублетные единицы *Ангел Божий* и *Ангел Господень* в каждом ветхозаветном отрывке. Укажем только что оба они представлены там лишь в форме ед. числа. В старославянских же памятниках УСК **аггелъ/ангелъ божи** в абсолютном большинстве случаев употреблен в форме мн. числа и обозначает не самого Господа Бога, а его слуг.

Обычно УСК **аггелъ/ангелъ божи** в исследуемых текстах выступает в своем 1-м (основном, общем) значении ‘бестелесные, духовные существа, наделенные умом, волей, сверхъестественными способностями, обитающие в Царствии небесном и выполняющие волю Создателя’. Такая семантика за оборотом закрепилась, вероятно, благодаря Евангелию от Матфея, вошедшему во все сохранившиеся до нашего времени четвероевангелия и апракосы X–XI вв.: **Тогда рече ємоу и(соу)съ• отїди сотоно• Писано бо естъ• г(оспод)ю в(ог)оу своємоу**

поклониши сѧ• и томоу единомуу послужаши• тогда и остави дѣволъ• и се пристѣпиша анѣ(є)ли в(о)жин• и слоужаахъ ємоу ((Мф 4: 11) Ас 282); въ въскрѣшение бо ни женатъ сѧ ни посагаѣтъ• нъ ѣко анѣ (є)ли в(о)жини н(а) н(є)бесе сж(тъ) ((Мф 28: 30) Мар 81); и г(лаго)ла ємоу аминъ аминъ гл(агол)ѣхъ вамъ• отъсєлѣ оузрите н(є)бо отъвѣрсто• и ангєлы божиѧ• въсходаща и низъходаща• надъ с(ы)на чловѣчьскаго• ((Ин 1: 51–52) Остр 7ab; Ват 104: 17–20, 156: 2–6).

УСК аггєль/ангєль божии может употребляться значении ‘посланник, которому Господь делегирует какое-либо важное дело, связанное с людьми’: Гл(агол)ѣхъ же вамъ въсакъ иже колиждо• исповѣсть о мѣнѣ прѣдъ чловѣкы• и с(ы)нѣ чловѣчьскыи исповѣсть и• прѣдъ анг(є)лы в(о)жини ((Лк 12: 8) Остр 235ab–235ba, Ват 152: 4–7); а отъвѣргыи сѧ мене прѣдъ чловѣкы• отъвѣрженъ вѣдетъ прѣдъ анг(є)лы в(о)жини• ((Лк 12: 9) Остр 235ba, Ват 152: 7–9); рече же и моуси• постави прѣдѣлы странамъ по числоу анг(є)лъ в(о)жини• тѣмъ же иванъ въ обавлении гл(агол)єтъ• отърѣши чєтыри анг(є)лы иже надъ кѣратъмъ надъстоатъ• (Изб 1073 164.2: 1–9).

Этот же УСК может обозначать ‘духовное бестелесное существо, охраняющее человека’. В таком случае УСК употребляется в ед. числе и ведет себя как синоним оборота *ангєль хранитъ*, отражающего начальный этап становления УСК *ангєль-хранитель*. В *Мучении святых новоявленных мучеников Феодора, Костантина, Феофила, Калиста, Васоя и дружины их* УСК аггєль божии изображен как существо, не вмешивающееся в то, что происходит с последователем Христа, которого он призван опекать: он находится на небе: да прѣжде же отъ дружины отътрѣгыше• лютыѧ и безмилостивыѧ слоугы дѣаволы• костан’тина патрикия на зєми сжшга• аггєль же божи на небеси бывъ• растрѣзавъше ризы ємоу• чьстѣнѣхъ кго главѣхъ отъсѣкоша• потомъ же ѣнѣфила проспѣла• и по немъ калиста спѣдара• Но один из мучеников, ожидающих своей казни, Васой, *блага рода отъ дѣдѣ славєнъ племенемъ, истинный Христовъ воинъ*, обращается к своей *дружине* со словами: ѹвєда ник’тоже оубо отъ лика не остани• да тѣчно вѣнѣца полоучимъ вси• отъ мѣздодавѣца бога• и г(оспод)а нашего ісоу(са) хрѣста• На глазах Сысоѧ казнят его собратьев по вере, но он знает, что *ангєль Божий* все видит и муки страдальцев будут вознаграждены: да тако доидоша на троудьника хрѣстова васоѧ• видѣвъ тако ризы растрѣзаѣтъ самъ сѧ сѣвлькѣ рече• нагъ изидохъ и’ чрѣва матерє моєѧ• нагъ поидѣ облѣци ма хрѣсте• нєтѣлѣнѣхъ твоѣхъ одеждѣхъ• да тако и сємоу чьстѣнѣхъ главѣхъ отъсѣкѣше• оставиша и въ тѣмници• (Супр Супр 63: 25–27; 64: 2–17).

В одном из отрывков Изборника Святослава 1073 г. речь идет о посмертной судьбе земного человека и о том, что избежать адских мук

верному христианину помогает ангелъ хранѣштъ: ... нына оубо не тако• на земли же поахоу и зѣло радоуиште са• тѣхъ же съведе къ намъ• настъ же възведе тамо• сего дѣла благодаримъ• рекоуцие слава въ вышнихъ в(ог)оу и на земли миръ прьвок по числоу странъ вѣахъ анг(е)ли• нынѣ же не по числоу странъ не по числоу вѣрныхъ• кийждо бо вѣрныи анг(е)ла иматъ хранѣшта и такоже к писано• наидеть анг(е)лъ г(осподь)нь окроугъ боаштнихъ са кго и избавить га• кльмаже и испрѣва кийждо мѣжь отъ добръ искоустьныхъ анг(е)ла имѣаше и рече наковъ• анг(е)лъ избавляи ма отъ ѣжности мокиа• (Изб 1073 163.2: 27–29 (стлб 2) – 164.1: 1–28 (стлб 1)).

В редких случаях УСК ангелъ божии косвенно соотносится с именем Сына Божьего *Иисус Христос*. В том же Изборнике приводится цитата из Послания апостола Павла к Галатам, где апостол призывает свою паству оставаться непоколебимой в вере, несмотря ни на какие трудности, приводит примеры из Ветхого Завета, из собственной жизни, когда на его мольбы о помощи Господь ответил: **довлѣкъ ти благодѣтъ моя• сила бо моя въ немощи съврѣшають са**. Он напоминает галатам, усомнившимся в учении христовом, которое он им проповедовал, что когда-то к нему, больному и немощному, они относились как к самому Сыну Божьему: **и пакы о тон же гази ка галатомъ рече• и пакости соушта въ пльти моки• ни похулисте• ни отъпльвасте• нѣ акы анг(е)ла в(о)жиа присте ма• акы х(рист)а л(соу)с(а)** (Изб 1073 108.1: 22–29 (стлб 2) – 108.2: 1 (стлб 1)).

УСК аггелъ/ангелъ господьнь, как и его варианты аггелъ/господа (вьседръжителѣ) обычно функционируют в форме ед. числа и обозначает ‘бестелесные ‘духовное существо, наделенное умом, волей, сверхъестественными способностями, обитающее в Царствии небесном и выполняющее волю Создателя’. Однако, в зависимости от контекстного окружения, как и их лексико-синонимический вариант аггелъ/ангелъ божии, эти УСК могут указывать на функции, которые возлагает на них Всевышний, отправляя к людям, — либо 1) вестника, либо 2) хранителя:

1. **Въ вечеръ сжвотъны• ... приде мариа магдалъни• и друга мариа• видѣтъ гроба• и се бысть тржсъ великъ• агг(е)лъ бо г(осподь)нь• съшѣдъ съ н(е)весе• и пристѣпъ отъвали камень отъ гроба• и сѣдѣше на немъ• вѣ же зракъ его тако млъни• и одежда его вѣла тако снѣгъ ... агг(е)лъ рече женама• не боита вы са• вѣмъ тако и(исоу)са ищета распѣтаго• нѣстъ съде• вѣста бо такоже рече• придѣта да видита мѣсто• идеже лежа г(осподь)• и скоро шѣдъши• рѣцѣта оученикомъ его• тако вѣста отъ мрътвѣхъ• ((Мф 28: 2–7) Сав 115–116, Мар 111, Ас 222; Ват, 133: 3–6); л вѣахъ пастыри въ тожде странѣ• вѣдѣце и стрѣгѣце ст(р)ажж ноцънѣж о стадѣ своемъ• л се анѣ(е)лъ г(осподь)нь ста въ нихъ• л слава г(осподь)нѣ**

осиѣ ѿ• ꙗ оубоѣша сѧ страхомъ велиемъ• ꙗ рече имъ анѣ(е)лѣ не боите сѧ• се бо благовѣштаѣ вамъ радость велиѣ• ѣже вждетъ всѣмъ людемъ• ((Лк 2: 8–11) Мар 197);

2. ставъши же ки на мѣстѣ на немъже повелѣ оурилантъ• и авик аггелъ г(осподь)нѣ прѣдѣста прѣдъ неж• глагола• не оубоиса ноулигани• г(осподь) бо ꙗ(соу)с(тъ) х(ристо)с(тъ) кмоу же ты слоужаши посла ма покрыти та• (Супр 3: 1–5); И вѣаста въ огни поѣшта и хвалашта бога• и се аггелъ г(осподь)нѣ съшедъ съ небесе• истрасе вѣнѣ пештницѣ съ огнемъ• и не дастъ огню сътжжити има• пришедъше же послании къ двѣремъ тѣмъничьнымъ послоужатъ• оуслышаша ꙗ поѣшта и хвалашта бога• (Супр 5: 20–24); посла кна зъ ноштинѣ• да видатъ аште кста оуморена сватаѧ звѣрьми• пришедъше же послании ... видѣша сватаѧ сѣдашта• и аггела господня стоашта прѣдъ звѣрьми• и не дажштоу приближити сѧ ими• (Супр 184: 1–12).

Таким образом, в старославянском языке через ограничения в проявлении категории числа закладываются основы для семантического «размежевания» лексико-семантических вариантов УСК аггелъ/ангелъ божи и аггелъ/ангелъ господьнѣ.

Любопытно, что УСК ангелъ господьскъ, отличающийся от УСК ангелъ господьнѣ только суффиксом подчиненного компонента, имеет самостоятельное значение — ‘архангел, второй чин третьего лика Небесной иерархии, верховный ангел’. Он связан с УСК архангельскыи ликъ как гипоним и способен употребляться в форме мн. числа: Паки заклинаѣ васъ• въ има г(оспод)а нашего ис(оу)с(х)рист)а• ѣко а(н)ѣ(е)ли г(осп)дѣсции• миханлъ• гаврилъ• оурилъ• рафилъ• паки заклинаѣ вы в'сѣкъ гадъ• ѡтидѣте отъ лознѣ• отъ нивы• ѡтѣ врътоградъ• (Син евх 59b 4–5).

Прочие УСК первой подгруппы, объединенные положительной коннотацией, называют представителей небесного войска безотносительно к их ангельскому чину и к тем функциям, которые они выполняют по велению Господа. Так, УСК ангелъ небеськыи/небесьныи, употребляемый обычно во мн. числе, как и выше описанные обороты, служит названием духовного создания, верного Богу и подчиняющегося Его велениям, но акцентирует внимание на его неземном, божественном происхождении. Появляется он в 24-й главе Евангелия от Матфея, где предсказывается пришествие Господа на землю: Рече г(оспод)ь• своимъ оученикомъ о дни томъ и о часѣ никто же не вѣсть• ни ангели небесьныи• тѣкъмо о(тѣ)ць кдинъ ((Мф 24: 36) Остр 146ba); Рече г(оспод)ь• своимъ оученикомъ• о дни томъ и годинѣ тоі• никто же не вѣсть ни а(н)гели н(е)в(е)с(ь)ции• тѣкъмо о(тѣ)ць єдинъ• такоже въ дни ноєвы• тако вждетъ и въ дни с(ы)на чл(овѣ)ча• ((Мф 24: 35–36) Сав 30, Сав 76–77, Зопр 35, Мар 90, анѣ(е)ли

н(є)в(є)с(ь)ниі Ас 98, ан(є)ли н(є)в(є)с(ь)ниі Ас 168, Мар 90; Ват 119: 17–19); (є)во и земл мимо идеть а словеса мо не мимо иджть а о дъни томь или годинѣ• никъто же не вѣсть• ни аньгели небесънии• тѣкъмо о(ть)ць мои кдинъ ((Мф 24: 35–36) Остр 83об).

УСК **ангелъ свѣта** обозначает доброго, благого посланника Бога. Компонент **свѣта** вносит в семантическую структуру УСК семы чистоты, ясности, красоты. В старославянских текстах этот оборот встречается редко, что не стало для него препятствием при проникновении через церковнославянский язык в систему русского литературного языка. Составители Изборника 1073 г. предостерегают читателей-христиан, чтобы они не верили лжепророкам, которые могут «преобразиться» в апостолов Христовых, как сатана преображается в *ангела света*: ... сего оубо ради нѣ лѣпо в'сего чждотворьца акы с(вѣ)та примати нѣ искоушати по реченоуоумоу не в'семѣ д(оу)хоу вѣроуите• нѣ искоушанте д(оу)хы боуде ли отъ в(ог)а• тако мнози лѣжии пророци• изидоша въ миръ• и ап(о'то)лъ таци бо и рече• лѣжии апостоли дѣлаткии лѣкавини прѣобразоуѣште сѣ• въ ап(осто)лы х(ристо)совы• неже ꙗ чждо самъ бо тѣ сотона прѣображаеть сѣ въ ангелъ свѣта• (Изб 1073 118.1: 10–21 (стлб 1)). Закреплению данного выражения в старославянском языке способствовало Второе Послание св. апостола Павла коринфянам, на которое и ссылается составитель Изборника. В этом Послании Павел «защищает перед коринфянами свое апостольское достоинство и увещевает их к исправлению своей жизни»¹. Ему необходимо было заверить последователей Христа, для которых он создал Коринфскую Церковь, что все обвинения в его адрес по поводу корыстности, самохвальства, неспособности к проповеднической деятельности несправедливы. Апостол Павел уверен, что нелестные слухи о нем распространяют его враги *иудействующие*, которые, прибыв из Иерусалима, пытаются коринфянам преподнести ложное учение о Христе, связывая христианство «с обрядовым законом Моисеевым, и вместе с тем принимают нового духа — духа рабства вместо Духа Господня — Духа свободы»². Своих противников Павел называет *лжеапостолами*: «таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор 11: 13–14).

Гораздо чаще, чем **ангелъ свѣта**, в рукописях X–XI вв. встречается его синоним **ангелъ свѣтъи**, обозначающий совершенное духовное создание, находящееся на службе у Бога. Источником выражения **ангелъ свѣтъи** является Евангелие, в разных частях которого евангелисты (Матфей, Лука, Марк) сообщают об ожидаемом втором пришествии Сына

¹ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / Под ред. А.П. Лопухина. М., 2007. Т. 2. Новый Завет. С. 793.

² Там же. С. 798.

Божьего в сопровождении *ангелов святых*. Из Нового Завета УСК **ангелъ сватъи** перешел и в другие тексты общеславянского литературного языка Средневековья: **прити во иматъ с(ъ)нъ чловѣч(ь)скы• въ славѣ о(тъ)ца своего• съ а(н)ѣ(е)лы с(ва)тъими• и тогда въздастъ комоуждо по дѣломъ своимъ• ((Мф 16: 27) Мар 57); егда же придетъ с(ъ)нъ чл(овѣч)скы въ славѣ своен• и вси с(ва)ти а(н)ѣли съ нимъ • тѣгда сѣдетъ на прѣстолѣ славы своен• ((Мф 25: 31) Зогр 38, Ас 142–143); **Сътвори нѣи г(оспод)і в(о)же причастнѣи сватѣи в(огороди)ці и приснодѣвѣ маріи• и достоинѣи сватѣихъ анелъ и (в)лаженыхъ апостолъ• мж(че)нікъ• и прѣподобнѣихъ (и ч)істѣихъ дѣвѣ• и всс(ѣ)(хъ с)вятѣихъ твоихъ• мо(ли)твами ихъ зашчіті нѣи** (Киев f.7v, 38: 1–10, с. 126).**

Слово **сватъ(и)** имеет индоевропейские корни. В памятниках, легших в основу «Старославянского словаря» 1994 г., оно употреблено (в том числе в составе УСК) более 1000 раз на месте греч. ἄγιος, ἱερός, θεῖος, πανάγιος и пр. слов (СтСл 1994: 598). Будучи полисемантом, в древнейших славянских текстах оно реализует значения 1) *рел.* ‘являющийся предметом религиозного почитания и преклонения’, ‘божественный’; 2) ‘глубоко чтимый’, ‘заветный’, ‘дорогой’ (Черных II: 149); 3) *субст. м.* ‘святой’ (о человеке). Учитывая религиозный смысл слова *святой*, можно сказать, что оно, с одной стороны, в сочетании со словом *ангел* имеет значение ‘исходящий от Бога; связанный с Богом, близкий к Богу’, с другой — ‘совершенный, чистый, свободный от какого-либо порока’.

Все УСК первой подгруппы антонимичны обороту **ангелъ сотонинъ**, означающему ‘злой дух’, ‘дьявол’: **И си рекъ с(ва)тъи івна• рече гласомъ великомъ къ влѣхвомъ• азъ отъ княза вашего и отъ всѣхъ другъ вашихъ• иже сѣтъ аггели сотонини• (Супр 260: 24–27); **Анг(е)лъ сотонинъ• да ма моучить• іако да не възвышаж са• сего ради тришды Г(оспод)а молихъ• да отъстоупить отъ мене• (Изб 1073, 108.1: 11–17 (стлб 2)).****

Ангелъ сотонинъ не может быть причислен ни к одному из ангельских чинов, потому что он «*въ демоны приложися*». Слово **сотона**, а также образованное от него притяжательное прилагательное **сотонинъ** в старославянских рукописях встречается достаточно часто. Оно представляет собой заимствование из греческого языка: «**Сотона, -ы, м.** Σατανᾶς, διάβολος сатана, дьявол» (СтСл 1994: 619). Авторы «Старобългарского речника» дают развернутое определение семантики лексемы **сотона**: «**Сотона, -ы, м.** Сатана — в юдаизма и христианствовто главен противник на Бога и на всички верни нему небесни и земни сили, враг на човешки род, цар на ада и повелител на бесовете» (СБР 2: 725–726). В «Полном церковнославянском словаре» указывается на сирийское происхождение слова *сатана*: «Сатана — (*сирск.* противник) = такъ въ

Писании называется начальникъ злыхъ ангеловъ ... Вообще значить сопротивляющегося воле Божіей отъ злости, какъ-то Іуда-предатель (Ин 15: 27), или отъ простоты нѣкоторой и неразумія, какъ-то Петръ-апостоль (Мф 16: 23)» (Дьяченко II: 574–575). Апокрифические христианские тексты позднее будут говорить о 10-м ангельском чине, состоящем из падших ангелов, отказавшихся от служения Богу¹.

Каждый из УСК описанной группы в старославянском языке вступал в многообразные отношения с другими элементами языковой системы. Так, например, оборот **ангелъ сотонинъ** вошел в один синонимический ряд с единицами **доухъ нечистъи**, **доухъ зълъ**, **слоуга днаволовъ**, **сынъ сатанинъ**; у УСК **ангелъ свѣта** появился антоним **ангелъ тьмы** и т. д.

УСК с компонентом **ангелъ (ангелъ)** не исчезли бесследно. Большая их часть, продолжает использоваться в православном дискурсе и в русском языке, и в литературных языках современных славян. Более того, по их моделям были созданы новые языковые единицы. Так, по аналогии с УСК **ангелъ небесныи** в русском языке появился фразеологизм *ангел земной*². «Толковый словарь библейских выражений и слов» современного русского языка, помимо оборотов *ангел небесный (божий)*, *ангел света*, *ангел сатаны/сатанин*, *ангел-хранитель*, *святой ангел*, поместил единицы *ангел во плоти*, *ангел тьмы*, *ангел мой*, *не ангел*, *падший ангел*³.

Наблюдения над функционированием группы УСК с компонентом **ангелъ** в старославянском языке позволили убедиться в том, что освоение славянами христианского вероисповедания сопровождалось активными фразообразовательными процессами, в которые вовлекались как заимствованные слова, так и слова из общеславянского лексического фонда. Новые УСК строились по продуктивным славянским моделям, а компонентами формирующихся сверхсловных наименований становились по преимуществу полисеманты. Характерной чертой этих УСК является вариантность, проявляющаяся на разных языковых уровнях. При этом вариантность, зародившаяся в старославянском языке, становилась толчком к развитию в языковой единице семантических изменений, результаты которых можно наблюдать в современных славянских языках.

---

¹ Славянские древности: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. С. 108–109.

² Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 25–26.

³ Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М., 2010. С. 45–48.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ac — *Evangeliař assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čtení / Vydal J. Kurz. Praha, 1955.*
- Библия — Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1983.
- Vat — Ватиканско евангелие: старобългарски апракос от Х в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502. Т. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, И. Добрев. София, 1996.
- Дьяченко — *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь: в 2 т. М., 1998.
- Зогр — *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.*
- Изб 1073 — Изборник 1073 г. (ГИМ, Синод. 1043), 266 л. [Электронный ресурс] VRL: http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074.
- Киев — Київські глаголичні листки. Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. Київ, 1983.
- Мар — Мариинское четвероевангелие / Памятник глаголической письменности / Трудь И.В. Ягича. СПб., 1883.
- Остр — Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.
- Паисий — Паисий Хилендарский. История славеноболгарская о народе и о царех, и о святыхъ болгарскихъ, и о всьехъ деяния и бития. Рукопись, 1762 (Хранится в Зографском монастыре на Афоне).
- Реймс — *Evangelia slavice. Texte du sacre ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit J.B. Silvestre Ordinis S. Gregorii Magni unus e Praefectis ... Paris, 1843.*
- Сав — Саввина книга / Трудь Вяч. Щепкина // Памятники старославянского языка. Т. I. Вып. 2. СПб., 1903.
- СБР 1999–2009 — Старобългарски речник: в 2 т. София, 1999–2009.
- Син евх — *Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografski posnetek; II. Tekst s komentarjem. Ljubljana, 1941–1942.*
- СтСл 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. 1994
- Супр — Супрасльски или Ретков сборник. София. Т. I, 1982.; Т. II, 1983.
- Черных — *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz: t. 1-4. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiky, 1958–1997.*

Е.В. Генералова

**ПРЯМОЕ МЯСО И КРИВОЕ МОЛОКО:
МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ ПРЯМИЗНЫ И КРИВИЗНЫ
В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА
XVI–XVII ВВ.¹**

Пространственные понятия занимают существенное место в европейской культуре, очень важны в славянской, в частности, в русской культурной парадигме: «ведущая роль пространственных характеристик в восточнославянской модели мира многократно продемонстрирована историко-культурными исследованиями и не менее доказательно закреплена в древнерусских языковых формах, унаследованных языком современным»².

Лингвистическому выражению понятийной оппозиции «прямое – кривое» в славянских языках посвящены работы Р.М. Цейтлин, методами сравнительной лексикологии описывающей функционирование важнейших корневых групп с семантикой прямизны — кривизны в древнерусском, древнечешском и древнеболгарском языках³, И. фон Леевен-Турновцовой о культурной семантике оппозиции⁴, С.М. Толстой,

---

¹Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18–512–00005.

²*Лисицына Т.А.* Пространственные образы жизненного мира в языке науки и искусства XVIII века // Исторический источник: человек и пространство: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 3–5 февраля 1997 г. Москва, 1997. С. 132–135. С. 132.

³*Цейтлин Р.М.* Корневые лексико-семантические группы со значениями прямизны — кривизны в древних славянских языках // Старобългаристика, 1990, № 1. С. 91–105. *Цейтлин Р.М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/X вв. М., 1996.

⁴*Leeuwen-Turnovcova I.* Rechts und Links in Europa. Berlin, 1990. 280 s. *Leeuwen-Turnovcova I.* KRUMM und DREHEN im Kulturparadigma der ORDNUNG // *Znakolog*, 1991, № 3. S. 131–166. *Leeuwen-Turnovcova I.* Warum ist das Recht gerade? // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1992, № 51. S. 52–73.

рассматривающей культурную семантику славянского **kriv-*¹, Ж.П. Соколовской², методами компонентного анализа описывающей семантику прилагательных с родосемой "пространство" в русском языке, статья Е.В. Рахилиной и Л.О. Наний³, интерпретирующая прилагательные с семантикой 'прямой' и 'кривой' в сопоставительном и типологическом аспектах, и др.

В настоящей статье рассматривается фрагмент лингвистического выражения этой оппозиции в истории русского языка — устойчивые сочетания, связанные с понятиями «прямое» и «кривое» (прежде всего в переносном значении) в русском языке XVI–XVII вв., в период начального сложения национального языка.

Безусловно, выделение устойчивых сочетаний в истории языка не всегда однозначно, прежде всего в связи с тем, что процесс фразеологизации носит диахронический характер: исторический принцип, по словам Б.А. Ларина, и заключается в учете «постепенного накопления идиоматичности в развитии от текучих словосочетаний к неразложимым»⁴.

В текстах XVI–XVII вв. известно определенное количество устойчивых сочетаний, в которых реализуется прямое значение прилагательных-обозначений формы. Преимущественно это терминологические сочетания, но исходное значение лексем может достаточно интересно трансформироваться в составе коллокаций. См. *кривые башмаки (сапоги, обуви, чеботы)* 'обувь, сшитая по «кривой» колодке, для левой и правой ноги': *А у кресел стояли на коврике башмаки его, кривые, бархатные, черные* (Посольство Толочанова, 1651 г.), *сапоги женские кривые и прямые* (Там. кн. Тихв. м., 1669 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 55), *Чеботы отлась бѣль, на мужское дѣло, кривые* (Забелин, Разр. Арх. Оруж пал.) (КСОРЯ) и противоположные им *прямые башмаки (сапоги, обуви)* 'обувь, сшитая по симметричной колодке, на одну ногу': *обувеи женских кривых и прямых красных* (Там. кн. Тихв. м., 1669г.) (СлРЯ XI–XVII 21: 29). Эти сочетания не сохранились в литературном языке, однако хорошо известны в диалектах: см. воронежское *прямая колодка* 'одна колодка на пару обуви' (СРНГ 33: 86), нижегородское *кривая колодка*, нижегородское, самарское *кривые лапти* 'мужские лапти, в отличие от

¹ Толстая С.М. Культурная семантика славянского **kriv-* // Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого / Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. М., 1998. Т. II, С. 215–230.

² Соколовская Л.В. История слов с корнем -*лук/-ляк-* в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект). Автореф. дис... канд. филолог. наук. Пермь, 1996.

³ Рахилина Е.В., Наний Л.О. О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 9. С. 446–468.

⁴ Ларин Б.А. Очерк по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149. С. 145.

«прямых» женских лаптей» (СРНГ 15: 245) и развитие образа в известном в костромских говорах фразеологизме *на кривую колодку сляпан (сработан)* 'о неуживчивом человеке' (СРНГ 15: 246).

Больше всего таких сочетаний с прямым значением образуется с прилагательным *косой* в силу специфичности обозначаемого им вида кривизны. Исследователи отмечают определенную близость значений основ *-крив-* и *-кос-*: «*кривой* и *косой* в пространственном значении выступают как частичные синонимы»¹, об известном синкретизме *-крив-* и *-кос-* пишет В.В. Колесов². Однако если в праславянский период **-kos-* обозначал кривизну как перекошенность, отклонение от симметрии (см. и значения древнейших сложений корня с основами, обозначающими части тела), то в русском языке в XVI–XVII вв. употребление лексем с основой *-кос-* активизируется не с этим древним значением, а с семантикой 'отклоняющийся от ортогональности', появляющейся в связи с постепенным и более глубоким познанием признака прямизны/кривизны, а также накоплением тригонометрических знаний. Именно с таким значением это прилагательное функционирует в многочисленных устойчивых сочетаниях: *косая городня*, *косая стена*, *косой острогъ* 'изгородь, стена, забор, укрепление из наклонно поставленных жердей, бревен', *косая лестница* 'прямая наклонная лестница (в отличие от винтовой)' (интересно, что здесь *косой* противоположно по значению *кривому*, *извитому*), *косая вода* 'невысокая, неравномерно спадающая полая вода', *косая сажень* 'мера длины, приблизительно равная 216 см, измеряемая наискось от носка правой ноги до конца среднего пальца вытянутой руки', противопоставлена *прямой сажени* 'мера длины, равная 300 см', *косой пирогъ* 'слоеный пирог, состоящий из блинов с начинкой, имеющий неправильную форму', *косой воротъ* 'стоячий воротник, застегивающийся сбоку', *косой дождь* 'дождь, идущий не под прямым углом'.

Устойчивость другой большой группы сочетаний, связанных с оппозицией «прямое – кривое», основана на переносном значении лексем подгрупп прямизны и кривизны. Эти устойчивые сочетания, фразеологизация которых базируется на переносном значении лексем с семантикой 'прямой' и 'кривой', реализуют семантику по следующим моделям: «прямое/кривое — истина/ложь, честность/обман, правда/неправда», «прямое/кривое — порядок/беспорядок, норма/отклонение от нормы, правильность/неправильность», «прямое/кривое — Бог, божественное/дьявол, нечистая сила», «прямое/кривое — непосредственное/опосредованное».

¹ Толстая С.М. Культурная семантика славянского **ktiv-*. С. 218.

² Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991, № 2. С. 40–49. С. 41.

а) «Прямое/кривое — истина/ложь, честность/обман, правда/неправда».

Устойчивые сочетания, связанные с понятием «прямое», реализуют метафорическую семантику 'честный, верный'. В памятниках встречаются сочетания *и прямь и правдою (служить)* (унаследованная из древнерусского языка типичная двучленная формула, включающая в данном случае сочетание близких по значению, но не тождественных слов, ср. *верой и правдой*), *на криве целовать (крест)* 'ложно присягать', *прямое имя* 'настоящее, полное имя': *и ты меня спросила прямое ли имя Овдотя и я тебѣ сказала что прямое* (МДБП, 1641 г.), *А прямое имя — князь Емельян, во иноцех Ермоген* (Вкл. кн. ТСМ, 1624 г.) (КСОРЯ), *прямое слово* 'честное слово': *Того же лѣта выведоша немецъ из Юрьева и з женами и з дѣтьми ... измѣнивъ прямое слово, што воеводы дали им, какъ Юрьевъ отворили, што было их не изводить изъ своего города* (Псков. Лет. 2, под 1565 г.) (СлРЯ XI–XVII 21: 30), *прямые деньги* '1) настоящие, официально принятые при расчетах средства оплаты, обращения': *Я бы видяль, что прямые денги взять мошно* (В–К III, 1645 г.) (КСОРЯ) (возможный антоним — *воровские денги* 'поддельные, фальшивые монеты' (СОРЯ 5: 149), '2) основная сумма долга': *Да дати мне Богдану Петрову сыну Бибикову по коболе прямых денег четыре рубли, а с приписью вдвое — восемь рублей* (АФЗХ II, 1612 г.) (КСОРЯ), ср. *прямой долг* (СлРЯ XI–XVII 21: 29), *прямой царь* 'настоящий, истинный правитель': *Войско ему отказаша: Так де присылают не цари, шиморы. Коли де ты прямой царь, или воинъ, и ты де поиди самъ и возми своею главою ... а не грозами, и кров свою также пролей* (Аз. пов., 34, XVII в.) (КДРС) (сочетание неслучайно возникает в языке XVII в. во время актуальной для Руси темы самозванства и престолонаследия, ср. в современном языке прилагательное *прямой* в сочетании *прямой наследник* означает скорее 'непосредственный', чем 'истинный').

Обороты, включающие основы подгруппы кривизны с семантикой 'ложь', 'лживый', 'обманывать' и т. п., фиксируются в языке в основном после XVII в.: *кривить душой*, в диалектах *жить по кривде, кривая душа, по кривой руке* 'незаконно' (ПОС 16: 156), *крутить хвостом* 'хитрить' (ПОС 16: 248), *кривое веретено* '1) непоседливая вертлявая девчонка, 2) небылица, вранье незаконно' (ПОС 16: 156). В диалектах зафиксировано и интересное сочетание, включающее антонимичные основы: уральское *прямой как дуга* 'о неискреннем, лицемерном человеке' (СРНГ 33: 86). Характерно, что это устойчивое сочетание имеет отрицательную коннотацию, возможно, основанную на ироничном осмыслении оксюморона и демонстрирующую маркированность кривизны как более сильного члена оппозиции.

б) «Прямое/кривое — порядок/беспорядок, норма/отклонение от нормы, правильность/неправильность».

В ряде случаев семантика лжи, неправды тесно связана с обозначением соответствия/несоответствия норме: см. выше сочетания *прямые деньги, прямой царь*.

Другие устойчивые сочетания, реализующие семантику соответствия/несоответствия норме, обнаруживают связь с понятием полноценности/ущерба. В составном наименовании *кривая пушка* ‘вид пушки для навесной стрельбы, мортира’ (*пострѣляли в город ис кривых пушекъ* (Пск. лет. II, под 1558 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 55)) реализуется именно сема ущерба, неправильности, а не искривления (*кривая пушка* — ненормальная, не такая, как должно). Ср. диалектный материал: псковское *кривое молоко* ‘нежирное, недушистое молоко’ (ПОС 16: 156), т.е. ‘не такое, как надо, не соответствующее представлению о норме’, орловское *кривой дождь* ‘дождь, идущий при солнце’ (СРНГ 15: 245), т.е. ‘неправильный, ненормальный дождь’, симбирское *кривые пирожки* ‘пельмени’ (СРНГ 15: 246) (хотя здесь, возможно, использование лексемы *кривой* в прямом значении — ‘искривленный, загнутый, неправильной формы’).

Устойчивые сочетания *кривой стол, обед (завтрак, ужин)* в разных диалектах последовательно обозначают трапезу, к которой забыли подать соль (воронежское, калужское, костромское, владимирское, петербургское, вологодское, архангельское, онежское) (СРНГ 15: 246–247), известна также поговорка *Без соли стол кривой*. См. каламбурную игру значениями прилагательного *кривой* (*кривой* ‘без одного глаза’ и ‘такой, к которому забыли подать соль; не такой, как надо’): «*За обедом понадобилась соль Плетневу, глядь, а соли нет. “Что же это, Николай Иванович, стол у тебя кривой,” — сказал он (известная русская поговорка “без соли стол кривой”). Плетнев вспомнил русскую, но забыл французскую поговорку: “не надобно говорить о веревке в доме повешенного” (Гнедич был крив)*» (П.А. Вяземский. Старая записная книжка)¹. Однако в языке донационального периода словосочетание *кривой стол* не обнаруживает такой семантики. В КДРС 14 цитат (из памятников XVI–XVII вв.) содержат словосочетание *кривой стол*, но ни в одном контексте ему не может быть приписано значение ‘трапеза, к которой забыли подать соль’. Во всех примерах *кривой*, видимо, используется в своем прямом значении, возможно, обозначая необычность формы стола: *А сидѣль Юрьи Быловской въ кривомъ столѣ среди стола, а противъ его сидѣли приставы* (Польск. д. III, 1563 г.) (КДРС). *Кривой стол* может быть противопоставлен *большому столу*: *Въ столы смотрили чашники: въ большой столъ князь Андрей Воротынской, Григорий Пушкинъ; въ кривой столъ князь Юрьи Слуцкой, Степанъ Пушкинъ* (А.И. III, 1635 г.) (КДРС). В

¹ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991. С. 40.

«Словаре русского языка XI–XVII вв.» прилагательному *кривой* в таком сочетании приписывается значение ‘изогнутый, расположенный под углом’ (СлРЯ XI–XVII 8: 55).

В диалектах семантику соответствия/несоответствия норме, порядка/беспорядка реализуют и сочетания наречий: псковское *крутью-неврытью* ‘беспорядочно’ (ПОС 16: 259), *кривопрямю* ‘кое-как, как ни попало’ (Даль II: 193), пермское *криво-неправо*, екатеринбургское *криво-непрямю*, вятское *криво-право*, архангельское и вятское *криво-прямю* ‘кое-как’ (СРНГ 33: 87) — семантика сочетаний индифферентна к наличию отрицания при наречии со значением ‘прямо’, что лишний раз доказывает маркированность члена «кривое».

Связь оппозиций «прямое – кривое» и «полноценность – ущерб», «здоровье – болезнь» отражена в народных представлениях о «кривой неделе», «кривой среде», в которые, по поверью, болеет идохнет скот, рождаются уродливые дети, и которым противопоставляется «правая среда», когда уродства исправляются¹. С.М. Толстая подробно рассматривает представления о «нечистом», кривом времени, кривых неделях; это четыре отрезка года: святки, масленица, Троицкая неделя, пасхальная неделя на Смоленщине, есть также кривые дни: Кривая среда — среда после Троицы, иногда перед Троицей, Кривой четверг — на масленице, Кривой понедельник — на масляной неделе, Чистый понедельник. В это время возбраняется чинить старые вещи, гнуть дуги, полозья, ободья, обручи, в нарушение запрета предсказывается рождение кривого потомства у людей и скота (кривизна, особенно рук, ног)². Б.А. Успенский, ссылаясь на Петропавловского и Добровольского, пишет, что нарушение запрета на прядение, ткачество, шитье, плетение наказывалось, по различным поверьям, слепотой, кривоногостью, колтуном: «У родившихся животных или ноги будут изуродованы, словно кто-то вил из них веревки, или они будут о двух головах, или еще с каким-либо изъяном, будут “кривыми” ... Кто будет городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тот зачахнет и согнет того в дугу»³. Устойчивое сочетание *кривые огурцы* ‘народное название дня святой Акилины (13 июня по старому стилю)’ также реализует семантику ущерба: «по поверью, посаженные в этот день огурцы не будут зрелыми и сочными по причине позднего посева» (ПОС 16: 156).

В современном литературном языке реликты этой мифологической семантики прямизны/кривизны можно видеть и в семантике оборотов с

---

¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 96.

² Толстая С.М. Культурная семантика славянского *kriv-. С. 220–225.

³ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 176–178.

лексемами гнезда *-лев-*: *встать с левой (не с той) ноги* ‘быть (без причины) в мрачном, плохом настроении, состоянии’, *продавать налево* ‘торговать незаконно, из-под полы’, *ходить налево* ‘изменять’, *левая сторона* ‘изнанка’ (т. е. «не такая сторона»). При этом праславянское **lěvъ* ‘левый’ этимологически восходит к значению ‘кривой’: из и. е. **laiuo* ‘кривой, искривленный’ (ЭССЯ 15: 30), хотя с такой семантикой лексемы с этой основой неизвестны ни в одном славянском языке, т. е. все слова с корнем *-лев-* закрепились в значении ориентира, а не как обозначения кривизны. Ср. в этом отношении болгарское диалектное *крива ръка* ‘левая рука’ (ЭССЯ 15: 29), хорватское диалектное *kriva ruka* ‘левая рука’¹. Фактически обозначение левого через кривое и возникает на базе восприятия левого как ущербного.

в) «Прямое/кривое — Бог, божественное/дьявол, нечистая сила».

Лексемы, связанные с понятийной оппозицией «прямое–кривое», в истории языка последовательно обнаруживают связь с такими понятиями, как «Бог, божественное» с одной стороны и «дьявол, нечистая сила» — с другой. Показательно, что в русском языке истинная вера и неверие, ересь были интерпретированы в понятиях *прямизны/кривизны* (образования подобного рода представляют собой кальки с греческого). В XI–XIII вв. происходит становление церковной терминологии, и «для текстов данной эпохи характерна антонимия *правая вѣра* и *кривая вѣра*, *злая вѣра*, *безвѣриѣ*, *невѣриѣ* и *правовѣриѣ*»² (впоследствии на базе этих устойчивых сочетаний образуются соответствующие сложения).

Лексемы подгруппы *кривизны* известны в составе обозначений чѣрта. Чаще всего такие обозначения образуются с основой *-лжк-*, имеющей самую сильную отрицательную коннотацию. Основа **-lōk-* хорошо сохраняет свое этимологическое значение (от глагола **lękti* ‘гнуть, сгибать’, ср. литовское *lenkti, lenkiu* ‘гнутья’, *lanka* ‘лук’, *lankus* ‘гибкий’), указывая прежде всего на извилистость, изогнутость, гибкость. Именно в восточнославянских языках основа *-лжк-* наиболее активна в выражении идеи кривого. Значение ‘изгиб, изогнутый’ (отражающее внутреннюю форму), оказалось определяющим в семантической эволюции гнезда в русском языке: по мнению Л.В. Соколовской, описавшей историю этой корневой группы в русском языке с XI по XX вв., «все значения слов, входящих в корневое гнездо *-лук-/ляк-*, являются мотивированными (прямо или опосредованно) первоначальным значением данного корня ‘изгиб’»³ (см. в современном языке *лукоморье, лук, лукошко*).

¹Толстая С.М. Культурная семантика славянского **kriv-*. С. 217.

²Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. С. 155.

³Соколовская Л.В. История слов с корнем *-лук-/ляк-* в русском языке XI–XX вв. С. 4.

Названия с корнем *-лук-* для характеристики бесов, дьявола возникали из сочетаний *доухи лукавьства, лукавьные бѣсы, лукавьные духи, лукавьый духъ, лукавныя дѣмоны*. Прилагательное *лукавьый* субстантивируется и может использоваться как табуистическое имя чѣрта (см. современное *от лукавого*); примеры встречаются уже в древнейших памятниках. Исследуя историю этого значения *лукавьый* в памятниках старославянской письменности, А.С. Львов приходит к выводу, что оно встречается во всех памятниках, за исключением тетраевангелия, и возникло (из живой народной речи) еще в период южнославянского и восточнославянского единства¹. Подробно останавливаясь на том факте, что в западнославянских текстах в таком значении использовалось исключительно слово *непригънь*, А.С. Львов признает моравизм вторичным по отношению к *лукавьый*, введенным первыми переводчиками, либо в связи с «желанием избавиться в тексте евангелий от языческого термина», либо в связи с «отсутствием в речи моравян этого слова»².

В качестве табуистических имен чѣрта выступают и другие лексемы подгруппы кривизны: *кривой, кривой вражонок, косой*, но они не зафиксированы в памятниках изучаемого периода, известны в диалектах. Их мотивационную основу можно видеть в общем понятии аномальности, заложенном в семантике этих слов³.

г) «Прямое/кривое — непосредственное/опосредованное».

В ряде сочетаний в истории языка отражено восприятие прямизны как непосредственного абстрактного качества: см. *прямой бой* ‘бой лицом к лицу’: *Пришло татаръ ... съ двѣ тысячи ... на прямой бой во Мценской уѣздъ ... и головы съ татары сошлись и въ деревнѣ Лыковой бились прямымъ боемъ, татаръ побил и языки поимали* (АМГ, 1633 г.) (СлРЯ XI–XVII 21: 29–30), *Да Маврицыус князь росказывал: у нас де здесь бои бывают у цесаря, у шпанского, у французского и у иных королей, что на прямое дело сходятца так, как другу друга мочно копьем достать, да сшотчися, бью<тца>, что стена с стеною сразитца, а хто чей полк разобьет, тот и побил* (Ст. сп. Кондырева, 175, 1616 г.) (КСОРЯ), *прямое дѣло* ‘об открытом бое с главными силами противника’ (СлРЯ XI–XVII 21: 29–30), интересное сочетание *прямой вор* ‘настоящий, отъявленный преступник’ (КСОРЯ).

Кроме того, лексемы с основами *-прям-*, *-прост-* и *-прав-* (в разное время использовавшимися в русском языке для обозначения качества прямизны) входили в словосочетания, носившие характер вводных. См. сочетания, характеризующие особенности способа выражения *просто*

¹ Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. Москва: Наука, 1966. С. 198–202.

² Там же. С. 201–202.

³ Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 71.

ръщи, просто молвити, съ проста рѣщи ‘одним словом’, ‘то есть’ (ср. совр. *проще говоря*). Конструкции с *-прям-* и *-прав-* достаточно однотипны: *как прямо передъ (прѣдъ) Богомъ, какъ право передъ (прѣдъ) Богомъ, какъ право* ‘по правде, в соответствии с истиной’, их находится семантика в русле типичных переносных значений лексем, связанных с подгруппой прямизны, см. выше ‘правдивый, искренний’, ‘истинный’ и т. д.

Семантика непосредственности/опосредованности реализуется и при позднейшем использовании лексем, связанных с оппозицией «прямое–кривое», в сочетаниях — грамматических терминах: *прямое/косвенное дополнение, прямая/косвенная речь*, и в ряде коллокаций современного языка: *прямое попадание, прямое сообщение* и др. От этого значения, очевидно, производна семантика ‘свободный от ...’: см. костромское *прямое мясо* ‘нежирное, постное мясо’ (СРНГ 33: 88).

Особо следует в связи с этим переносом сказать о семантике корня *-прост-*. Изначально этот корень связан с оппозицией «прямое–кривое»: встречаем прилагательное *простъ* в древнейших контекстах, описывающих прямизну, в основном, в памятниках церковно-книжного языка и переводных текстах. Развивая же переносные значения, лексем с основой *-прост-*, наряду с семантикой, типичной для подгруппы прямизны, обнаруживают и специфическую ветвь семантической эволюции — ‘свобода от ...’: см. известные в истории языка сочетания *простая чадъ, простой народ*, также диалектные *в простых быть* ‘о лошадях, которых пускают с повозкой сзади, без кучера’, *на простых приехать* ‘получить отказ от невесты’ (т. е. вернуться порожняком) (СРНГ 22: 245) и др.

Интересно, что в устойчивых сочетаниях с такой отвлеченной семантикой используются преимущественно лексем, связанные с понятием прямизны, в силу восприятия этого признака как более абстрактного и цельного. Кроме того, идея прямизны, вероятно, предполагает некую всеохватность, всеобщность (см. связь со значениями ‘ровный’, ‘простертый’ и т. д.).

Таким образом, устойчивые сочетания, связанные с понятийной оппозицией «прямое–кривое», реализуют и конкретную, и метафорическую семантику. Многочисленность этих сочетаний свидетельствует о значимости понятий «прямое» и «кривое». Образующиеся составные наименования обнаруживают системность и часто составляют антонимические пары, при этом характерно, что антонимами *прямой* выступают различные прилагательные подгруппы кривизны в разных значениях: см. *прямые/кривые сапоги, прямая/косая сажень, прямое/косвенное дополнение*.

Для устойчивых сочетаний, фразеологизация которых основана на переносном значении лексем, связанных с понятийной оппозицией

«прямое–кривое», можно говорить об общей сильной положительной/ отрицательной коннотации. Как пишет Р.М. Цейтлин, «в основе — противопоставление добра (истинного, Бога), прямого, правдивого, справедливого, и зла (антипода Бога), кривого, неправдивого, несправедливого»¹. Единственным исключением являются устойчивые сочетания, отражающие восприятие прямого/кривого как непосредственного/опосредованного. Именно поэтому прилагательные *прямой* и *кривой* в известных в диалектах устойчивых сочетаниях *кривое молоко* ‘нежирное, недушистое молоко’ и *прямое мясо* ‘нежирное, постное мясо’ оказываются синонимами, будучи антонимами в системе языка. В основе образования устойчивых сочетаний здесь лежит разный признак: молоко «не такое, как должно, неправильное», а мясо — «свободное от (жира), непосредственное»; в итоге один и тот же признак нежирности получает полярные обозначения.

В целом анализ исторического и диалектного материала, представляющего собой языковое выражение понятий «прямое» и «кривое», позволяет системно и детально изучить семантику лексем, связанных с этой понятийной оппозицией, исследовать восприятие и культурную семантику соответствующих понятий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аз. пов. — Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906.
АМГ — Акты Московского государства. Изд. Академии наук. СПб., 1890–1901.
АФЗХ I, АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин, А.А. Зимин. Ч. I–II. М., 1951–1956.
В–К III — Вести–Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подг. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; Под ред. С.И. Коткова. М., 1980. Забелин, Разр. Арх. Оруж. пал.
КДРС — Картотека Древнерусского словаря (Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.»), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва).
КСОРЯ — Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина, Санкт-Петербургский государственный университет).
МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.
Польск. д. III — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III (1560–1571 г.) // Сб РИО. Т. 71. СПб., 1892.
ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л.; СПб., 1967–2017 (издание продолжается).
Посольство Толочанова — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652). Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. (Междунар. снош. Грузии с иноземн. странами, 1). Тифлис, 1926.
Пск. лет. II — Псковские летописи, выпуск. 2. Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

---

¹ Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. М., 1996. С. 191.

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. Л.; СПб., 1965–2016 (издание продолжается).
- Ст. сп. Кондырева — Статейный список И.Г. Кондырева и М. Неверова 1615–1616 гг. / Публ. Т.А. Лаптевой // Исторический архив. 1996. № 1. С. 172–203.
- Там. кн. Тихв. м. — Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря XVII в. Рукоп. ЛОИИ, ф. 132, оп. 2.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Л.Я. Костючук

**ЗНАЧИМОСТЬ СИНХРОННО-ДИАХРОННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ
В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
(к 55-летию разработки Б.А. Лариным концепции
«Псковского областного словаря с историческими данными»)**

XX век с развитием различных направлений гуманитарных наук позволяет оглянуться на завершённые и продолжающиеся исследования и проекты, показать возможность и подчеркнуть необходимость продолжать начатое. Не случайно С.С. Аверинцев назвал филологию, начиная со второй половины XX века, «новой» и удачно оценил ее как «содружество гуманитарных дисциплин»¹.

Отмечая в 2017 году 50-летие выхода в свет первого выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными» и юбилей одного из создателей этого словаря, известного ученого-лингвиста С.М. Глускиной (сделавшей уникальные открытия в славистике), псковско-петербургский коллектив словарников, работающий над составлением указанного словаря, продолжает обращаться к идеям того, кто основал это издание.

55 лет назад, в 1963 году, еще при подготовке первого выпуска словаря, Б.А. Ларин написал несколько лаконичных фраз, настолько выразительных и содержательных, что они послужили введением-напутствием не только для начального выпуска, но и для всего дальнейшего словаря.

Новаторский в мировой лексикографии диалектный словарь на псковском материале (собираемом к тому моменту уже около 15 лет) мыслился Б.А. Лариным как «региональный словарь на широком историческом фоне», что было осознано как «принципиально новое дело в мировом языкознании», в связи с тем, что словарь включает и «извлечения необходимых материалов из относительно богатых древнепсковских и

---

¹ *Аверинцев С.С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 544–545.

старопсковских памятников письменности (XIII–XVIII вв.)», и «из опубликованных материалов по псковскому наречию (XIX–XX вв.)», и «общеупотребительную лексику литературного русского языка». Всем, кто начинал, продолжал и ведет эту лексикографическую работу, одно предложение-абзац представило захватывающий объем ответственности, заставив осознать следующее: «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами»¹. Мы убедились и продолжаем хорошо чувствовать в коллективной и индивидуальной научно-исследовательской работе то, что еще в 1963 году Б.А. Ларин выразил в совершенном виде: «Это дало нам возможность впервые в русской лексикографии поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражением живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи»².

Интерес к материалам, ответственность перед тем, кто обосновал значимость результатов такого труда, вдохновляющий пример составления словарных статей самыми первыми учениками Б.А. Ларина — всё это позволило коллективу «ПОСовцев» с честью выдержать жесткую дискуссию при выходе первого выпуска словаря и позволяет преодолевать неизбежные и неожиданные трудности повседневной работы, вплоть до издания последних по времени выпусков. И, как бы в награду, словарь «платит взаимностью» своим создателям: в распоряжении ПОС появляются новые, уникальные источники для современной и исторической частей словаря, постоянно идет пополнение диалектной картотеки в результате ежегодных диалектологических экспедиций и расписки исторических письменных отечественных и зарубежных источников.

Одним из таких важнейших источников ПОС являются «Псковские грамоты XIV–XV веков», открытые и изданные в 1966 году историком Л.М. Марасиновой в сопровождении интересного и глубокого исследования и статьи В.Л. Янина³. Эти грамоты существенно дополнили архив псковских исторических документов. Другой такой интереснейший источник — три русско-немецких разговорника XVI–XVII веков, ставшие доступными современной научной общественности в начале 70-х годов

---

¹ Ларин Б.А. [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

² Там же. С. 3

³ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

XX века¹. Эти памятники сразу были внесены в список исторических письменных источников словаря и являются незаменимыми кладями текстовых иллюстраций словарных статей, сокровищницами уникального материала для разных исследований. Неоднократное прочтение указанных источников позволяет находить неожиданные подтверждения открытий, отдельных предположений и выводов прошлых лет.

Обратимся к некоторым явлениям, обнаруженным прежде всего в новых источниках материала, чтобы напомнить, как уже в начале работы над уникальными псковскими говорами при обработке лексического материала для словарных статей нельзя было работать только в лексико-семантическом аспекте без внимания и к другим языковым уровням.

Ряд открытий в области псковских говоров в начальный период работы над словарем принесла первая Псковская диалектологическая конференция, прошедшая в 1960 году. Результаты этой конференции нашли отражение в сборнике статей по материалам сделанных докладов². К таким открытиям в области теоретической лексикографии, диалектологии, исторических дисциплин, сделанных на материале картотеки ПОС, следует отнести прежде всего «Инструкцию Псковского областного словаря», составленную Б.А. Лариным (вышла отдельной брошюрой в 1961 году³), открытие С.М. Глускиной, касающееся специфической судьбы звука [h]⁴ в псковских говорах на примере слов типа *мяхо* вместо *мясо*, *спра́хывать* вместо *спрашивать*⁵, синхронно-диахронное наблюдение З.В. Жуковской над спецификой псковских говоров к югу от Гдова⁶. Б.А. Ларин особо подчеркнул во вступлении к сборнику материалов Псковской диалектологической конференции, что

---

¹ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. by L.L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970; "Einn Russisch Buch" Tomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska. Kraków, 1997; Ein Russisch-Deutsches anonymies Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimer; Wien, 1994. Значим и дорог для псковских лексикографов тот факт, что том с текстами «Разговорника Т. Фенне 1607 года» попал в Псков сразу после его публикации в Копенгагене: Р.О. Якобсон, с уважением и интересом относясь к «Псковскому областному словарю с историческими данными», прислал по одному экземпляру в Древлехранилище Л.А. Творогову и С.М. Глускиной. А Л.Л. Хаммерих специально приехал в Псков передать экземпляр в библиотеку Педагогического института.

² Псковские говоры. I. Материалы первой Псковской конференции 1960 года. Псков, 1962.

³ Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

⁴ В работах С.М. Глускиной этот звук обозначается исключительно как [ch].

⁵ Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Материалы первой Псковской конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 28–57.

⁶ Жуковская З.В. О типе говоров к югу от Гдова // Псковские говоры. I. Материалы первой Псковской конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 5–27.

именно «непосредственное изучение северо-западных говоров Псковской области привело З.В. Жуковскую к хорошо обоснованным выводам о процессе их образования»¹.

Сложно переоценить и значимость открытия С.М. Глускиной. (о судьбе псковского [h]). Об этом открытии Б.А. Ларин писал следующее: «Историко-сравнительные изыскания С.М. Глускиной обогащают историческую фонетику русского языка»². Исследовательницей в дальнейшем был установлен ошеломляющий факт отсутствия результатов второй палатализации в псковских говорах. Обнаружив в примерах из Картотеки ПОС особое оформление корней (случаи типа *кедѣть* вместо *цедить*, *кѣвка* вместо *цевка*, *кеп* вместо *цеп*), С.М. Глускина уже в 60-е годы начала основательное исследование этого явления на максимально полном псковском материале, дополняя этот материал и данными из архива собираемого по специальной программе в Академии наук «Диалектологического атласа русского языка». Итогом исследования С.М. Глускиной стали доклады в Пскове, Москве, публикации 1967 года в Варшаве (в результате приглашения З. Штибера) и 1968 года в Пскове³. Ученым было убедительно доказано, что только в псковских говорах в определенное время не произошло общеславянское изменение твердых заднеязычных согласных *g, *k, *h перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения в переднеязычные мягкие свистящие *z', *č', *s'. Так как это изменение считалось общеславянским строгим законом, необходимо было обосновать обнаруженные в псковских говорах отступления от этого закона и найти причину этого явления. Доказательное, всестороннее обоснование было представлено С.М. Глускиной с учетом уникальных внешних условий жизни носителей языка (в этом смысле было использовано положение Ф. де Соссюра о «внешней лингвистике»⁴). В результате изоляции древних кривичей (предков псковичей), пришедших со стороны на территорию к Псковским озерам и оказавшихся в тесном бытовом и, что важно в данном случае, языковом соседстве с древними балтами и финно-уграми, в период свершения объединяющего всех славян закономерного изменения заднеязычных согласных, в области фонетики древнее славянское племя предков псковичей оказалось обособленным от других славян, и язык

---

¹ Ларин Б.А. Введение // Псковские говоры. I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Материалы второй Псковской конференции 1964 года. Псков, 1968. С. 20–43. К сожалению, Б.А. Ларин, учитель С.М. Глускиной, уже не был свидетелем этого ошеломляющего открытия, сделанного на псковском материале, важного не только для русистики, но и для славистики в целом.

⁴ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 59–61.

племени не испытал системных изменений по закону второй палатализации. Таким образом, именно с учетом лингвистической, исторической, источниковедческой и, что очень показательно, археологической научной базы, а также, безусловно, материалов ПОС, С.М. Глускиной были приведены основательные сопоставительные доказательства и сделаны убедительные логически четкие выводы о причинах отсутствия второй палатализации в псковских говорах. А.А. Зализняк, обнаруживший позже в новгородских берестяных грамотах некоторые подобные случаи и узнавший (по некоторым обстоятельствам) не сразу, а позднее об этом буквально революционном открытии, признал первенство С.М. Глускиной, назвал это явление «эффектом Глускиной» и предложил включить это открытие в программу курса истории русского языка для изучения (см. доклад А.А. Зализняка на юбилейной Псковской конференции 2017 года¹).

Для всех, занимающихся псковскими говорами в разных аспектах, методика С.М. Глускиной, предполагающая учет условий существования языка и его носителей при доказательствах древних явлений, оказывается очень значимой и перспективной.

Обратимся еще к одной характерной фонетической особенности псковских говоров, позволяющей понять значение отдельных слов. При расписывании для Картотеки ПОС псковских грамот XIV–XV веков внимание привлекло неясное слово *Могчило* из отдельной грамоты № 12, 1414–1434 гг., по списку 1671 г.: *А святому Вознесению и Оксеньтью досташася третей жеребьи от Милецъ по мость, а из моста в Могчило а из Могчила кроими до последнего мыса, до ороминь да Милечкого мха*². Отрывок оказывается в системе других подобных фраз, в которых называются разные объекты, служащие ориентирами в пределах границ нескольких участков земли, из-за которых ведутся споры. В приведенном отрывке заинтересовавшее нас слово *Могчило* (в *Могчило*, из *Могчила*) тоже называет один из ориентиров, который в публикации очень внимательного к материалу, письменному оформлению и пониманию каждого слова историка подается как имя собственное с пояснением: «Возможно, слово искажено. Значение его неясно». Следом самое важное: «Буква “з” написана над строкой более светлыми чернилами»³. У Л.М. Марасиновой есть примечание и к названию предыдущего ориентира (по мость, а из моста): «Значение этого слова неясно (? — Л. К.) ...

---

¹ Зализняк А.А. К столетию со дня рождения Софьи Менделевны Глускиной; Письма С.М. Глускиной Е.Г. Буровой и А.А. Зализняку // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Ч. 2. Псков, 2017. С. 142–144; 145–148.

² Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 55.

³ Там же. С. 56.

Может быть, следует читать “*Мость*”»¹, то есть издатель констатирует возможное прочтение этого слова тоже как имени собственного — топонима.

Следует отметить, что, когда Л.М. Марасинова проводила исследование, еще не были сделаны многие серьезные фонетические открытия на материале псковских говоров. Вчитывание в текст грамоты показало, что ориентиры границы участка свидетельствуют о близости его к сырым, содержащим воду местам: *мох*, *мость*. В связи с этим, с нашей точки зрения, можно было бы выдвинуть следующее предположение: во-первых, слово *мость* стоит считать нарицательным существительным как обозначение реальной переправы (может находиться у водного пространства), а, во-вторых, слово *Могчило* следует признать тоже именем нарицательным. Но выносная буква *г* должна находиться в другом месте (*мочигло*), то есть рядом со звуком [л] в речи, а на письме — рядом с буквой *л*. Это известное в псковских говорах слово *мочигло* в значении ‘яма с водой для вымачивания льна при его обработке’. Тогда и этот ориентир хорошо вписывается в систему других, которые в разной степени предполагают связь с сыростью, водою, что отличает этот участок от других.

Что касается сочетания *-гл-*, обнаруживаемого в этом слове, его изучение имеет давнюю историю. Дело в том, что еще с XIX века возникал вопрос относительно непонятных по своему виду псковских слов типа *эгла*, *жерэгло*, *сустрékли* и подобные (в говорах), *всегли* (в псковских летописях в устойчивом фразеологизированном выражении *всести на конь* в значении ‘выступить в военный поход’): слова были в разной степени понятны по значению, но вопрос вызывал способ выражения — наличие сочетаний *-гл-*, *-кл-* и причина появления таких сочетаний. Об этих словах писал еще Л.Л. Васильев, ученик А.И. Соболевского, задумывались уже такие известные лингвисты, как А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, пытаясь разрешить эту загадку. Высказывались разные предположения. А.А. Шахматов, в отличие от А.И. Соболевского, предполагал появление только в псковских говорах указанных сочетаний *-гл-*, *-кл-* из общеславянских **dl*, **tl* не по внутренней причине, а «со стороны», но это должна быть при этом, по мнению ученого, не западнославянская «сторона» (ср. в польском языке *mydło*, *wsiadł*, т. е., как во всех западнославянских, в отличие от южно- и восточнославянских языков, процесс упрощения исходных общеславянских сочетаний не происходил)². А какое же тогда это влияние «со стороны»? Убедительного ответа этот вопрос не получил до второй половины XX века.

А вот благодаря уникальному доказательству С.М. Глускиной причин отсутствия второй палатализации только в псковских говорах, по-

¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 56.

² Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б.А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010. С. 53–56.

новому зазвучало предположение А.А. Шахматова об указанном влиянии «со стороны» для объяснения уникальности в псковских говорах фактов типа *сустрекли*, *всегли*. Но об этом в 1966 году еще не знала Л.М. Марасинова, когда сомневалась в своем предположении относительно прочтения и значения имени собственного *Могчило*. К тому же важно, что, возможно, выносная буква была внесена в слово при публикации не на месте.

Итак, древние кривичи в первой половине I тысячелетия н. э. вынужденно соседствовали с древними балтами, в языке которых были собственные сочетания *-gl-*, *-kl-*, сохранившиеся в современных латышском и литовском языках (*gerkle*, *egle* и подобные). И это могло повлиять на славянские древние сочетания **dl*, **tl*, задержав их упрощение в один звук **l*, как у всех восточных славян, т. е. неизменившиеся общеславянские сочетания получили видоизменение по образцу балтских языков. Это наследие далекого прошлого проявляется и в современных псковских говорах, отражалось оно и в древних памятниках. Покажем это на некоторых ярких примерах.

В меновой грамоте № 9 XIV–XV веков (по списку 1678 г.) встретилось известное и в современных говорах типично псковское слово *егла* вместо *ель*. Называет оно наиболее заметный ориентир-реалию — дерево ель, елку, — находящийся в одном ряду с другими приметными ориентирами (ср. *ручеи*, *крой*, *крои* ‘межевой знак на границах двух соседних участков земли’)¹: *и четвертую ниву подле Заболоцкии путь кроими до ручья до егли до кроя, от егли ручьемъ вниз*². Псковская фонетическая особенность *гл*, *кл* присутствует и во фразах яркой живой псковской речи XVI–XVII веков, зафиксированной в русско-немецких разговорниках Т. Фенне и Т. Шrove. Наблюдается это чаще в «эловых» формах глаголов с корнем *чет-/чт-*, если между корнем на согласный переднеязычный [т] и суффиксом *-л-* нет гласного звука. Например: *Ты себѣ в том товарѣ обочклесѣ/очклесѣ, я тебе отчту, чтобы ты не прямо считал*³; *Я с тобой розлезлесь/розплатилсь/смолвилсь/розочклесѣ, да я тебѣ не виновате*⁴. Примеры из разговорников показывают, что в ряде возвратных глаголов прошедшего времени мужского рода единственного числа перед возвратным суффиксом *-сь* наблюдается буква *е*, обозначающая в прошлом особый звук переднего ряда [e]: *обочклесѣ/очклесѣ, розлезлесь/розочклесѣ*. Этот же звук, обозначенный буквой *е* обнаружен в конце краткого прилагательного мужского рода единственного числа *не виновате*. До определенного момента этот факт оставался без внимания, такое написание воспринималось как

¹ Ср. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 183.

² Там же. С. 52.

³ Tönnies Fenne’s Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. P. 388/3.

⁴ Там же. P. 343/6.

фонетическое средство для облегчения произношения, особенно после стечения согласных звуков. Но специально задуматься над этим пришлось при обнаружении контекста в единственной подлинной грамоте (не в списке, в отличие от других грамот) в публикации Л.М. Марасиновой — духовной Акилины, жены князя Федора (№ 33, 1417–1421 гг.): *А то даю моужеву своему Федороу в одерень а изнесеться моужь Федоре ино даю оцноу свою и половиноу мелници Оуспенью свтеи бци в манастырь черничамъ на кормлю*¹. Подобный контекст встречается, например, и в купчей грамоте № 16 (в списке 80-х годов XVII в.): *Се купиши Павле староста святаго Козмы и Домьяна у Трофима деревню Афонасово*², и в купчей № 21, 1421–1469 гг. (по списку 1626 г.): *Се куписе Анфиме и у Тимофья нива на Мирожу реки. ... А та купля Анфиму в одерень. А на то люди Нестере Дерягине, да Иване Гавриловъ сынъ*³. Попытки объяснения этого явления привели А.А. Зализняка в области исследований берестяных грамот к такому выводу: ученый признает окончание *-e* вместо *-ъ* у имен мужского рода единственного числа древней основы на *ǫ твердого варианта одной из типичных морфологических особенностей в древнем псковско-новгородском диалекте⁴.

Отражать подобные не лексические особенности в иллюстрациях «Псковского областного словаря с историческими данными» важно потому, что заинтересованный читатель получает при чтении словаря возможность познакомиться с разными языковыми уровнями уникального объекта — псковских говоров. Можно вспомнить исследовательский подход к осознанию и оформлению словарной статьи на слово БЫТЬ, которая была составлена прекрасным лингвистом (историком, диалектологом, лексикографом) А.И. Корневым. В исторической части статьи обнаруживаем употребление связки *быть* в псковских памятниках письменности и при простых формах прошедшего времени. Это вызывает необходимость искать научное объяснение такой формы выражения в зависимости от соответствующего грамматического значения⁵.

Лексика разных памятников псковской письменности пополнила и продолжает, пополняя, обогащать не только Картотеку ПОС, но и текст словаря, заставляет искать объяснения соответствующих языковых явлений, прежде всего, конечно, в лексико-семантическом аспекте. Например, два исторических, типично псковских на общерусском фоне,

---

¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 72–73.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 61.

⁴ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 82–83.

⁵ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017. Вып. 2. С. 236–243.

значения слова *весна* (2. ‘Право сезонного лова’; 3. ‘Арендная плата’¹) помогают выяснить особый путь семантической деривации.

Одним из редких псковских слов, не отмеченным пока ни в одном из словарей не только исторических, но и современных, является глагол ***изнести*** в значении ‘умереть, скончаться’, который обнаруживается в нескольких псковских грамотах XIV–XV веков, в частности, в духовной Акилины (см. пример выше), в духовной Осипа № 35 (XV в., список около 1669 г.): *А изнесутца дщери мои Офимья и Настаха, а не будетъ у нихъ отрода, ино двор на Завеличье и две пожни в Устьях и отчина моя даю святеи Богородицы на Завеличье*². Также, например, слово ***выписок*** как однокоренной синоним к *выписка*, *выпись*, не было зафиксировано ни в одном словаре, но теперь разработано в ПОС³.

С другой стороны, последнее перечитывание названных памятников позволило заметить пропуски некоторых слов — значит, придется, сделав соответствующие карточки, пополнить Картотеку для будущих возможных дополнительных выпусков ПОС. Таково слово ***крой*** м. р., с формой мн. ч. *крои* для обозначения межевого знака при определении границ земельных участков; см. пример выше, а также пример из купчей № 7, первая половина XIV в. (список около 1669 г.): *А завод той земле изо мха с Офонасом кроем до Ульяниных кроев, какъ оне со Ульяною кроими да в ручеи и ручьем вниз до Степанове меже, с Степаном кроими да Иветове кроими до Ермолиных кроев, съ Ермолою кроими до Офонасовых кроев*⁴. Так наглядно были определены границы значимого участка при передаче земли во время соответствующей сделки.

Таким образом, даже немногие факты псковских говоров, приведенные в статье, показали, насколько значимым оказался сравнительно-сопоставительный синхронно-диахронный подход, предложенный и обоснованный Б.А. Лариным для изучения и фиксации русской народной речи (в данном случае псковской). Научная практика неоднократно подтверждала жизненность и перспективность концепции многогранной Ларинской школы. Научный подвиг Б.А. Ларина, отстаивавшего право на существование такого созданного им направления лингвистики, как изучение русской разговорной речи по записям иностранцев⁵, объективно активизировал интерес, изучение, публикацию, например, русско-иностраных разговорников во второй половине XX века учеными разных стран, и оказал неоценимую помощь новаторскому в мировой лексикографии «Псковскому областному словарю с

¹ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 3. С. 115.

² Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 75.

³ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 6. С. 32.

⁴ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 51.

⁵ Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.

историческими данными». Другое доказательство жизненности идей Б.А Ларина — осуществление еще одной идеи ученого — создание «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», уже вышедшие 7 интереснейших выпусков которого радуют научную общественность. В отношении ПОС решение таких лексикографических задач, как совмещение в одном издании современного псковского диалектного материала и данных исторических памятников письменности этого же региона, выявление и презентация ценных псковских языковых особенностей разных уровней, потребовало постоянного пополнения материалов, непрерывного научного совершенствования квалификации участников словарного коллектива, обязательного проведения ими самостоятельных исследований, знакомства с окружающим псковские говоры «чужим» языковым материалом, привлечения данных разных гуманитарных дисциплин. В целом, новизна подхода и принцип полноты материала с обязательным использованием и общерусских слов в речи диалектоносителей оказались выдающимся открытием и непревзойденным достижением в области диалектной лексикографии.

К.И. Коваленко

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СОСТАВИТЕЛЕЙ АЗБУКОВНИКОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ¹

Азбуковники — широко распространенный лексикографический жанр в Московской Руси. В настоящее время известно более 150 азбуковников, которые распределяются по нескольким типам и редакциям². Самые ранние лексикографические своды этого жанра известны с конца XVI века³, однако основное количество рукописей относится к XVII веку, а ряд сводов датируется XVIII, XIX и даже началом XX века.

Первым лексикографом, который ввел алфавитный принцип распределения словарных статей, был известный ученый-энциклопедист Максим Грек. Его «Толкование именам по алфавиту» состояло почти полностью из антропонимов греческого и латинского происхождения с переводом на русский язык. Созданные позднее азбуковники унаследовали данный принцип расположения словарных статей, вобрав в себя не только «имена человеческие» Максима Грека, но и материалы существовавших к тому времени глоссариев и приточников.

О том, кто являлся составителями азбуковников, известно немного. Самым ярким представителем, несомненно, был соловецкий книжник

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16–34–01008 «Русские рукописные словари как культурный феномен: история бытования и литературный контекст».

²Подробнее см.: *Коваленко К.И.* Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.

³*Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л.: Наука, 1975. С. 23. На сегодняшний день известно два азбуковника конца XVI века: «Скудныхъ языкъ произволение» (опубликован в: *Левичкин А.Н.* Бытование слова в древнерусском словаре и в русских народных говорах (на материале раннего азбуковника) // *Севернорусские говоры.* 2016. Вып. 15. С. 204–220) и «Толкование неудобъ познаваемым речем» (опубликован в кн: *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. С. 268–312).

Сергий Шелонин, создавший крупнейший в XVII веке лексикографический свод¹. При этом Шелонин активно использовал азбуковники своих предшественников, в частности, Азбуковник Давида Замарая, первая редакция которого относится к 1626–1627 гг.² Давид Замарай, в свою очередь, опирался на азбуковники так называемого Первого и Второго типа, заимствуя из них словарные статьи иногда без изменений, иногда дополняя их новыми сведениями о толкуемой единице из текстов различных жанров. Создание азбуковников представляло собой, соответственно, непрерывный процесс копирования и переработки источников — как лексикографических, так и литературных.

Очевидно, что самый простой способ заимствования словарной статьи — это копирование без внесения каких-либо изменений. Таким образом в азбуковники вошло значительное количество статей из глоссариев и приточников, а затем греческо-русского разговорника XV века «Рѣчь тонкословия греческого» (лишь в некоторых случаях при этом наблюдается разбивка длинной греческой фразы на отдельные фрагменты). К непреднамеренным, но тем не менее повторяющимся изменениям первоначального текста можно отнести типичную ошибку — неверное распределение греческо-русских соответствий: так, например, следующие друг за другом русско-греческие соответствия в разговорнике *Змиа, афиди*³ и *Змиа пестрая, ехидна*⁴ послужили источником для статьи *Афида, змия пестрая* (Арх. Д446, л.19); *Весна, аниџис* и *Есен, паракимон*⁵ — для статьи *Анисисъ, осень* (Арх. Д446, л.22об.), *Не купихъ, ук егораса* и *Купите агорасете*⁶ — *Ук егераса, купите* (Арх. Д446, л.253).

Источником статей азбуковников служили не только словарные материалы (включая разговорники), но также текстовые фрагменты и глоссы, объясняющие те или иные явления действительности или отвлеченные понятия. Такие фрагменты также могли копироваться без изменений, полностью формируя статьи азбуковников. Особой популярностью у составителей пользовались небольшие статьи Максима Грека о различных животных. Так, например, «Сказание о птице-неясыти»⁷ было заимствовано

---

¹Левичкин А.Н. К истории русской лексикографии середины XVII в. (изменение типа азбучного тезауруса): Автореф... дис. канд. филол. наук. СПб., 1999; Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.–СПб., 2010. С. 379–413.

²Левичкин А.Н. О датировке Азбуковника 1596 года // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 541–550.

³Цитаты из всех источников приводятся в упрощенной орфографии.

⁴Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922. S. 50.

⁵Там же. С. 92.

⁶Там же. С. 56.

⁷Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии. Ч. 3. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897. С. 272–273.

целиком и сформировало следующую словарную статью: *Неясыть, есть птица, подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ деревьяхъ, или на каменехъ, или столпѣхъ, а клюетъ змии, и того рад(и) змии, враждуютъ на ню, и егда узрятъ ея отлѣтъвшу отъ гнѣзда, тогда возлѣзъ на древо, и убиваетъ дѣти ея смертоноснымъ ядомъ, она же видѣвши дѣти своя мертвы, ставши надъ ними, проклявавъ ребра своя, испущаетъ на нихъ кровь свою, и кровию ея паки оживляются птенцы ея; тако и Х(ристо)с Б(о)гъ нашъ, видѣвъ насъ умершвыя (!) преступления ради заповѣди его, завистию мысленнаго змия диявола, распеня на кр(е)стѣ и в ребра прободенъ бывъ, оживи насъ паки ч(е)стною своею кровию {ис(а)ломъ, рѣ. и макс(и)м грек ѿг.} (Погод. 1145, л.112об.).*

На основе другого небольшого сочинения Максима Грека «Слова о хранении ума»¹ была создана статья азбуковника *Струфокамилъ*, которая в Арх. Д446 почти дословно повторяет начало указанного сочинения: *Струфокамилъ ест(ь) животнo во странахъ Ливиискихъ, возрастомъ со пса, крыльѣ иматъ кожаны, тѣло голо, перья нѣсть, ходитъ, а не летаетъ, а яйце его велико и гладко, и бѣло, егоже вѣшаютъ подъ паникадиломъ въ ц(е)рквахъ, поучения ради, а не красоты, учатъ бо насъ тѣмъ, да всегда очи н(а)ши умныя простерты имамы къ Б(о)гу (л.218).* В «Слове» Максима Грека имеется продолжение, в котором ум человеческий, простертый к Богу и желающий получить плоды духовные, сравнивается с тем, как птица струфокамил смотрит на свое яйцо, чтобы в нем зародилась новая жизнь. Данный фрагмент не был включен в текст словарной статьи, возможно, чтобы она не слишком выделялась своим размером.

В дальнейшем такие довольно объемные статьи могли сокращаться при заимствовании их в другие азбуковники. Так произошло с уже приведенными выше статьями, которые сокращались от одной редакции азбуковника к другой, а также со статьей *Алконостъ*, которая во Втором азбуковнике занимала примерно треть листа in folio (Погод. 1145, л.28об.–29), затем была сокращена Давидом Замараем до *Алконостъ, птица ес(ть) тако нарицаемая* (Арх. Д446, л.14об.), а в Краткой редакции этого же азбуковника дана как *Алконостъ ес(ть) птица* (Погод. 1642, л.17об.)².

Составителей азбуковников привлекали описания не только необычных животных, но и разных стран, и населяющих их иноземцев.

---

¹Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии. С. 171–172.

²Более снисходительно относился к объему заимствуемых в азбуковник текстовых фрагментов Сергей Шелонин. Он активно копировал всевозможные сведения о странах, иноземцах и необычных природных явлениях из редактируемых им произведений, так что одна словарная статья могла занимать в его азбуковнике до нескольких листов in folio, исписанных мелким почерком. Некоторые из них приводятся в кн.: Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. С. 411–413.

Довольно много таких сведений рассеяно, например, в Летописце Еллинском и Римском — одном из самых известных исторических произведений Древней Руси. В частности, в тексте с подзаголовком «О перци в земли Висайдстцѣи» рассказывается о выращивании перца, а попутно сообщается об иноземцах, которые этим занимаются: «Поръ же слышавъ, поиде съ всѣми своими вои и прииде в землю Висайдскую индиискыя области, идеже перець ражається. Та бо суть чадъ мали и худосилны, в каменных пещерах живуще, иже и лазити видят по стенам. ... Ти же человеци сами суть низцѣ, великоглавны, не острижены, просты власы, и царя имѣюще, работающе царю Великия Индеа»¹. На основании этого описания была создана словарная статья Первого азбуковника: *Висаида, Индиискія области страна, идѣже перець родится, а живут в неи ч(е)л(о)в(е)цы худы, и малы в каменных пещерах, иже лазити умѣют по стѣнам, низцы суще, великоглавы, неострижены, простовласы, царя имѣют работающа царю Великия Индия* (О.ХVI.1, л.26об.²). При этом составитель взял только начало и конец данного фрагмента, выпустив все подробности выращивания и производства перца, которые, вероятно, показали ему менее интересными.

Далее в этом же Летописце мы находим описание необычного огня: «Бѣ же ту огонь свѣтятся в полатѣ тѣи день и ночь, нарицаемыи балшима. Тѣи же огонь идет мѣромъ изъ древа»³, которое соотносится со статьей Первого азбуковника *Балшема, огонь, иж(е) идет из древа миром, обрѣтает же ся во странах Индиискыхъ* (О.ХVI.1, л.25об.⁴). Здесь также составитель не просто скопировал текстовый фрагмент, а переработал его в соответствии со структурой словарной статьи: выделил заголовочное слово, скомпилировал имеющиеся сведения об описываемом явлении так, что в толковании отражено и родовое понятие, и дифференцирующий признак, и географическая атрибуция.

Этим же приемом компиляции составители пользовались, работая с лексикографическими данными, соединяя в одну несколько словарных статей из используемого источника. Так, например, статья из Второго азбуковника *Иосифъ, приложение или одежда наготы ницаго, или цвѣтъ трисиянныи* (Погод. 1145, л.79об.) скомпилирована из двух статей, представленных в словаре-ономастиконе XIII века «Речь жидовского языка»: *Иосифъ, преложение* и *Осифъ, цвѣтъ тростьныи* (в некоторых списках *тросианныи*)⁵. В статье *Рака сирскіи оплеван, рускіи рака гробница, или рака животное еже в водахъ* (Погод. 1642, л.128) представлено толкование трех омонимов, два из которых могли быть заимствованы из более ранних

¹ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 139.

² Цит. по: Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 164.

³ Летописец... С. 160.

⁴ Цит. по: Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 163.

⁵ Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.–Л., 1963. С. 403, 410.

сводов, например, в «Толковании неудобь познаваемым речем» мы находим статьи *Рака (т) гроб*¹ и *Рака (т) оплеван*¹.

Таким же образом составитель Краткой редакции сокращал исходный текст азбуковника Арх. Д446, однако в том случае, если статьи с заголовочным словом в разной грамматической форме содержали отличия в толковании, то новая словарная статья включала в себя все оттенки значения, ср.: *Гаждение, злоукорная лайба и безчестная* и *Гаждением (т) злоукорным срамочением и безчестием* (Арх. Д446, л.51 и 51об.) — *Гаждение, злоукорная лайба и бесчестная и срамочение* (Погод. 1642, л.36об.)²; *Зрада (т) отаи творимы (!) ковъ на ближняго* и *Зрада же, леть и оболщение лукавно* (Арх. Д446, л.87об.) — *Зрада, леть или отаи творимыи ковъ* (Погод. 1642, л.60об.).

В качестве примера компиляции словарных статей не из одного, а из разных источников можно привести словарную статью *Иврейски (!), Ияковъ, гречески птернистись, руски запиначель или леть* (Погод. 1145, л.79об.), в которой, по всей вероятности, были соединены статьи ономастикон «Речи жидовского языка» *Ияковъ леть*³ и «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека *Ияковъ еврейска пословица, а толкуется птернистись, еже есть по руски запиначель*⁴. В списках Азбуковника Давида Замарая словарные статьи сокращены и структурированы в большей степени: греческий эквивалент убран, а языковая помета помещена над заголовочным словом: *Ияково (!) {ев}, леть, или запиначель* (Юд. 4, л.50), *Ияковъ {ж}, запиначель, или леть* (Погод. 1642, л.72).

Активно использовали составители азбуковников и различные комментарии и пояснения, содержащиеся на полях рукописей. Так, например, в «Слове душеполезном зело внимающим ему. Беседует ум к души своей. В нем же и на лихоимство» Максима Грека содержится следующая глосса на полях: *Псинъ ес(ть) животнище нъкое крилато тончаи<шии>*⁵ *якож прах, еже раждает<ся> от дивиих смоков г(лаго)лем<ыхъ> олвнфъ. ихже садов<ни>цы нароком вѣшают н<а> смоковницах <на> укрѣпление плодовъ их. <Ра>жаеми бо от олвнфъ ни прилѣгающе и <при>липающе к концем см<о>ковным, крѣпят см<ок>вы, и не отпадают пр(е)ж<де> зрѣльства* (РГБ, ф. 173.І, № 42, л.196⁶). Данное толкование слова *псинъ* (от греч. ψήν ‘насекомое *Cypinpsenes*, которое живет в плодах дикого инжира и пальмовых’, по современной классификации — *Blastophagarsenes*, насекомое — опылитель инжира)

¹Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 299.

²Аналогичным образом объединены ссылки на литературные источники: указание на 30-й псалом из первой статьи и 181-е зачало из Послания к коринфянам из второй.

³Ковтун Л.С. Русская лексикография... С. 409.

⁴Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 340.

⁵Край листа обрезан.

⁶Ссылки на листы даются по нижней пагинации.

является переводом Максима Грека из Лексикона Свида — памятника византийской учености X века¹. В Первом азбуковнике глосса приведена полностью практически без изменений: *Псинъ, псинъ ес(ть) животинище нѣкое крилато, тончаиши, якож(е) прах, еже ражається от дивших смоковъ, гл(агол)емых олинфы, ихже садовницы, нароком вѣщают(!) на добрыхъ смоковницах, на укрепление плодов ихъ, ражаеми бо от олинфъ псини, прилѣтающе и прилепающася к концем смоковным, крѣпят смоквы, и не отпадаютъ преж зрѣльства* (О.ХVI.1, л.90²).

На той же странице рукописи Максима Грека, где дано объяснение слову *псинъ*, имеется и другая глосса: *зефѳръ вѣтръ ес(ть) лѣтнии, тих и гладок и бл(а)гопоспѣшен кораблеником, скорѣише бо корабли напредъ пыхаетъ безъ всякаго влѣнениа, вѣетъ же от лѣтняго запада, зовом по фрязскы превенца*. Она также послужила источником словарной статьи азбуковника: *Зефиръ, есть вѣтръ лѣтнии тих и сладокъ, и бл(а)гопоспѣшенъ корабленикомъ, скорѣиши б(о) корабли напредъ пыхает, безъ великаго волнения, вѣетъ же от лѣтняго запада, зовомъ по фрязскии превенца* (Погод. 1145, л.70об.).

Очевидно, что некоторое количество словарных статей было заимствовано из глосс на полях к Геннадиевской Библии, а также из комментариев Николая де Лиры, толкований Иоганна Мархисена и Иоганна Рейхлина, используемых переводчиками Геннадиевской Библии и размещенных на полях рукописи³. Ср.: *И вся с(вя)щенныа съсуды г(оспод)ня и ц(а)рствъ аптеки* [на поле: *погребы или житницы*] *вземлюци взяша въ Вавилонъ* (2 Езд. I, 54)⁴ — *Аптеки, погребы и житницы* (Арх. Д446, л.25об.; Погод. 1642, л.18); *Буксина е(сть) труба ратнаа* (глосса к стиху Иер. 4: 19)⁵ — *Буксине, труба ратная* (Юд. 4, л.12); *Иполеньта и лапатесь* (глосса: *е(сть) пища от мукъ сътворена сушены смокви*)⁶ — *Иполента т(олкование) пища сотворена от муки сушены смоквы* (Юд. 4, л.48; аналогичные статьи в Арх. Д446, л.102; Погод. 1642, л.70об.).

Не исключено, что при составлении азбуковников книжники пользовались разночтениями в рукописных текстах. Можно предположить, что таким образом была создана статья *Влемеи, глазаты^x родъ* (Арх. Д446, л.41об.). В качестве источника в ней указан Пролог, 14 декабря. В Прологе в этот день вспоминаются святые отцы, «иже в Раифе скончавшиися». В прологе по рукописи РГБ, ф. 304.I, № 723 святые отцы пострадали от рук

¹Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 78.

²Цит. по: Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси... С. 245.

³Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 138–167.

⁴Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1. М., 1975. С. 43.

⁵Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии. С. 149.

⁶Там же. С. 143.

глазатых (л.43), в то время как в стихном прологе по рукописи этого же собрания № 720 — от *влемеев* (л.231). Сопоставление двух редакций, возможно, и стало источником словарной статьи.

Несмотря на то что основным объектом толкования азбуковников являлись иноязычные слова (преимущественно греческого, латинского и древнееврейского происхождения), в большинстве источников, используемых составителями, они были транслитерированы кириллицей и в таком виде попадали в словарные своды. Иначе обстояло дело с Грамматикой Мелетия Смотрицкого, в которой примеры и некоторые термины писались греческими буквами. Давид Замарай, впервые использовавший этот источник, должен был не просто переписать заинтересовавшие его фрагменты текста и термины, но и транслитерировать их, ср.: то σῶμα ὑμῶν ναὸς τοῦ ἐν ὑμῖν ἁγίου Πνεῦς ἐστίν, οὗ ἔχετε ἀπο Θεοῦ — *Телеса ваша храмъ живущему во васъ С(вя)тому Д(у)ху суть егоже имате от Б(о)га*¹ — *Агиу, с(вя)тому; У ехете, егожеимате; Апо ту Феу, от Б(о)га* (Арх. Д446 лл.15, 235об., 22об.); ἀφαίρεσις, или *отложение*² — *Афаресисъ, отложение* (Юд. 4, л.1); ἀναδίπλωσις, или *усугубление*³ — *Анадиплосисъ, усугубление* (Юд. 4, л.1).

Таким образом, составители азбуковников использовали различные методы при работе с источниками. Некоторые словарные статьи и фрагменты текста заимствовались без изменений, другие существенно перерабатывались. Составители могли более или менее значительно сократить текстовый фрагмент, скомпилировать в словарной статье сведения из одного источника (включая пояснения на полях) или разных текстов. В отдельных случаях изменения касались графического облика иноязычных лексем: слова, записанные в источнике греческими буквами, транслитерировались кириллицей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- О.XVI.1 — рукопись Российской национальной библиотеки, Основное собрание, № О.XVI.1, в 8°, 1623 г., л.1–118об.
Арх. Д446 — рукопись Библиотеки Академии наук, Архангельское собрание, Д № 446, в 4°, 1632 г., л.1–262об.
Погод. 1145 — рукопись Российской национальной библиотеки, собрание М.П. Погодина, № 1145, in folio, 1630–1650-е гг., л.21–171об.
Погод. 1642 — рукопись Российской национальной библиотеки, собрание М.П. Погодина, № 1642, в 4°, 1630-е гг., л.1–174.
Юд. 4 — рукопись Российской государственной библиотеки, собрание Г.Г. Юдина, ф. 594, № 4, в 4°, 1626 г., л.1–125об.

¹Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000. С. 406.

²Там же. С. 468.

³Там же. С. 468.

ОСОБЕННОСТИ ГНЕЗДОВАНИЯ СЛАВЯНИЗМОВ В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»

1. Постановка вопроса. Первым нормативно-стилистическим словарем русского языка справедливо считается «Словарь Академии Российской» (1789–1794) (далее — САР¹). Именно этот источник дает возможность наиболее полно реконструировать стилистические представления XVIII в. Заметим также, что в нем представлена наиболее сложная и дифференцированная система стилистических помет. Так, книжная лексика маркируется пометами *Сл.*, *В высоком слогѣ*, *В риторических сочинениях*, *В церковных книгах*, *В Св. Писании* и др.; просторечие — пометами *Простор.*, *Простонар.*, *Просто*, *Низкое*, *В низком слогѣ*, *В обыкновенном (языка) употреблении* и проч. Наряду с этими используются пометы, маркирующие лексику специальную, терминологическую, областную: *старинное*, *малоупотребит.* и ряд др.

Прежде чем рассматривать принципы стилистической дифференциации лексики в САР¹, необходимо уяснить, словарем какого, собственно, языка является этот лексикографический источник. Исследователи иногда метафорически, а нередко и прямо говорят о «двуязычности» этого словаря, имея в виду, что в нем представлена лексика двух языков – церковнославянского и русского.

Обратимся к первоисточнику — к тем определениям объекта лексикографического описания, которые дают сами авторы САР¹ в Предисловии. Язык, словарный состав которого они намерены описывать, определяется ими как «*славенороссийский*». Задача Словаря — «*изъяснение слов, речений, рѣчей и разного образа вѣщаний, в языкѣ Славенороссийском употребительных*» (САР¹ I: V)¹. Сам этот язык как «*материал*» содержится «*во множествѣ разных книг, как древних, так и новѣйших писателей*» (САР¹ I: VI), и состав его определяется следующим образом: «*Славенороссийский язык большей частию состоит из*

---

¹ Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2001. Т. I. Предисловие.

Славенскаго, или, яснѣе сказать, *основу свою* на нем имѣет; хотя в прочем великое множество содержит слов собственно Руских, по свойству коих нѣкоторыя из Славенскаго языка почерпнутыя иное окончание, иное образование, а другия и новый смысл получили» (там же). Выходит, что «славенороссийский» язык представляет собой своего рода «гибрид» «славенскаго» с «русским», либо даже не гибрид, а новую фазу развития «славенскаго» языка, обогатившегося с течением веков новыми («русскими») словами и формами, видоизменившийся под влиянием русского языка настолько, что теперь его следует именовать «славенороссийским». Остается выяснить, что представляли собой в отдельности «славенский» и «российский» языки, каков их генезис.

Из дальнейших рассуждений ясно, что «Славенский язык к древнѣйшим и коренным языкам относить должно» (САР¹ I: VI), т.е. он фактически отождествляется с праславянским, «предком» всех славянских языков. Его дальнейшая эволюция происходила под благотворным влиянием греческаго языка, начавшимся в связи с принятием христианства и переводом церковных книг: «От преложения оных на Славенский язык, приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность в сложеніи слов и другия красоты языка Греческаго» (САР¹ I: VII).

А откуда же и когда появился язык «российский» (или русский), какова его генетическая природа? Он тоже «отрасль» «славенскаго» языка, другая ветвь его эволюции. Его отличие от языка «славенскаго» «не может показаться удивительным тому, кто представит себѣ великое пространство Россійскаго обладания, сосѣдствующих и в нутри обитающих разноплеменных народов ... Науки, художества, ремесла, рукоделия, торговля, промыслы, обновленное военное и гражданское состояние ввели в язык Россійской многія речения, предкам нашим невѣдомыя» (САР¹ I: VIII).

Итак, авторы САР¹ теперь констатируют наличие двух языков — «славенскаго» и «российскаго», в этом обычно и усматривают противоречивость их теоретических позиций, говоря о «двуязычности» Словаря. Однако в Предисловии это противоречие отчасти разрешается: «Таковое состояніе *языка Славенороссійскаго* заставило Академію при составленіи словаря своего, вникать *в тот и другой язык* с возможною точностію; ибо от *соединения их* зависит обилие, сила и красота *языка нынѣ употребительнаго*; по чему и открылось ей поле предлежащее к воздѣланію едва предѣлы имѣющее» (там же).

Совершенно справедливо и не противоречит современному сравнительно-историческому языкознанию утверждение, что «славенский» и «русский» — языки одного корня, что в силу исторических обстоятельств они разделились. Однако отказ от богатств церковнославянскаго языка недопустим, и поэтому авторы САР¹ видят языковой идеал и свою нормализаторскую задачу в новом *синтезе* этих двух языков. И в этом смысле САР¹ не «двуязычен», он представляет

собой попытку этого синтеза, нового «устроения» «славенороссийского» языка. Позднее эта идея нашла выражение в емкой пушкинской формуле: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»¹.

Гнездовой словарь, каковым является САР¹ в первом издании, весьма наглядно демонстрирует генетические представления XVIII века, согласно которым двух разных языков — церковнославянского и русского — не было, что это были лишь разные «наречия» одного языка, а на базе «наречий», в свою очередь, формировались разные «штили». Если бы у составителей словаря были четкие представления о разных «языках», они последовательно разделили бы «славенские» и «русские» корни. Этого, однако, не сделано: «русский» вариант корня, как правило, включается в «славенское» гнездо, и таким образом «славенский» вариант представляется как первичный и действительно как «корень и основание» языка русского.

Такое *восприятие* старославянского (церковнославянского) языка, когда он фактически понимается как «праславянский», не следует считать столь уж ненаучным, во-первых, потому, что, как показано в современных сравнительно-исторических исследованиях, этот язык в X веке не так далеко ушел от праславянского, как, впрочем, и другие славянские языки-диалекты первых веков славянской письменности; во-вторых, потому, что это был действительно «литературный праязык» для большинства славянских литературных языков, и, прежде всего, для русского; в-третьих, потому, что многие так называемые «славянизмы» на деле являются общеславянскими архаизмами, а не «южнославянизмами» (ср. неполногласие, префиксы *воз-*, *из-* и нек. др. особенности).

2. Типология гнезд. В аспекте интересующей нас проблемы в САР¹ можно обнаружить 7 типов гнезд, по-разному представляющих и распределяющих «славенские» и «русские» лексемы:

1) гнезда с общеславянским корнем, включающие дериваты — славянизмы и русизмы (*брат, брань, грех, дух* и т. п.) — подавляющее большинство гнезд;

2) монолитные славяно-русские гнезда, в которых базовое слово — славянизм, а русизм не выделен даже в особую словарную статью (*клас, хлад* и под.);

3) синтетические славяно-русские гнезда, в которых заглавное слово — полисемант, совмещающий «славянские» и «русские» значения (*враг, глас, град* и под.); на «русские» значения даются примеры с полногласием;

4) аналитические славяно-русские гнезда, в которых славянизм и русизм помещены в одно гнездо, но представлены разными словарными

---

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937–1949. Т. XI. С. 31.

статьями (*злато* – *золото*, *здравие* – *здоровье*, *драг* – *дорог* и др.); семантических различий между славянизмом и русизмом в этих случаях обычно нет, но оба варианта обладают примерно равной деривационной активностью и могут давать разные производные (ср.: *драгоценный* и *дорогостоящий*);

5) раздвоенные гнезда — такие случаи, когда славянизм и русизм в САР¹ образовали разные гнезда (*бремя* – *беремя*, *брег* – *берег*, *глад* – *голод*, *глава* – *голова* и некоторые др.);

6) деривационно разветвленные «славенские» гнезда (*благо* и под.);

7) деривационно неразветвленные «славенские» гнезда (*гов*, *глум* и некоторые др.);

Рассмотрим, с одной стороны, случай, когда славянизм и русизм помещены в одно гнездо (гнезда третьего типа), с другой — раздвоенное гнездо (гнездо пятого типа), и попытаемся понять логику предложенных авторами словаря лексикографических решений.

3. Анализ гнезда *глас* – *голос*. Большой интерес представляют славяно-русские гнезда, в основании которых *славянизм-полисемант* с разветвленной системой значений, и тем не менее составители словаря пытаются соединить «славенский» и «русский» лексический материал **в пределах одной словарной статьи**. К таким гнездам принадлежат *враг*, *град*, *глас*, *краткий*, *един* и некоторые др.

Приведем в сокращении словарную статью *глас*.

«**Глас**, са. В нынѣшнем же языка употреблении **Голос**, са, умен. *Голосок*, ска. *Голосочек*, чка. с. м. увел. *Голосище*, ща. с. ср.

1) В пространном знаменовании: звук издаваемый животными из гортани. *Осел имеет отвратительный голос. Пташки поют приятным голосом* (здесь и далее выделено нами. — П. С.).

2) В сокращенном знаменовании: звук издаваемый человеком из гортани, которой образуем будучи посредством хрящевого орудия, при началѣ дыхательнаго прохода находящагося, составляет знаки наших чувствий и мыслей, или рѣчи. *Глас убо глас Иаковль. Быт. XXVII.22. И возопив гласом своим, восплакася. Быт. XXIX.2. Громкой, высокой, свѣтлой, низкой, тихой голос. Голосом управлять. Кричать во весь голос. Спасть с голосу. Узнать кого по голосу.*

3) Моление, прошение. *Глас мой услыши Господи по милости твоей. Псал. СХІІІ.149. Услыши, Господи, мой глас, когда к тебѣ взываю. М. Л.*

4) Относительно к орудиям мусикийским: звон, звук. *И возвестите трубным гласом во всей земли вашей мѣсяца седьмаго в десятый день. Лев. XXV.9. Лирный глас.*

5) Говоря о тѣлах неодушевленных употребляется вмѣсто шума. *Воздвигоша рѣки Господи, воздвигоша рѣки гласы своя, возмут рѣки сотрения своя от гласов вод многих. Псал. СХІІ.3.4.*

6) **В слоге витийственном** берется за радостные клики, восклицания, соединенные с благодарением. *Пусть глас веселый раздастся.* М. Л.

7) Известный напев **в церковном пении**, которых считается восемь. *Глас первой, второй* и проч. Отсюда: *Запеть на девятой глас.* Говорится о таком человеке, который поет очень дурно, нестройно, не согласно.

8) **В возвышенном слоге.** Внутреннее к чему убеждение происходящее или от размышления об окружающих предметах или о средствах. *Глас природы убеждает меня о всемогуществе Создателя. Глас природы вопиет против убийц. Глас крови нудит меня помогать моим сродникам.*

9) **В языке ныне употребительном** означает: а) словами или знаками изъяснение мнения своего, совета, где многия судят. *Подать голос.* б) Право при разсуждениях, где многие засьдают давать свое мнение. *Он имъет в собрании мѣсто и голос.*

10) **В Св. Писании** часто под сим словом разумеѣтся гром. *Глас Господень на водах.. Глас Господа сокрушающего кедры..* Псал. XXVIII.3.5» (САР¹ II: 69–72).

Заметим, что неполногласный вариант не имеет пометы *Сл.*, маркируется только русизм описательной формулой «в нынешнем языке употреблении». Таковую маркировку славянизма можно назвать *косвенной*, или *условной*.

Как можно видеть, у полисеманта *глас/голос* есть как церковно-книжные («славенские»), так и нейтральные («русские») значения. Первые маркируются составителями описательно в толкующей части посредством формул: «В слоге витийственном», «В возвышенном слоге», «В Св. Писании», вторые — либо никак не обозначены, либо введены с формулой «В языке ныне употребительном». Естественно, что «славенские» значения (6), (7), (8), (10) закреплены за вариантом *глас*, «русские» — за вариантом *голос* (9-е значение). Во всех случаях первые иллюстрируются цитатами из канонических текстов и произведений высокого слога, вторые — примерами, придуманными авторами. Не отмечены как «славенские», но тем не менее содержат исключительно канонический иллюстративный материал значения (3), (4), (5).

Таким образом, между «славенским» и «русским» вариантами словарь отмечает не только стилистическое, но и семантическое распределение; и тем не менее варианты *глас/голос* поданы в одной словарной статье. Вероятно, это связано не только с тем, что «русский» вариант воспринимался производным от «славянского», но и с тем, что не во всех случаях произошло четкое семантическое распределение, когда можно было бы одно из значений закрепить исключительно за «славянизмом», а другое — за «русизмом».

Прежде всего это относится к значениям (1) и (2), которые воспринимаются как исходные, первичные. Первое, «пространное знаменование» — ‘звук, издаваемый животными из гортани’ — как будто характерно только для полногласного варианта, что подтверждается иллюстративным материалом: *Осел имъет отвратительный голос; Пташки поют приятным голосом.* Однако, хотя авторами и не найден соответствующий оправдательный цитатный материал, употребление славянизма в этом значении вполне возможно: *Волк пришед стучает в двери: глас измысливши Козии повелъвает отворить.* Притчи. 35. *Овцы ... соединяя гласы свои, извлекают наконец его из глубокого уныния.* Иосиф (Б) 8. *Тут слышен сладкий глас поющих птиц всегда, Не престаёт шуметь там быстрая вода.* Поэты XVIII в. I 136. *А там, по синевъ небес Виясь, пернатая летают, Из облак гласы выпускают И свищут в вѣтвях дресес.* Држ. Соч. I 13 (СРЯ XVIII 5: 125). Что касается второго значения — ‘звук, издаваемый человеком из гортани’, то здесь авторы САР¹ находят канонический цитатный материал, ср.: *И возопив гласом своим, восплакася Быт. XXIX.2.* и др. примеры; но здесь же и примеры с полногласием: *голосом управлять; кричать во весь голос; спастъ с голосу; узнать кого по голосу* и др. Осознание первичности этих значений, с одной стороны, и невозможность закрепить их исключительно за славянизмом (или русизмом), с другой, и приводит авторов САР¹ к такому лексикографическому решению, когда оба варианта рассматриваются в одной словарной статье.

Всё сказанное вполне объясняет и то, что не все производные с неполногласием, входящие в гнездо, снабжены пометой *Сл.* Пометы не имеют: *гласный, гласная буква, гласно, гласность, безгласный, велегласно, громогласие, громогласно, единогласие, единогласный, единогласно, самогласная буква, глашу, возглашаю, возглашение, возгласный, предвозгласный, предвозгласная недѣля, провозглашаю, провозглашение, оглашение, огласительный, огласка, приглашение, пригласительный, разглашаю, разглашается, разглашение, разгласка, разгласие, разгласитель, разноглашу, разногласие, разногласный, разногласно, разногласица, строегласица, соглашаю, соглашаюсь, соглашение, согласуюсь, согласование, согласие, согласник, согласный, согласная буква, согласно, согласность, несогласие, несогласность, несогласный.*

Пометой *Сл.* снабжено гораздо меньшее количество производных: а) сложения: *благогласие, благогласный, благогласно, велегласный, доброгласный, козлогласие, скудогласие, скудогласный, сладкогласие, сладкогласный, худогласный;* б) церковная терминология и формулы из церковных книг: *глашаю, глашение, глашение трубное, оглашаю, оглашенный, возглас.*

Если посмотреть на эти «славянизмы» с точки зрения наличия в словарных статьях оправдательного цитатного материала из канонических

книг, то обнаруживается следующее: а) сопровождаются цитатами: *безгласие, благогласный, доброгласный, сладкогласие, сладкогласный, художгласный, глашаю, превозглашаю, оглашаю*; б) не сопровождаются цитатами: *благогласие, велегласный, козлогласие, скудогласие, скудогласный, глашение, возглас, оглашенный*.

Обратим внимание на некоторые «непоследовательности», связанные, прежде всего, с подачей соотносительных дериватов. Так, с одной стороны, наблюдается тенденция (и не только в данном гнезде) не маркировать синтаксические дериваты славянизма: *безгласие* (Сл.) – *безгласный* (б/п), *оглашаю* (Сл.) – *оглашение, огласительный* (б/п); может не помечаться соотносительное наречие: *велегласный* (Сл.) – *велегласно* (б/п), хотя в словарной статье прилагательного *велегласный* нет цитат из канонических книг и вообще каких-либо иллюстраций, а наречие, напротив, иллюстрируется цитатой, хотя и неканонической, но высокого слога: *Среди народа велегласно повѣдаю хвалу твою* (Ломоносов). С другой стороны, соотносительные сложные существительное – прилагательное – наречие всегда маркируются единообразно: *Сл. благогласие – благогласный – благогласно*; двучленные ряды: *сладкогласие – сладкогласный*; *скудогласие – скудогласный*. Но без помет: *громогласие – громогласный – громогласно*; *единогласие – единогласный – единогласно*; *разногласие – разногласный – разногласно*.

Таким образом, все колебания лексикографов при маркировке связаны либо с невозможностью подобрать для одного из дериватов канонический цитатный материал, либо с осознанием данного деривата как общеупотребительного, частотного и стилистически нейтрального, и тогда, даже вопреки тому, что лексема встречается в канонических текстах, как славянизм она не маркируется (ср. *безгласный*).

В ряде случаев лексема, лексико-семантический вариант или формула вместо пометы Сл. или наряду с ней содержат указание на принадлежность к Св. Писанию, церковным книгам. Ср.:

Послушати гласа. В Св. Писании означает: послушаться, повиноваться, исполнять повѣления или совѣты. *Рече же Фараон: кто есть, его же послушаю гласа, яко отпустити имам сыны Израилевы.* Исход V.2. *Послуша же Моисей гласа тестя своего, и сотвори вся елико рече ему.* Там же XVIII.24 (САР¹ II: 72).

Возглас, са. с. м. Сл. В церков. книгах так называются послѣдняя слова молитвы, которыя священник возвышенным *голосом* произносит во славу триипостаснаго божества (САР¹ II: 76).

Оглашаю, еши, сих, шу, шати, сити. гл. д. Сл. В церковн. книгах значит: 1) научаю, наставляю. *Огласит их словом истинны.* Эктен. 2) Говоря о обрученных. *Громогласно с проповѣдалища в церквь объявляю народу имена жениха и невѣсты, желающих вступить в брак* (САР¹ II: 77).

Огласити ратный звук на кого. В Св. Писании употреблено вмѣсто: дать знак к бою, к сражению; или объявить войну. *Оглашу на Равваф сынов Аммоных ратный звук.* Иерем. XLIX.2 (САР¹ II: 77).

Как семантический славянизм может быть маркировано одно из значений полисеманта: *Согласую, суешь, сил, шу, совать, сить.* гл. ср. 1) В Сл. говоря о музыкѣ: согласный, приятный звук издаю; согласно играю. *Музыкайским органом согласующим, и людем безчисленным поклоняющимся.* Ирмол. 2) Сходствую, сходен, подобен есмь. *И сему согласуют словеса Пророк.* Дѣян. XV.15 (САР¹ II: 81–82).

В некоторых случаях авторы находят формальные признаки, дающие возможность противопоставить славянизм и русизм: *глашу* (б/п) – *глашаю* (Сл.); *разногласица*, по просту *разноголосица*.

4. Анализ гнезд «глава» – «голова». Сравним состав гнезд *глава* и *голова*:

ГЛАВА	ГОЛОВА
<i>главный</i> I, <i>главный</i> II, <i>главизна</i> Сл., <i>главня</i> Сл., <i>главотяж</i> Сл., <i>главоустьчник</i> В церк. кн., <i>возглавие</i> Сл., <i>заглавие</i> , <i>заглавный</i> , <i>наглавие</i> Сл., <i>обезглавлю</i> Сл., <i>обезглавление</i> Сл., <i>обезглавленный</i> , <i>оглавляю</i> , <i>оглавление</i> , <i>оглавленный</i> , <i>одноглавый</i> , <i>двуглавый</i> , <i>возглавляю</i> Сл., <i>стремглав</i> , <i>стремглавный</i> (САР ¹ II: 43–48)	<i>головка</i> , <i>головушка</i> , <i>головный</i> , <i>головастик</i> , <i>головастый</i> , <i>головач</i> , <i>головизна</i> , <i>головица</i> , <i>головня</i> , <i>головешка</i> , <i>головолом</i> , <i>головоломный</i> , <i>головаоръз</i> , <i>головство</i> , <i>головчатый</i> , <i>головицк</i> , <i>головашки</i> или <i>головашки</i> , <i>безголовье</i> , <i>безголовный</i> , <i>заголовки</i> , <i>заголовье</i> , <i>заголовок</i> , <i>зголов</i> , <i>изголовье</i> , <i>крѣпкоголовый</i> , <i>поголовный</i> , <i>поголовно</i> , <i>поголовица</i> , <i>подголовок</i> , <i>приголовок</i> , <i>уголовный</i> , <i>уголовица</i> (САР ¹ II: 177–184)

На первый взгляд, может показаться, что в такой подаче лексического материала («славенский» и «русский» корни в разных гнездах) реализовано противоположное понимание соотношения церковнославянского и русского языков: церковнославянский и русский — разные языки, и помета *Сл.* имеет генетический смысл. Однако заметим, что в «славенском» гнезде не обязательно все производные сопровождаются этой пометой. А это свидетельствует, во-первых, о том, что филологи XVIII в. прекрасно понимали, что наличие «славенского» корня еще не означает принадлежности самого слова к славянизмам, что «славенский» корень мог давать производные уже в системе русского языка; во-вторых о том, что окончательным критерием принадлежности лексемы к категории славянизмов был текстовой, функциональный критерий, а значит, помета *Сл.* носит не чисто генетический характер, а генетико-стилистический. Обратим внимание, что все не снабженные этой

пометой слова в гнезде *глава* представляют собой единицы стилистически нейтральные и широкоупотребительные.

Сопоставим теперь соотносительные базовые слова — *глава* и *голова* и попытаемся понять, почему они даны в разных словарных статьях.

ГЛАВА Сл.	ГОЛОВА
А) Соотносимые значения:	
<p>1) Верхняя часть в тѣлѣ животных, которая у большей части оных соединяется с прочим тѣлом посредством шеи, и которая составляет вмѣстилище чувств. <i>Покивающе главами своими.</i> Марк. XV.29. <i>Но руки и главы сынов Российских к ношению готовы.</i> М. Л.</p> <p>2) Иногда означает только головной череп или верх головы. <i>Пробиша главу ему.</i> Марк. XII.4.</p> <p>3) Иногда берется вмѣсто волосов головных. <i>Помажи главу твою и лице твое умый.</i> Матф. VI.17. <i>Маслом главы моя не помаза.</i> Лук. VII.46.</p>	<p>1) В 1-м и во 2-м и в 3-м знаменованиях означает тоже, что <i>глава</i>: а) <i>наклонить голову, качать, кивать головою. Удариться обо что головою</i></p> <p>б) <i>Велика голова, да мозгу мало. Проломить голову. Лысина на головѣ. Тягость, боль в головѣ чувствовать. Не крѣпкая голова.</i></p> <p>в) <i>Погладить по головѣ. Обрить, остричь, причесать, убрать голову. Голова у него как овин</i></p>
Б) Частично соотносимые значения:	
<p>5)*Начальник, властелин, настоятель, набольший, старший, главный над кѣм или над чѣм. <i>И того даде главу выше всѣх церкви.</i> Ефес. I.21. <i>Зане муж глава есть жены.</i> Там же. V.23. <i>Иже есть глава всякому началу и власти.</i> Колос. II. 10. <i>Папа у католиков почитается главою церкви. Хозяин глава дому.</i></p>	<p>3)*Начальник, старшина, набольший главный над кѣм или в каком мѣстѣ. <i>И тѣх полков воеводам или головам вмѣсте владѣти.</i> Ратн. уст. <i>Голова в обществѣ у купцов. Голова в домѣ.</i> И здесь же формулы: – <i>Голова стрѣлецкая:</i> полковник. – <i>Голова земская:</i> Бурмистр, старшина в гражданствѣ. – <i>Голова кабацкая:</i> Содѣржатель, хозяин питейных домов. – <i>Голова таможенная:</i> Набольшей, пристав у таможни. – <i>Голова у запаса:</i> Полковой провиантмейстер. Из Ратн. устава. – <i>Большая голова:</i> Полковой профос. – <i>Голова телѣжной или кошевая:</i> Полковой обозной. – <i>Голова извозная. Голова у грабежа или грабежной. Голова сторожевой.</i></p>

В) Несоотносимые значения:	
<p>4) Верхушка или маковка на церквах или на колокольнях, имѣющая подобие шара, на которой поставляется крест. <i>Церковь о пяти главах. Поновить, вызолотить главы.</i></p> <p>6) Основание, начало чего. <i>Его же не брегоша зиждущим, сей бысть во главу угла.</i> 1.Петр. II. 7.</p> <p>7) Отдѣление в книгах. <i>Книга состоит из 10 глав.</i> (САР¹ II: 43–44)</p>	<p>2) В нравственном смыслѣ берется вмѣсто: мысль, ум, воображение. <i>У него голова занята важными дѣлами. Взять себя что в голову. Что он заберет себя в голову, в том пребывает упорно. Ничего нейдет в голову.</i></p> <p>4) Говорится вмѣсто лица, особы в слѣдующих случаях: <i>забавная, умная, замысловатая голова:</i> т. е. забавной, умной, замысловатой человек; <i>Глупая, безумная, несмысленная, пустая голова:</i> т. е. дурак; <i>Голова буйная, отважная, удалая.</i> т. е. предприимчивой, отважной человек. (САР¹ II: 177–178)</p>

Таким образом, между вариантами *глава* и *голова* произошло **частичное семантическое расхождение**, которое, вероятно, и определило их лексикографическую интерпретацию как разных слов. В то же время, как мы видели, варианты *глас* и *голос* тоже частично семантически разошлись, однако составители САР¹ оставили их в пределах одной словарной статьи. Возможно, разные лексикографические решения связаны со **степенью семантического расхождения** и с наличием в распоряжении лексикографов речевого (цитатного) материала на то или иное значение полисеманта. Как мы заметили, на значение (1) пары *глас* – *голос* ('звук, издаваемый животными') нет канонического цитатного материала, значения (3), (4), (5), напротив, не подтверждены примерами из живой речи. Однако ни в первом случае, ни в случаях (3), (4), (5) нельзя утверждать, чтобы эти значения были принципиально невозможны для славянизма или для русизма. Иными словами, степень семантического расхождения у вариантов *глас* – *голос* ниже, чем у вариантов *глава* – *голова*.

В «славянскую» статью, видимо, невозможно было ввести и многочисленную фразеологию, образуемую русизмом *голова* в его разных значениях: ср., напр., приведенное выше значение 'начальник', которое как будто совпадает у славянизма и русизма; насколько, однако, при этом фразеологически богаче русизм *голова*. Ср. также другие фразеологические единицы, представленные в словарной статье *голова*: *у него голова вскружилась, вскружить кому голову, ломать над чем голову, головою покрыть, голову срѣзать, побить наголову, с головы на голову, жить одною головою /об одной головѣ, головою не знать, не видать, не слышать, из головы выбить* (САР¹ II: 178–179). Фразеологический фонд славянизма *глава* гораздо беднее: *глава вѣнчанная, не имѣти гдѣ главу поклонити, главу возносити* (САР¹ II: 44).

Наконец, важно отметить и несоотнесенность производных: каждый из вариантов образует «свое» гнездо. Следовательно, можно утверждать, что в данном случае имелись семантико-словообразовательные основания для размежевания неполногласного и полногласного вариантов.

5. Выводы. Анализ «гнездования» славянизмов и русизмов в САР¹ позволяет сделать следующие общие выводы:

1) Язык, лексическая система которого представлена в САР¹, определен составителями как «славенороссийский». Уже из этого определения следует, что понимание основных пластов лексики литературного языка было *генетико-стилистическим*, т. е. нормативный статус слова определялся его *происхождением*, возведением к одному из двух важнейших источников «славенороссийского» языка — к церковнославянскому или к русскому. Однако генетический подход авторов САР¹ к лексике не следует считать собственно этимологическим. Поскольку язык для них, прежде всего, совокупность текстов, то и происхождение слова определялось главным образом его функционированием в определенном кругу текстов: в канонических церковных книгах, светских сочинениях, ораторских жанрах и под. Формально-этимологические показатели играли при такой стилистической квалификации слова второстепенную, вспомогательную роль.

2) Из сказанного следует, что слово, особенно книжное, еще не могло мыслиться вне своих контекстуальных связей. Характеризуя древнерусский литературный язык, В.В. Колесов отмечал, что основной единицей этого языка и основным строительным материалом текста была формула-синтагма¹. Набор и комбинация традиционных формул определяли и жанровую принадлежность текста, и его стилевые особенности, и тип языка. Стилистически маркированным было не слово как таковое, а формула, возникшая в пределах определенного жанра. XVIII век с его «филологическим» пониманием слова и языка еще не преодолел эту устойчивую традицию. В САР¹ мы видим постоянную внутреннюю борьбу старого, «синтагматического» подхода к слову (характерного для «текстовой» лексикографии Средневековья) с новым — «парадигматическим». Поэтому для правильного понимания стилистических оценок Словаря очень важно осмыслить принципы иллюстрирования лексики. Отчасти эти принципы сформулированы авторами в Предисловии: «Для показания различия слогов, гдѣ и какое слово употребляется, приведены примѣры Славенороссийские, то есть из книг церковных и лучших писателей свѣтских, чрез что означается

---

¹ Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

употребление их в высоком и красном слогѣ» (САР¹ I: XIV). Таким образом, одна из основных целей иллюстрирования — показать «различия слогов».

3) Новый, «парадигматический» тип лингвистического мышления проявлялся в академическом словаре двояко: во-первых, в гнездовом принципе словорасположения и, во-вторых, в генетико-стилистических оппозициях (типа *глас – голос, око – глаз* и под.). Словообразовательное гнездо является наиболее естественным, самоочевидным типом лексической парадигматики. Гнездовой принцип описания следует признать одним из основных достоинств САР¹. Известно, что Е.Р. Дашкова, возглавлявшая Российскую Академию, считала этимологический («словопроизводный») принцип обязательным для первого толкового словаря национального языка¹. Поэтому нам кажутся весьма уязвимыми попытки осмыслить принципы стилистической маркировки лексики в САР¹ без уяснения места слова в составе словообразовательного гнезда. Основной корпус словообразовательных гнезд, представленных в САР¹, является наглядной иллюстрацией органического единства «славянорусского» языка. Как мы пытались показать, все важнейшие для русского литературного языка эпохи семантические и стилистические процессы происходили в обширных «общеславянских» и «славянорусских» гнездах, именно в них нашла себе место значительная часть славянизмов и просторечных слов, именно там происходило семантическое взаимодействие между ними, их стилистическая нейтрализация или, напротив, закрепление и усиление коннотаций.

Таким образом, логика всех стилистических маркировок наиболее ясно видна в пределах словообразовательного гнезда. Гнездовое рассмотрение стилистически маркированной лексики дает возможность по-иному взглянуть на многие факты стилистической маркировки, кажущиеся, на первый взгляд, непоследовательными, противоречивыми. Что касается формальных и семантических оппозиций генетического и псевдогенетического характера, то они, конечно, играют известную роль в стилистической дифференциации лексики и заметно представлены в Словаре, но и их правильное осмысление возможно только в пределах гнезда, только на фоне дериватов с тем же корнем и с учетом их функционирования в составе определенных формул, в определенных жанрах и контекстах. Тогда только можно понять, почему, например, маркируются славянизмы типа *брег* и *глава* и не маркируются лексемы типа *глас* и *древо*, почему варианты *глас* и *голос* даны в одной словарной статье, а словам *нрав* и *норов* посвящены разные словарные статьи и т. п.

---

¹ См.: Богатова Г.А. Один из русских феноменов. К 200-летию Словаря Академии Российской // Народное образование. 1989. № 12. С. 140.

И.Б. Дягилева

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА»

«Словарь русского языка XIX века» — это новый тип исторического словаря, задачей которого является показ динамики лексико-семантической системы русского языка в этот период. Словарь основан на концепции построения исторического словаря дифференциального типа, разработанной Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокиным. Объектом описания в Словаре является «лексика в употреблении, что определяет как структурные особенности, так и специфику семантического и функционально-стилистического описания языковых единиц»¹.

Основная концепция Словаря подробно изложена в Проекте², пробные словарные статьи опубликованы в Трудах Института лингвистических исследований РАН³. Важным направлением работы остается расширение эмпирической базы Словаря, что обеспечивается применением современных компьютерных технологий. Для этого используется специально созданная «Электронная база текстов XIX века» (далее — ЭБ), которая позволяет при помощи поисковой программы «Archivarius 3000» выявить значительное число словоупотреблений. Объем ЭБ на настоящий момент составляет 9 ГБ (более 7000 файлов). В нее входят собрания сочинений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, А.П. Чехова, полные собрания стихотворений В.А. Жуковского, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Апухтина и др. В качестве источников для ЭБ были использованы электронные публикации Пушкинского дома, Фундаментальная

---

¹ Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002. С. 13.

² Там же.

³ Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IV. Ч. 3. СПб., 2008. С. 303–393.

электронная библиотека, Российская виртуальная библиотека, Электронная библиотека Максима Мошкова, материалы сайтов «Русский мемуарий», «Военная литература» и др.

Некоторые издания были сканированы специально для ЭБ, например, Г.И. Клейн «Популярная астрономия в вопросах и ответах», Н.А. Лейкин «Где апельсины зреют» и ряд других. Использование базы электронных книг «Google Книги» (books.google.com) и электронно-библиотечной системы «КнигаФонд» (knigafund.ru) обеспечивает возможность ведения поиска по периодическим и научным изданиям XIX века. Большое значение имеет доступ к электронному фонду Российской национальной библиотеки «Докусфера».

Использование вышеперечисленных ресурсов позволило повысить объективность описания, значительно расширить словник Словаря. Это наглядно демонстрирует анализ композитов с компонентом *административно-*. В Большой словарной картотеке ИЛИ РАН зафиксировано 52 сложных прилагательных с первой частью *административно-*, из которых только три, по данным картотеки, употреблялись в XIX веке: *административно-полицейский*, *административно-привлекательный*, *административно-теоретический*. Два последних — только в текстах М.Е. Салтыкова-Щедрина. В составленных материалах «Словаря русского языка XIX века» представлены 65 сложных прилагательных с компонентом *административно-*: *а.-бытовой*, *а.-бюрократический*, *а.-военный*, *а.-воспитательный*, *а.-врачебный*, *а.-высланный*, *а.-государственный*, *а.-гражданский*, *а.-дворянский*, *а.-деловой*, *а.-духовный*, *а.-законодательный*, *а.-земский*, *а.-исполнительный*, *а.-карательный*, *а.-контрольный*, *а.-литературный*, *а.-общественный*, *а.-общинный*, *а.-педагогический*, *а.-политический*, *а.-полицейский*, *а.-правительственный*, *а.-правовой*, *а.-промышленный*, *а.-распорядительный*, *а.-служебный*, *а.-сосланный*, *а.-ссылный*, *а.-статистический*, *а.-судебный*, *а.-территориальный*, *а.-технический*, *а.-торговый*, *а.-учебный*, *а.-ученый*, *а.-финансовый*, *а.-фискальный*, *а.-хозяйственный*, *а.-центральный*, *а.-церковный*, *а.-экономический*, *а.-юридический*. Характерным для данных композитов является наличие вариантных прилагательных с обратным порядком компонентов. При наличии таких вариантов ссылка на них включается в словарную статью: *военно-административный*, *врачебно-административный*, *государственно-административный*, *гражданско-административный*, *государственно-административный*, *гражданско-административный*, *духовно-административный*, *законодательно-административный* etc.

Продуктивность рассматриваемой словообразовательной модели подтверждает наличие большого числа окказиональных единиц, которые также найдут свое отражение в Словаре. Если такие лексемы

употребляются в текстах известных писателей, это обозначается специальными пометами: *а.-аристократический*, *а.-воинственный*, наречие *а.-либерально* с пометой (у В.В. Крестовского); *а.-наружный* с пометой (у В.А. Соллогуба). Окказионализмы, отмеченные в периодических изданиях и научной литературе, сопровождаются пометой *Един.:* *а.-благотворительный*, *а.-дозволенный*, *а.-заключенный*, *а.-иерархический*, *а.-канонический*, *а.-княжеский*, *а.-крепостной*, *а.-кровавый*, *а.-местный*, *а.-покровительственный*, *а.-полководческий*, *а.-ревизионный*, *а.-телеграфный*, *а.-централистический*, *а.-законодательно-финансовый*, *а.-чуже-сословный*. Такие слова будут даны в Словаре без толкования. Ср.:

АДМИНИСТРАТИВНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ, ая, ое. (*Един.*) Московский тюремный комитет сделал много полезного для тюремного дела в Москве, но ... он обладал обычными свойствами административно-благотворительной коллегии. Вестник Европы. Кн. 2. с. 500 [1897].

Помимо значительного увеличения словника, работа с ЭБ позволяет полнее показать синтагматические связи слов, выявить значимую для них лексическую сочетаемость. Для того чтобы ее лучше представить, в Словаре используется специальный лексикографический прием — строки свободных сочетаний. Например, слово *багаж*, отмеченное в «Словаре русского языка XVIII века», в XIX веке стало употребляться в сочетании с прилагательными *пассажирский*, *дорожный*, *ручной*, глаголами *сдавать*, *сдать*. Включение в описание такого материала соответствует дифференциальному подходу, предполагающему отражение в Словаре не только новаций, но и новых сочетаемостных возможностей уже вошедших в язык слов, важных в культурном, социальном и материальном аспектах. В XIX в. широкое употребление получило слово *багаж* в новом переносном значении «запас опыта, знаний и т. п.».

БАГАЖ, а, м. 1. *Вещи, которые берут пассажиры в дорогу.* Пассажирский, дорожный б.; ручной б. Складочному сбору не подлежат: 1) корабельная провизия; 2) пассажирский багаж. Продолжение свода законов Российской Империи. С. 11 [1859]. Пассажиры стали снимать с полок ручной багаж и начали выходить из вагонов. Н.А. Лейкин. Наши за границей [1890]. Сдавать, сдать б. Я хотел просить Вас сказать мне, можно ли на Брапповском полустанке брать билеты и сдавать багаж. П.И. Чайковский. Письмо Н.Ф. фон-Мекк [1879]. / *Перен.* Союзники поспешили установить в занятой ими стране новое правительство, которое привезли с собою в своем багаже. <о событиях в Аргентине>. Дело. № 11. С. 160 [1869]. Чуть ли не с Кантемира начиная, мы только и делаем, что жалуемся на "дурные привычки". Распушенность, разнузданность, равнодушие, леность, малодушие, лукавство, лицемерие, лганье — вот каков багаж. М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо [1882].

◁ 2. О запасе знаний, опыта и т. п. у кого-л. чего, какой. К экзаменам <Легкоживецкий> относился весьма равнодушно, и в то время, как у нас голова трещала от хаоса цифр, имен, чертежей и прочего, он выходил к доске с самым пустяковым багажом, развязно начинал ответ, ловко расплываясь и сворачивая в стороны, и всегда получал удовлетворительный балл. А.О. Осипович-Новодворский. Карьера [1880]. Мы живем накануне великих событий в Азии: западный торговец, с своими товарами, с своими идеями, со всем своим добром и багажом своей цивилизации, просится за "Великую стену". И.П.Минаев. Англичане в Бирме [1886]. Идеальный, мыслительный, научный, нравственный, умственный, эстетический, этический .. б. Конечно, есть люди, особенно между охотниками, могущие понимать собак и при случае сообщить об их языке немало характерных подробностей; но оставляемый этими людьми научный багаж невелик, и к нему относятся с полным пренебрежением. В.В. Верещагин. Из путешествия по Средней Азии [1877]. В.Н. Майков отложил в сторону весь эстетический, нравственный и полемический багаж Белинского и за норму оценки произведений искусства принял количество и важность бытовых и общественных вопросов, ими поднимаемых, и способы, с какими авторы указывают и разрешают их. П.В. Анненков. Литературные воспоминания [1882]. Литературный, беллетристический, поэтический б. Я начинаю приводить в порядок свой литературный багаж и сегодня написал с охотой часть новой главы в Легенде о Нардзане. А.В. Дружинин. Дневник. 3 сентября [1853]. Приехав в Полтаву и устроившись, .. я отложил со вздохом свои первоначальные планы — разложиться на досуге с беллетристическим багажом и приняться за издание. В.Г. Короленко. Письмо Н.Ф. Анненскому 26 октября [1900]. Исторический, юридический б. Молодые кандидаты бойко отвечали на предлагаемые им вопросы, хотя их юридический багаж равно походил и на знание, и на полное невежество. М.В. Барро. Мольер. Его жизнь и литературная деятельность [1891].

Работа над историческим словарем позволяет пополнить сведения об истории слов и их значений. Например, широкоупотребительное в современном языке слово *бадминтон*, по сведениям этимологических словарей, было заимствовано из английского языка в середине XX века (Шанский 2001: 29). В Национальном корпусе русского языка самые ранние контексты употребления слова *бадминтон* относятся к 1967–68 гг. Однако впервые оно было употреблено в русском языке И.П. Минаевым, востоковедом-индологом, в путевых заметках «Алморские певцы», опубликованных в «Вестнике Европы» в 1876 году. И.П. Минаев совершил три путешествия на Восток в 1874–75 гг., 1880 г. и 1885–86 гг., во время которых посетил Индию, Цейлон, Бирму и Непал. Именно там он познакомился с бадминтоном, игрой англо-индийского происхождения, которой были увлечены английские офицеры, служившие в Индии.

Название игры восходит к названию поместья Badminton House в деревне Badminton, где жил Чарльз Сомерсет, 8-й герцог Бофорт, организовавший первую площадку для игры в бадминтон в 1873 году¹.

Несмотря на наличие трех иллюстративных цитат на слово *бадминтон*, нельзя считать, что оно вошло в русский язык уже в конце XIX века, так как все материалы связаны с именем одного автора, путешественника, и не являются свидетельством употребительности слова в этот период. Единичные употребления встречаются в русском языке в первой половине XX века, а широко оно начинает использоваться с 1957 г. после проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Именно поэтому перед словом *бадминтон* в словарной статье не ставится знак ◁, принятый в СРЯ XVIII для показа вхождения новых слов или значений.

БАДМИНТОН, а, м. Англ. badminton. (У И.П. Минаева.) Спортивная игра с воланом и ракетками. Во все продолжение сезона удовольствия не прекращаются; главным образом крикет и бадминтон занимают публику. И.П. Минаев. Алморские певцы [1876]. Плохо и малому учат принцев и дома, и в колледже. Главное внимание обращено на manly sport; и, конечно, весьма нетрудно развить во всяком юноше страсть к разного вида спортам. Выиграют ли от того подданные ражи? — об этом англичане думают иначе, нежели сами подданные. Но ража, которому привиты страсть к охоте, поло, бадминтону и т. д., плохо учившийся и ничему не выучившийся, постоянно издевающийся над обычаями и поверьями своей страны, охотно пьющий Brandy and soda, не станет много заниматься делом своего княжества. И.П. Минаев. Новый документ И.П. Минаева об Индии второй половины XIX века. Проблемы востоковедения, № 3. 1959 [1880]. Юный ража с грехом пополам говорит по-английски, в науках не силен, но страстен до бренди, поло, бадминтона, крикета, охоты и т. д. И.П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму [1886].

«Словарь русского языка XIX века» — это сложный, многосторонний проект, требующий не только серьезных источниковедческих ресурсов, но и кропотливой составительской работы. Для выявления семантических сдвигов слов, неузуальных употреблений, не зафиксированных ранее в лексикографических источниках фразеологизмов необходима «ручная» обработка большого объема текстов. Результатом такой кропотливой работы становится появление словарных статей с редким историческим материалом.

◇ Разг. **Тянуть (гнуть) на барскую руку.** Действовать в интересах барина, с выгодой для него. — Только правды-то от них <станового и исправника> не жди! вмешался коробочник. Первое их господа выбирают, ну они разумеется против своих не пойдут и будут тянуть все на барскую

---

¹ Jean-Yves Guillain. Badminton. An Illustrated History. 2012. P. 52.

руку, от них мужичок и не жди правды, коли его забидит барин. Ф. Зиновьев. Коробочник // Библиотека для чтения. т. 171 с. 14 [1862]. Как будем мы дружно один за другого стоять, то не страшны нам ни баре, ни войско. Да опять же войско не будет долго на барскую руку тянуть, коли увидит, что дело не на шутку разыгралось. За Богом молитва, а за царем служба не пропадает. С. 20 [1873]. Помещик, бывало, норовит тебе всучить землю, что ни есть хуже; посредник тоже гнет на барскую руку, и законом-то тебе в рыло тычет: «Видишь, говорит, что писано: коли пользовался раньше — в надел!». Э.Л. Каспрович. Политические понятия русского простолюдина в сказках. с. 19 [1896].

БЕЗВЫВОДНО², нареч. (У Л.Н.Толстого.) Читал Liberté Girardin. Хорошо, но безвыводно. Л.Н. Толстой. Дневник. 16 апреля [1857].

Приведенные выше наблюдения и размышления в некоторой степени отражают потенциал историко-лексикологического проекта «Словарь русского языка XIX века», показывают, что в недалеком будущем можно ждать новых сведений о динамике словарного состава русского языка «золотого века».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984. Вып. 1.

Шанский 2001 — Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. 4-е изд. М., 2001.

Н.В. Патроева

**СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА¹**

В поэтической речи, в силу высокой степени ее «организованности»², не только строение и расположение синтаксических конструкций, но и сам выбор автором тех или иных типов предложений из языковой системы приобретают особое значение. По мнению Р.О. Якобсона³, именно от «грамматической ткани поэтического языка в большей мере зависит его действительная значимость»: синтаксические формы здесь не только информативно и эстетически нагружены, но и выполняют самые разнообразные функции (структурную, композиционную, ритмообразующую, интонационную, когнитивную, экспрессивную и др.), кроме того, грамматика художественного текста также отражает особенности художественного мышления, индивидуальной психологии писателя, авторскую «картину мира», поэтому без выяснения вопроса о роли синтаксиса в формировании поэтического стиля нельзя ни «установить конкретно-языковое — а следовательно, стилистическое — своеобразие отдельных писателей и целых литературных направлений, ни выяснить ту роль, которую соответствующие писатели и направления играли в общем процессе развития синтаксической системы данного языка»⁴. Между тем до сих пор «стихотворный синтаксис в целом остается ... сравнительно мало исследованной областью»⁵, и вопросы о том, что такое «поэтический синтаксис», какова его основная единица,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168).

² Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 5.

³ Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 84.

⁴ Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967. С. 7.

⁵ Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. С. 103.

какими особенностями синтаксическая организация стихотворного текста отличается от синтаксиса прозы и как взаимодействуют в системе поэтического текста ритм, размер, метр, каталектика, рифмовка, синтаксис, по-прежнему актуальны и ждут специального комплексного анализа.

Разработка проблем синтаксической организации поэтического текста началась примерно столетие назад в трудах лингвистов и литературоведов — представителей «Московского лингвистического кружка» и членов «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ). В 1910–1920-е гг. О.М. Бриком, Б.М. Эйхенбаумом, Б.В. Томашевским, Ю.Н. Тыняновым были намечены возможные подходы к изучению взаимодействия ритма и синтаксиса. При этом одни из «опоязовцев» настаивали на том, что в стихе синтаксис существенно деформируется ритмом¹ и становится чем-то «условным»², другие же более осторожно заявляли о том, что синтаксическая структура только «приспосабливается» к ритмо-метрической³. В качестве основной структурной единицы стиха, на которую ритм и метр накладывают те или иные ограничения, была выдвинута строка («стиховой ряд», стих), демонстрирующая постоянную борьбу ритма и синтаксиса, несовпадение синтаксического и ритмо-метрического членения (в связи с появлением переносов, или анжамбманов).

В середине XX в. Б.В. Томашевский и Н.С. Поспелов разрабатывают новый аспект проблемы — взаимодействие синтаксиса и композиции стихотворного текста⁴. В 1970-е годы Г.Н. Акимова уделила много внимания вопросу о длине и средних размерах предложения в поэзии (на материале од), их сопоставлению с аналогичными характеристиками в прозе. Так, уже усилиями не стиховедов, а грамматистов сформировался еще один подход к анализу поэтического синтаксиса: не отрицая важности изучения стихотворного синтаксиса в аспекте строки или составляющего

---

¹ «Стихотворный синтаксис строится в неразрывной связи с ритмом ... Стихотворная фраза есть явление не синтаксическое вообще, а ритмико-синтаксическое». См.: *Эйхенбаум Б.М.* Мелодика русского лирического стиха // *Эйхенбаум Б.М.* О поэзии. М., 1969. С. 328.

² Ср.: «Грамматическое исследование поэзии, особенно лирической, — область филологического знания, более проблематичная в исходной своей точке, чем изучение грамматики художественной прозы. Сама значимость грамматики для поэтического текста не раз подвергалась сомнению ... тенденция к аграмматизму ... высказывания в лирической поэзии гораздо сильнее, чем в поэзии сюжетной, а тем более в прозе» См.: *Сидорова М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000. С. 300.

³ *Брик О.* Ритм и синтаксис // *Новый Леф.* 1927. № 3. С. 15–20; № 4. С. 23–29; № 5. С. 32–37; № 6. С. 33–39.

⁴ См.: *Поспелов Н.С.* Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960. С. 305–313; *Томашевский Б.В.* Стих и язык: филологические очерки. М.–Л., 1959. С. 33–39. Ср. также с мнением Т.И. Сильман: «Синтаксис в стихе опирается на ритмическое строение строф и стихотворных строк и тем самым приобретает особое структурное, архитектурное значение». См.: *Сильман Т.И.* Заметки о лирике. Л., 1977. С. 49.

ее слова (Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, Г.А. Шенгели и др.), строфы и сложного синтаксического целого (Н.С. Поспелов), Г.Н. Акимова сосредоточила взгляд на описании основной синтаксической единицы — предложения — как одновременно и основной единицы поэтического синтаксиса¹ в аспектах «количественном (объем предложения) и качественном (принципы развертывания и расширения предложения)»².

1980–1990-е гг. и начало XXI столетия ознаменовались выходом в свет монографий по «грамматике поэзии» И.И. Ковтуновой и ее учеников и последователей³ — представителей функционально-коммуникативного подхода, интерпретирующего поэтический текст прежде всего как особую («фиктивную», «превращенную») форму коммуникации, в условиях которой исходная целеустановка предложения существенно трансформируется, высказывание характеризуется «повышенной предикативностью», семантической и функциональной «неоднозначностью», в создании которой важную роль играют поэтический дейксис, сочетание симметричности и асимметричности построения, а также инверсия компонентов (свое начало «грамматика поэзии» берет в трудах Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Р.О. Якобсона⁴). 2000-е гг. ознаменовались усилением интереса стиховедов к «установлению структурной связи явлений стиха с явлениями ... грамматики»⁵.

В этом кратком экскурсе в историю изучения поэтического синтаксиса мы, к сожалению, оставляем без внимания многочисленные и интересные работы, посвященные анализу разнообразных фигур речи, формирующих сложно организованную структуру и семантику стихотворного текста, а также построений, демонстрирующих сходство

---

¹ Задаваясь вопросом, из чего состоит стих, современные стиховеды отвечают «из словосочетаний», подчеркивая при этом, однако, что «слова в стихе складываются друг с другом не механически, а по законам синтаксиса» См.: *Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В.* Статьи по лингвистике стиха. М., 2004. С. 119. Вероятно, отказ от признания предложения в качестве основной единицы поэтического синтаксиса диктуется в этом случае тем обстоятельством, что границы строки далеко не всегда совпадают с границами отдельного простого предложения или части сложной конструкции. На наш взгляд, присутствие синтаксического переноса, сигнализирующего об отсутствии симметрии между стиховым и синтаксическим членением, никак не мешает признать основной единицей стихотворного синтаксиса предложение, поскольку сам факт переноса уже заставляет сопоставить границы именно предложения и строки.

² *Акимова Г.Н.* О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 100.

³ См.: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста.* М., 1993; *Поэтическая грамматика / Отв. ред. Е.В. Красильникова.* Т. I. М., 2005; *Поэтическая грамматика / Отв. ред. Е.В. Красильникова.* Т. II. М., 2013.

⁴ См. подробнее: *Шапур М.И.* «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г.О. Винокура и Р.О. Якобсона) // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 2. С. 221–236.

⁵ *Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В.* Статьи по лингвистике стиха. С. 12–13.

поэтической речи с иными типами дискурса (внутренней, разговорной речью или философскими текстами)¹, поскольку сосредоточимся далее на освещении некоторых аспектов, касающихся методологии словарного проекта, осуществляемого с 2015 г. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета.

В отечественной лингвистике синтаксические словари — пока еще новая и мало освоенная исследователями русской речи область лексикографии. Самые известные примеры подобных изданий — «Синтаксический словарь» Г.А. Золотовой², представляющий типы «свободных», «связанных» и «обусловленных синтаксем» современного русского литературного языка и созданный в рамках коммуникативной (функциональной) парадигмы языкознания конца XX века, а также «Экспериментальный синтаксический словарь» под редакцией Л.Г. Бабенко³, содержащий семантические модели глагольных предложений русского языка, и «Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения» С.Г. Ильенко и И.Н. Левиной — «фразарий»⁴, посвященный описанию структурно-коммуникативных особенностей изъяснительных полипредикативных конструкций. Напротив, плодотворно развивается авторская лексикография, активно издаются писательские словари: согласно наблюдениям Л.Л. Шестаковой, «с начала 90-х гг. по настоящее время вышло более ста словарей — языка поэзии, прозы, драматургии, литературы XIX и XX вв., одного автора и ряда авторов»⁵. Одним из интересных опытов скрупулезной систематизации морфологического материала, заставляющим пересмотреть некоторые постулаты и «мифы» нормативных грамматик, стала книга А.С. Кулевой, приложением к которой является словарь усеченных прилагательных, использованных русскими поэтами XVIII–XXI в.⁶ Однако несмотря на то, что отечественная филология накопила уже значительный опыт создания традиционных и компьютерных собраний поэтической лексики и фразеологии, существующие словари и конкордансы не позволяют

---

¹ См.: *Лебедева Н.В.* Синтаксис поэтической речи // *Русская речь.* 1971. № 1. С. 27–31; *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.

² *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М., 2006.

³ *Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь* / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2016.

⁴ *Ильенко С.Г., Левина И.Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения / Отв. ред. М.Я. Дымарский. СПб., 2007. С. 27.

⁵ *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011. С. 218.

⁶ *Кулева А.С.* История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.–СПб., 2017.

эффективно использовать их данные для регистрации и разноаспектного описания материалов художественных текстов на синтаксическом уровне: так, при всем богатстве возможностей, предоставляемых, например, НКРЯ¹, «на настоящий момент он не располагает инструментами поиска в одном из самых продуктивных направлений стиховедческих штудий последних десятилетий, а именно в сфере поэтического синтаксиса», так что «если бы уже завтра стало возможным автоматическое обследование синтаксиса поэтической речи с учетом достижений стиховедов, нас бы, возможно, ожидала настоящая революция»². В российской и мировой корпусной лингвистике пока нет (во многом в силу отсутствия специальных компьютерных программ, выполняющих анализ контекстов в рамках структуры не только словосочетания, но и предложения, выясняющих грамматические модели построения целого текста, частотность той или иной конструкции) опыта создания грамматического словаря, который представлял бы собой тезаурус конструкций, используемых при построении поэтического текста.

Создание синтаксического словаря поэтической речи имеет важное значение и для углубления познаний в области истории русского литературного языка, диахронической грамматики, между тем традиционно проблема происхождения и формирования национального русского литературного языка решается исследователями прежде всего как проблема лексикологическая, «проблема словаря»³ в аспекте соотношения в нем церковнославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между книжно-литературными традициями связывались в языковом сознании грамматистов-нормализаторов и мастеров слова, скорее, с морфологическими и синтаксическими параметрами, поскольку стандартная, традиционно-поэтическая лексика и фразеология «высокого штиля», питавшаяся старославянизмами, не исчезает и с победой «нового слога» над «старым», поскольку карамзинская школа, прочно усвоившая лучшие образцы литературной традиции, опиралась на них в своих

---

¹ Сведения о грамматической структуре и синтаксических отношениях (т. н. «древо зависимостей») представлены в синтаксически размеченном корпусе «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ), однако материал для создания «СинТагРус» извлекался из новейших прозаических и публицистических текстов. Работа по созданию компьютерной модели русского синтаксиса, которая была бы применима к анализу стихотворных текстов, велась в последние годы А. С. Старостиным (см., напр.: *Пильщиков И.А., Старостин А.С. Проблемы автоматизации базовых процедур ритмико-синтаксического анализа силлаботонических текстов // Национальный корпус русского языка: 2006–2008: Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2009. С. 298–315).*

² *Белоусова А.С. Проблемы исследования стихового синтаксиса и поэтический корпус // Корпусный анализ русского стиха: Сб. научных статей. Вып. 2. / Отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014. С. 105–112.*

³ *Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 6.*

дальнейших творческих исканиях. Г.О. Винокур отмечал: «Можно думать, что в области морфологии граница между “славенским” и “простым русским” обнаруживалась нагляднее всего»¹. Грамматическая система русского литературного языка, с одной стороны, вызвала живой интерес реформаторов XVIII столетия, с другой, именно описание синтаксического строя занимало весьма скромное место в отечественных грамматических сочинениях вплоть до появления трудов представителей логической школы середины XIX в. (особенно показательна в этом смысле «Грамматика Императорской Российской Академии» 1802 г., в которой синтаксический раздел был ограничен правилами «словосочинения», т. е. фактически теорией словосочетания). Но и имеющиеся научные и школьные грамматики фиксировали, как правило, уже прошлое состояние синтаксической системы, характеризовали конструкции, свойственные исключительно книжной речи, иногда навязывая устаревшие нормы и, напротив, оставляя без внимания разговорные формы и построения, явления, заимствованные из других языков, синтаксические новшества, вводимые представителями актуальных литературных течений. Синтаксическая теория в целом не получила еще глубокого и всестороннего осмысления в грамматических трудах XVIII — первой половины XIX столетия, однако проблемы выработки новых синтаксических норм занимали умы реформаторов русского литературного языка, мастеров слова этого периода, оказываясь одним из главных предметов дискуссий о судьбах «старого» и «нового слога». В связи с этим не столько грамматики эпохи Ломоносова — Пушкина, сколько реальная художественно-языковая практика, оказавшая непосредственное влияние на формирование, отбор и закрепление новых литературных норм, представляет с историко-стилистической точки зрения несомненный интерес как главный источник сведений о состоянии грамматической системы русского языка эпохи Ломоносова, Карамзина и Пушкина.

Обычно декларируется, что процессы образования норм литературного языка протекали в сфере так называемой «новой» художественной прозы Карамзина и Пушкина, однако с 30-х годов XVIII века в русской литературе эпохи классицизма, сентиментализма и романтизма преобладали именно стихотворные жанры, между тем вопрос о том, «чем русская культура литературного слова обязана стиховой речи хотя бы в области фразеологии и синтаксиса», до сих пор изучен неудовлетворительно. Еще Г.О. Винокур подчеркивал то преимущественное значение, которое в XVIII в. «принадлежало стихотворной литературе в формировании всего литературного стиля того времени». В своих поэтических опытах и трактатах Кантемир,

---

¹ Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 126.

Третьяковский, Ломоносов активно пытались приспособить русский язык к нуждам сначала силлабического, потом силлабо-тонического¹ стихосложения. Новая проза, на материале которой, как правило, исследуются процессы становления грамматических и стилистических норм общелитературного языка, во многом питалась достижениями предшествующего и современного Карамзину поэтического слога. Синтаксический поэтический словарь предоставляет в распоряжение филологической общественности ценные сведения и материалы для создания в ближайшем будущем фундаментальной исторической грамматики русского языка XVIII в., в силу того что в этот период судьбы языка поэзии и литературного книжно-письменного языка были тесно связаны и реформаторами языка, не только «теоретиками», но и «практиками» являлись именно поэты — А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, В.К. Третьяковский, Н.М. Карамзин, в области же прозы «нормы литературного выражения были еще очень зыбки и неопределенны»². Кроме того, поскольку словарь предлагает характеристику синтаксических особенностей поэтических высказываний (единицей словаря является предложение как основная синтаксическая категория) в тесной связи с метром и строфической организацией произведения, присутствием переносов из строки в строку как «единственного ритмического хода, который ни при каких условиях не может быть ассимилирован прозой»³, а также жанровой принадлежностью текста, материалы словаря могут стать хорошим подспорьем для продолжения исследований в области лингвистики стиха как научной области, в последние десятилетия активно и плодотворно развивавшейся усилиями не лингвистов, а стиховедов: М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой и М.И. Шапира (прежде всего в связи с проблемой распределения синтаксических связей внутри стихотворной строки и строфы), с опорой на идеи, высказанные еще в первой половине XX в. О.М. Бриком, Б.И. Ярхо, Б.В. Томашевским и Г.О. Винокуром.

«Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» демонстрирует репертуар синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII в. (А.Д. Кантемиром, В.К. Третьяковским, М.В. Ломоносовым, А.П. Сумароковым, Г.Р. Державиным, М.М. Херасковым, А.Н. Радищевым, Н.М. Карамзиным, И.И. Дмитриевым), и является по своему предназначению сводным писательским словарем, представляющим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка ломоносовской и

¹ Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века. С. 64.

² Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 182.

³ Шапир М.И. «Versus» vs «prosa»: пространство-время поэтического текста // Philologica. 1995. Т. 2. № 3–4. С. 20.

карамзинской поры в целом (поскольку преобладающими для данного периода были именно поэтические жанры), и позволяет представить общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии малых и средних жанров в аспекте их становления, изменчивости либо преемственности и в тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических.

Поскольку поэтический синтаксис, понимаемый широко — как синтаксическое построение стихотворного текста, а не более узко — как синтаксис лишь семантически и коммуникативно трансформированных либо экспрессивно-стилистически отмеченных конструкций, в качестве основной своей единицы, подобно синтаксису общелитературного языка, имеет предложение¹, в качестве единицы описания в словаре выступает простое или сложное предложение (всего более 14 000 конструкций).

Выбранные из поэтических произведений конструкции анализируются с точки зрения разнообразных параметров:

— по структурной схеме или типологической рубрике (простое или сложное предложение, элементарное или осложненное, двусоставное или односоставное, сложное бинарное либо многочастное предложение);

— по типу синтаксических связей и количеству частей (для полипредикативных конструкций);

— по грамматическому значению, т. е. типу синтаксических отношений, выявляемых между частями сложных предложений;

— по модальной характеристике (утвердительное, обще- или частноотрицательное);

— с точки зрения полноты / недостаточности состава (полное, неполное, эллиптическое);

— по принадлежности к так называемым «элементам текста» (синтаксически не членимым синтагмам, выраженным частицами, междометиями, модальными словами; обращениям; сегментам типа именительного или инфинитива темы; парцеллятам; парантезам, представляющим собой автономные синтаксемы);

— по типу усложнителя или расширителя модели (фиксируется присутствие в предложении обособленных оборотов, вводных либо вставных синтагм, обращений, сегментированных или присоединительных конструкций, однородных рядов);

— по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию).

---

¹ Предлагавшиеся ранее другими исследователями в качестве единицы синтаксического членения стихотворного текста строка, синтагма, колон, фраза, строфа или астрофический период имеют отношение прежде всего к метрической, ритмо-мелодической и композиционной организации произведения.

Подобная комплексная характеристика предложения дополняется указанием на жанр, композицию (строфическое либо астрофическое построение), метрическую схему, присутствие переноса из строки в строку, наличие риторического приема (тропа или фигуры речи), что в конечном итоге позволяет выяснить связь структурного типа поэтического высказывания с экстралингвистическими параметрами стиха, выявить целый ряд тенденций, доказывающих вполне очевидную и тесную связь синтаксиса, метрики, строфики и жанра произведения.

Словарь помогает также выяснить активность в поэзии разных типов так называемых «сильных» позиций текста (заглавия, эпиграфа, посвящения), конструкций с прямой речью как особых синтаксических феноменов.

Концепция словаря предложена автором данной статьи, разработавшим методику представления и описания синтаксического материала русской поэзии и осуществлявшим общее научное руководство составлением словаря. Классификация и описание синтаксических конструкций проводились с опорой на традиционную для русской грамматики и отраженную, например, в академической «Грамматике русского языка» 1952–1954 гг. (том 2, части 1 и 2) под редакцией акад. В.В. Виноградова, а также во многих учебных пособиях для высшей школы типологию простых и сложных предложений, синтаксических отношений и связей, хотя для современной лингвистики характерно многообразие теоретико-методологических подходов к дефиниции и классификации предложения как основной синтаксической единицы: структурный (формальный), семантический (логический), коммуникативный (функциональный) и др. Несмотря на то что в последнее время ученых-синтаксистов всё больше привлекают семантический и функциональный аспекты анализа предложения, а модель построения пассивной грамматики постепенно вытесняется грамматикой активной (грамматикой адресата, а не субъекта речи, идея, высказанная Л.В. Щербой и развиваемая в современной лингвистике Ю.Н. Карауловым, Б.Ю. Норманом¹), было бы неверно утверждать бесперспективность долго господствовавшей структуралистской парадигмы, как и традиционной (классической) грамматики, с универсальностью, как будто очевидной простотой и доступностью ее типологии, притом что и здесь остается немало спорных вопросов, требующих своего решения и донныне. Между тем коммуникативный и семантический синтаксис не могут пока похвастаться подобной всеохватностью интерпретации синтаксических феноменов: пока специалистами в этой области описаны только отдельные семантические разновидности и коммуникативные типы предложений-

---

¹ *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999; *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию. М., 2011.

высказываний¹. Поскольку перед создателями «Синтаксического словаря русской поэзии» стояла задача фронтального описания всех синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами, авторами словаря в качестве главной была выбрана традиционная грамматическая типология простых и сложных предложений. Кроме того, выбор в качестве теоретико-методологической основы изучения поэтического синтаксиса классической модели обусловлен и необходимостью выяснения активности разных типов синтаксических связей в структуре предложения, строки и строфы, поскольку словарное описание большого фонда конструкций позволяет проверить и уточнить полученные в начале нынешнего столетия стиховедами (например, Т.В. Скулачевой, М.И. Шапиром²) наблюдения: например, о значительном преобладании в стихе связей и отношений сочинительного характера или о том, что классицистическая «синтаксическая» фраза сменяется романтической «асинтаксической», поскольку с течением времени увеличивается частотность случаев несовпадения границы предложения / предикативной части и строки, так что межстрочные связи стремятся к усилению.

Еще одним мотивом, обусловившим отказ составителей словаря от применения разработанных в рамках семантического синтаксиса моделей описания предложения, было убеждение, что выявление поверхностного, связанного с пропозициональной актантно-предикатной структурой высказывания, смысла не ведет автоматически к интерпретации смысла глубинного, то есть семантики целого текста, изменчивой при каждом новом восприятии произведения тем или иным читателем. Как показали, в частности, наблюдения С.Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста ... Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай»³.

---

¹ См., напр.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 2009; Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. М., 2006; Норманн Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М., 2013; Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М., 1974.

² Шапир М.И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31–78; Скулачева Т.В., Буякова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37–54.

³ Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014. С. 75.

Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов — их «структурное свойство»¹.

Что касается использования в качестве процедурной основы синтаксического словаря тема-рематического (актуального) членения высказывания, изучаемого коммуникативной грамматикой, то заметим, вслед за Б.В. Томашевским, Т.И. Сильман и И.И. Ковтуновой, что лирическое стихотворение строится как размышление на заданную тему, подаваемую «в различных вариациях»², обрастающую все новыми и новыми ассоциациями, а потому представляет собой «сплошную сложно организованную рему (предикат). Если в отдельных предложениях лирического текста допустить возможность внутреннего членения на тему и рему, то такое членение будет занимать иерархически подчиненное положение и с точки зрения семантики целого явится второстепенным»³. Поэтому строить цепочки тема-рематических доминант на материале малых стихотворных жанров — дело, не адекватное самой сущности лирического рода, и подобная операция могла бы быть осуществлена в рамках отобранных для синтаксического словаря стихотворных текстов малых и средних жанров разве что на примере сатирических, басенных и идиллических текстов как произведений лиро-эпических по своей природе.

Примененная в настоящем лексикографическом опыте традиционная грамматическая классификация, разумеется, давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта нередко приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями — примерами как структурной, так и семантической контаминации (конденсации, «компрессии» лирического текста, создаваемого по принципу «как можно короче и как можно полнее»⁴). Поэтическому тексту вообще свойственна неопределенность⁵, в силу «повышенной» (согласно терминологии, использованной в «Поэтическом синтаксисе» И. И. Ковтуновой) его предикативности, сконденсированности передаваемой информации в рамках малой формы.

Синтаксический строй русского языка необычайно сложен и разнообразен, что уже само по себе обуславливает широкий спектр

---

¹ Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 424; см. также: Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.

² Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 231. Ср. с точкой зрения Т.И. Сильман: «Принцип лирического поэта: “Еще, еще раз о том же самом!” (в отличие от основного принципа эпического повествования: “Вперед, дальше, к новым фактам, к новым событиям!”)» См.: Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 139–140.

³ Ковтунова И.И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. М., 2005. Т. 1. С. 286.

⁴ Сильман Т. Заметки о лирике. С. 33.

⁵ См.: Ковтунова И.И. Синтаксис поэтического текста. С. 277–278.

традиционных и новых аспектов анализа синтаксической ткани речевого произведения, а также неоднозначность, подчас противоречивость лингвистических трактовок одного и того же грамматического феномена. В процессе разработки теоретико-методологической основы и методики составления синтаксического словаря принятия специальных решений требовали, например, многие до сих пор остающиеся дискуссионными проблемы синтаксической типологии¹.

Следует, вероятно, особо остановиться на проблеме неодинакового или «странноватого» оформления одной и той же конструкции (не с точки зрения современной пунктуационной нормы, разумеется, а с точки зрения выражаемого поэтической фразой смысла при ее структурно-грамматическом членении подобной расстановкой знаков препинания) в изданиях сочинений выбранных для разбора авторов, что приводит к колебаниям, неясности, мешающей принятию твердого решения при квалификации предложений. Научное исследование языка художественного произведения «немыслимо при пользовании неудовлетворительным, прежде всего неточным, текстом»², поскольку, по замечанию поэта, «каждый знак препинания рождается не случайно, а медленно кристаллизуется в сложном, как мир, называемом лирическим стихотворением»³. Современный читатель и исследователь художественного наследия XVIII в. может и не подозревать, насколько поэтическая пунктуация этой эпохи была тесно связана с риторикой (мелодикой, паузированием⁴, интонацией фразы, логикой авторской мысли), ритмо-метрической схемой, а не только (и, может быть, не столько с грамматической формой фразы) — как, впрочем, и сами синтаксические размышления оказывались частью не грамматик, а руководств по красноречию еще и до начала следующего столетия. Интонационная нагруженность знаков препинания позволяла писателю ставить запятую внутри однородного ряда перед однократным союзом *и*, разделять группу

---

¹ См. подробнее: Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Третьяковский. СПб., 2017. С. 14–19.

² Чернышев В.И. Язык и стиль стихотворений Е.А. Баратынского // Чернышев В.И. Избр. труды: в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 115.

³ Белый Андрей. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 211.

⁴ Так, Е. Филомафитский предложил целую иерархию пунктуационных знаков в зависимости от их разделительной силы и продолжительности подчеркиваемой паузы: тире, запятая, запятая+тире, точка с запятой, двоеточие, восклицательный знак, вопросительный знак, точка (см.: Филомафитский Е.С. О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности // Сочинения в прозе и стихах. Труды общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М., 1822. Ч. 2. 106 и след.). Похожие замечания о продолжительности паузы для каждого знака мы находим и в грамматиках Н.И. Греча. См.: Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. С. 564; А.Х. Востокова. См.: Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1831. С. 317.

подлежащего и группу сказуемого; точка с запятой могла разграничивать паузой главную и придаточную части, а также сочинительный ряд сказуемых¹; двоеточие могли ставить не только в случае дальнейшего обоснования, пояснения мысли, но и при со- и противопоставлении, резюмировании; активно употреблять тире, вопросительный и восклицательный знаки для выразительного эмоционального интонирования². Отсюда — обилие знаков-сигналов не столько грамматического членения, сколько движения поэтического чувства и мысли. Правда, эта часто индивидуально-авторская черта, составляющая наряду с другими речевыми особенностями лицо идиостиля (например, у Тредиаковского, Державина, Радищева, Карамзина), как и позже традиционно-лирическая, пунктуация в собраниях сочинений классиков русской литературы, зачастую подвергается модернизации под влиянием современных издательских пунктуационных норм (подобному искажению авторская воля в расстановке знаков препинания могла подвергаться и в еще прижизненных публикациях). Кроме того, и сама синтаксическая структура сложного поэтического высказывания XVIII в., допускавшая, например, диффузию, взаимопроникновение главной и придаточной частей, многочисленные эллипсисы, инверсии, не позволяет всегда интерпретировать текст в рамках позднейшей грамматики. Динамическая графика ломоносовского и карамзинского времени, становящаяся, испытывающая борения, к какому полюсу примкнуть (не регламентированная какими бы то ни было правилами и более скудная по количеству и частоте использования знаков древнерусская пунктуация, как и более свободная французская, опирающаяся на логико-семантический принцип гораздо более, чем на формально-грамматический, в качестве возможных авторских ориентиров противостояли строгим немецким образцам пунктуационного оформления текста, возобладавшим в позднейших русских грамматических руководствах), в эту переломную эпоху могли «выступать в качестве знаков культурного самосознания или даже ... становиться полем индивидуального творчества, имеющего идейную и художественную значимость»³.

Материал для словаря извлекался из наиболее авторитетных изданий — собраний стихотворений, изданных сотрудниками АН СССР, РАН, прежде всего в рамках «большой серии» «Библиотеки поэта».

---

¹ Например: *Из них шумят ключи и токи многих вод; Поют лице земли, плодом обогащают; Приятные сады и доли орошают* (Ломоносов).

² См. подробнее: *Перцов Н.В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // *Вопросы языкознания.* 2008. № 2. С. 50–52.

³ *Лотман Ю.М., Толстой Н.И., Успенский Б.А.* Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.* 1981. Т. 40. № 4. С. 322.

Создатели словаря, доверяя проделанной коллективом издателей этих ценных собраний огромной работе по редактированию и окончательному выбору той или иной версии произведения, не ставили перед собой специальной текстологической задачи сверки напечатанных стихотворений с сохранившимися рукописями поэтов, отражающими авторскую волю, однако, даже если бы такая работа была дополнительно проведена, и это не дало бы стопроцентно надежного результата, поскольку пунктуационные нормы подверглись строгой регламентации достаточно поздно (впервые сколько-нибудь последовательно и подробно — в «Русском правописании» Я.К. Грота 1873 г.); к тому же, не все поэты очень уж ревностно и внимательно относятся к расстановке знаков препинания в своих творениях — достаточно вспомнить известный пример с оформлением начала пушкинского «Евгения Онегина», до сих пор получающего разноречивые толкования в среде литературоведов и текстологов¹.

Материалы словаря дают, как надеются его авторы-составители, простор для разнообразных жанровых, метрических, композиционных, идиостилевых сопоставлений, поскольку «в руках чуткого критика словари — ключи к тайнам духа поэтов»², по образному высказыванию Андрея Белого. Синтаксический словарь, общий объем выборки в четырех томах которого составил более 14 тысяч предложений, предоставляет богатые возможности для будущих исследователей истории русского литературного языка, диахронической стилистики и лингвопоэтики. Проведенные наблюдения уже позволили прийти к важным заключениям³, касающимся функционирования разных видов конструкций в границах тех или иных стихотворных жанров, о связи типа синтаксического построения текста с архитектурой (строфикой) и метрикой произведения, а также уточнить некоторые особенности индивидуально-авторского слога на синтаксическом уровне.

---

¹ См. подробнее: *Гринбаум О.Н.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая. СПб., 2012. С. 30–41.

² *Белый А.* Поэзия слова: Пушкин. Тютчев. Баратынский. Вяч. Иванов. А. Блок. Пг., 1922. С. 7.

³ См. подробнее: *Патроева Н.В.* Синтаксис русской поэзии XVIII века в связи с метрикой, строфикой, жанром стихотворения // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 20–41.

**ИСТОЧНИКИ
ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ**

А.С. Щекин

**МЕЖЕВЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVI–XVII ВВ. КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА¹**

Диахроническое изучение русской фитонимической лексики, включающей в себя названия различных растений, является одним из аспектов исторической лексикологии русского языка. Анализ употребления фитонимов в письменных документах позволяет расширить знания об истории отдельных слов русского языка, представить одну из важных лексико-семантических групп в ее развитии, выявить закономерности ее пополнения новыми лексическими единицами. В настоящее время группой исследователей под руководством старшего научного сотрудника ИЛИ РАН Валерии Борисовны Колосовой осуществляется научный проект «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)», предусматривающий создание электронной базы данных фитонимической лексики русского языка указанного периода.

Важными источниками, содержащими обширный пласт фитонимической лексики, являются деловые письменные памятники Московской Руси, относящиеся к различным аспектам землевладения и землепользования, в частности, к установлению границ между земельными участками (межеванию). Среди таких документов находятся межевые записи, разъезжие и деловые грамоты, отказные книги и другие тексты, принадлежащие к этому жанру деловой письменности. Поскольку деревья и кусты часто служили местами нанесения межевых знаков, такого рода документы содержат большое число употреблений фитонимической лексики. В пользу важности межевых документов для истории фитонимов русского языка свидетельствует то, что межевые документы, как правило, имеют точную датировку и географическую привязку к определенному

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант 17–06–00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)».

региону, что позволяет определить ареал как слова, так и обозначаемого этим словом растения.

Использование в статье общего определения *межевые документы* для обозначения этой группы источников связано с тем, что классификация деловой письменности XV–XVII вв., выделение внутри нее различных видов и жанров до настоящего времени являются предметом дискуссии среди ученых, историков и лингвистов (обзор разных точек зрения на эту тему приведен, в частности, в работе С.С. Волкова¹). В особенности это касается актового делопроизводства. Так, принятые среди историков классификации чаще всего разделяют акты на публичноправовые (исходящие от государственной власти) и частноправовые; также выделяются документы, занимающие промежуточное положение между этими двумя категориями². Более детальные классификации актов документов предлагались различными историками, в частности, С.А. Шумаковым, А.А. Зиминым, Л.В. Черепниным (их обзор приводится в работе Л.М. Черепнина³).

В процессе работы над базой данных по древне- и старорусской фитонимии вопрос о жанровой принадлежности межевых документов приобретает практическое значение. В число полей, по которым должен осуществляться поиск, входят жанр (в данном случае ему соответствует наиболее общая формулировка *деловая письменность*) и тип жанра (то есть подраздел, к которому принадлежит каждый конкретный документ). Сами же документы, фиксирующие границы между земельными участками, могут носить разные названия: межевые записи, разъезжие и деловые грамоты, отказные книги и т. д. Согласно мнению С.М. Каштанова, в детализирующей классификации «обязательно использование современной актам номенклатуры в наиболее точном ее смысле», при этом акты должны распределяться по группам согласно их целевому назначению⁴. Целевым назначением названных выше документов является помимо установления права собственности на землю также определение границ земельных участков, что позволяет дать им общее наименование *межевые документы*.

Что касается собственно лингвистической значимости межевых документов в аспекте исторического исследования лексики русского языка, то они, как правило, имеют точную датировку (в пределах небольших промежутков времени) и географическую привязку к определенному региону (иногда вплоть до деревни), а также содержат

---

¹ Волков С.С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века. На материале челобитных. СПб., 2006. С. 14–19.

² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть вторая. М., 1951. С. 59–64.

³ Там же. С. 60–64.

⁴ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 24.

сведения о лицах, составлявших документ. Так, например, в «Межевой записи старцев Александро-Свирского монастыря Пимена, Макария и Панкратия о разделе спорной земли между крестьянами Кондуской волости Федором и Сидором Даниловыми и Федотом Федоровым» (1623 г.) названы место и время составления документа, лица, производившие межевание: *130го году августа въ 10 день по приказу Александровы пустыни игумена Федорита с братею и по челобитю Кондуской волости крестьян Фетки да Сидорка Даниловых да Федотка Федорова конюшеи старецъ Пиминъ да Макарей да старецъ Понкратей ставъ на спорной землѣ на Пючелской пожни ... между меж ими розвели* (Меж. зап. старцев: 1)¹, а также писец, составивший документ: *А записку между записаль Кондуской волости Архангельской дьячокъ Пятушка Федоровъ* (Меж. зап. старцев: 1). Дальнейшие разыскания позволяют отождествить названные в документе географические объекты с деревней Кондуши, которая в составе Кондушской (Кондуской) волости входила в XVI–XVII вв. в состав Пиркинского (Пиркиничского) погоста Обонежской пятины Новгородской земли. Храм Архангела Михаила, в котором, как можно предположить, служил писец Пятушка Федоров, упоминается уже в Писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1563 года: *Дер[евня] в Кондушах же, а ныне еи зовут Парфиевицына: двор бошой, живут помещыки Ондрей Завалишин з братею, и против усадиша поставлен храм Собор архангила Михаила* (Писц. кн. Обонеж. пят.: 77). Согласно данным более поздних писцовых книг, в 1580–1581 гг. эта церковь была сожжена шведами в ходе Ливонской войны, а затем заново отстроена с тем же посвящением престола². С 1618 г. в Кондушах располагался центр вотчинной Архангельской Кондушской волости Александро-Свирского монастыря³.

Таким образом, межевые документы часто позволяют достаточно уверенно устанавливать ареал как слова, так и стоящего за этим словом

---

¹ Здесь и далее в тексте статьи цитаты из источников воспроизводятся с упрощением графики, согласно правилам, принятым в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (см.: СОРЯ 1: 16). Полностью и с сохранением всех особенностей орфографии и пунктуации текст «Межевой записи старцев Пимена, Макария и Панкратия» приводится в приложении к настоящей статье как пример межевого документа.

² Жуков А.Ю. Погосты, волости и приходы Карелии (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — середины XVIII вв.) // Разработка геоинформационного комплекса по истории системы расселения на территории Карелии [Электронный ресурс URL <http://illhportal.krc.karelia.ru/project.php?id=502&plang=r>]. С. 127–128.

³ Жуков А.Ю. Большой Двор (центр вотчины) — Усадище (центр поместья) — погост (центр волости) (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — начала XVIII вв.) // Разработка геоинформационного комплекса по истории системы расселения на территории Карелии [Электронный ресурс URL <http://illhportal.krc.karelia.ru/project.php?id=502&plang=r>]. С. 109–110.

понятия, в данном случае — связанного с растением. Также эти документы являются оригинальными, а не переводами с других языков, они создавались на территории Московской Руси и отражают реалии, характерные именно для русских земель, а не для далеких экзотических стран. Так, в названной выше «Межевой записи старцев Пимена, Макария и Панкратия» в качестве носителя межевых знаков упоминается ива — растение, широко распространенное на территории Северной и Средней России: *И вперед для спору над ручьем в ывы узел связань а другои узел против того узла у старои изгороды в ывовом же в кусту* (Меж. зап. старцев: 1).

Как отмечает Л.В. Черепнин, уже с начала XV в. в актах землевладения при обозначении границ земельных участков наряду с так называемой «глухой» формулой типа *куда топор, и коса, и соха ходила*, встречается и «отвод» (точное указание границ участка), причем со второй половины XV в. указание на отвод приводится уже значительно чаще¹. Соответственно был выработан определенный формуляр описания границ участков, весьма незамысловатый с точки зрения выбора языковых средств. Основными компонентами такого описания являются предлоги *от* (с род. п.) или *с* (с род. п.), указывающие на исходный пункт измерения, и предлоги *на* (с вин. п.), реже *к* (с дат. п.), указывающие на конечный или промежуточный пункт; при этом текст практически полностью может состоять из предложно-падежных сочетаний. Ср. пример из «Полюбовной разъезжей Ивана Иевля Изнарафтова великокняжеской земле деревни Пироговской починка Микулина Федора Филисова с троицкой землей села Присецкого починка Поговорина Вошаницы [в Бежецком Верхе]» (1505–1506 гг.): *А межа межъ теми деревнями от Кулигинского врага от ямъ перегородю на ямъ, от ямъ перегородю к вороцом на ямы, от воротецъ перегородю на сухую березу на грани и на ямы, от березы перегородю на ямы, от ямъ перегородю на ямы да на пень на еловои на грань и на ямы, от еловово пни перегородю на березу на грань и на ямы, от березы перегородю на уголь на еловои пень на грань и на ямы, а си еловово пни с перегороды с угла на ямы, от ямъ на еловои пень на грань и на ямы, от еловово пни на еловои пень на грань и на ямы, а от елово пни на ямы, от ямъ на березу на грань и на ямы, а от березы на ель на грань, от ели на ель на грань и на ямы, а от ели на враг на Емельяновскои* (АРГ: 12).

Что же касается анализа фитонимической лексики межевых документов, указанные выше структурные особенности текста приводят к наличию многочисленных однотипных сочетаний с одинаковым лексическим наполнением, как, например: *на вымле вольха, на вольхе грань, у грани ямы; от камени перегородю ж к рѣчке Краснои на две вольхи, на вольхах грань, у грани ямы; от камени на березку, на березке грань, у грани ямы* в «Разъезжей Дмитрия Кожухова земле угличского князя Дмитрия Ивановича деревень

---

¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. С. 68.

села Павловского с троицкой землей деревень села Прилуцкого в Угличском уезде» (1505–1506 гг.) (АРГ: 13–14). При представлении такого рода лексики в историческом словаре русского языка показ всего цитатного материала является совершенно излишним и может только затруднить читателю работу со словарем. Однако формат электронной базы данных дает возможность показать все употребления фитонимической лексики в памятнике, что позволяет, например, проводить статистический анализ частотности той или иной лексемы в одном отдельном источнике или группе источников, объединенных общей жанровой принадлежностью, происходящих из одной и той же местности или же отобранных по какому-либо другому принципу.

Так, если сравнить два документа, созданных в Угличском уезде в 1505–1506 гг., то можно установить некоторые закономерности. Встречающиеся в названной выше «Разъезжей Дмитрия Кожухова земле угличского князя Дмитрия Ивановича деревень села Павловского с троицкой землей деревень села Прилуцкого в Угличском уезде» (1505–1506 гг.) (АРГ: 13–14) названия деревьев по частотности распределяются следующим образом: *ель* — 15 употреблений, *ольха* (фонетический вариант *вольха*) — 11, *сосна* — 8, *береза* — 6, а также уменьшительное *березка* — 3, *клен* — 3. Из прилагательных, образованных от названий деревьев, наиболее частотным оказывается *сосновый* — 4 употребления, по одному употреблению зафиксировано для прилагательных *дубовый* и *еловый*. В другом документе, большем по объему, составленном тем же Дмитрием Кожуховым — «Разъезжей Дмитрия Кожухова троицкой земле села Прилуцкого с волостными землями угличского князя Дмитрия Ивановича починка Драчовского и др. и с землей Николо-Улейминского монастыря Ратмировской и др. вблизи Кашинского рубежа [в Угличском уезде] (1505–1506 гг.)» (АРГ: 14–16), — соотношение лексем по частотности следующее: *ель* — 66 употреблений, *ольха* (фонетический вариант *вольха*) — 36, *береза* — 25, *дуб* — 15, *липа* и *сосна* — по 6, *ива* и *осина* — по 3. Из прилагательных, образованных от названий деревьев, наиболее частотным оказывается *еловый* — 10 употреблений, затем идут *березовый* — 5 употреблений, *ольховый* — 2 употребления, по одному употреблению зафиксировано для прилагательных *липовый* и *сосновый*. Это позволяет сделать вывод о значительном распространении ели и ольхи в Угличском уезде в начале XVI века.

Из рассмотренных в статье частных особенностей можно сделать общий вывод о том, что межевые документы XVI–XVII вв., устанавливающие границы между земельными участками, хотя и подчинены правилам формуляра, характерного для этого жанра деловой письменности, а также ограничены в выборе лексических средств, тем не менее вполне могут стать важными источниками для исследования фитонимической лексики русского языка в диахроническом аспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975.
- Меж. зап. старцев — Межевая запись («записка») старцев Александро-Свирского монастыря Пимена, Макария и Панкратия о разделе спорной земли между крестьянами Кондуской волости Федором и Сидором Даниловыми и Федотом Федоровым. СПБНИИ РАН НИА Ф. 3 (Акты Александро-Свирского монастыря), оп. 1, карт. 1, ед. хр. 17, 10 августа 1623 г., 1 сстав.
- Писц. кн. Обонеж. пят. — Материалы по истории народов СССР. Выпуск 1. Материалы по истории Карельской АССР. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–7. СПб., 2004–2016 (издание продолжается).

Приложение

Межевая запись («записка») старцев Александро-Свирского монастыря Пимена, Макария и Панкратия о разделе спорной земли между крестьянами Кондуской волости Федором и Сидором Даниловыми и Федотом Федоровым

СПБНИИ РАН НИА Ф. 3 (Акты Александро-Свирского монастыря), оп. 1, карт. 1, ед. хр. 17, 10 августа 1623 г., 1 сстав (на поле карандашная цифра 17).

В публикации воспроизводятся все графические варианты букв, но без диакритических знаков. Пропущенные буквы не восстанавливаются. Выносные буквы вносятся в строку курсивом. Имена собственные даются с прописной буквы (в оригинальном документе они никак не выделяются). Пунктуация оригинала сохраняется. Знак | обозначает конец строки.

рѣла 2w году августа въ ї день по прикасу Алеѣандровы пустыні |
јгумена Ѳедорита с¹ братею и по челобитю Кондускоі волості крес|тъян
Ѳеткі да Сидорка Даніловых да Ѳедотка Ѳедорова коню|шеі старецъ
Пимінъ² (да Макареі)³ да старецъ Понкратеј ставъ на | спорноі землѣ на
Пючелскоі пожни поставя пред собою их јзлюблен|ную правду на кого
wnѣ обое исцы слаліс из виноватых | в правду Васку Юрьева⁴ и спрошалі у
него по гсдрву цѣрву ј велі|кого кнѣзя Михаила Федоровича всеа Руси
крестному цело|ваню и по старожилцовы скаскі Васкі Юрьева куда wn |
укасал между меж имі розвелі⁵ з горноі стороны от волості | от Миніноі

¹ По начертанию больше похоже на букву *и* (*с*, обращенное в левую сторону).

² Буква *ъ* по начертанию близка к *ь* (верхняя петля почти вертикальная).

³ Вписано над строкой.

⁴ Буквы *ев* написаны неразборчиво.

⁵ Буквы *в* и *д* в рукописи в ряде случаев близки по начертанию, здесь предпочтительным представляется чтение буквы как *в*.

пожні Федорова *от* сиверної сторони по старої ізгороди по лівую руку земля и пожня Федорка | да Сидорка Даніловых а по правую руку Федотова *пож*ня на концы *пожні* спорное мѣсто по их излюбю роздѣлили | пополам и изгороду им велѣли поставити | на *межи* для признаку і вперед для спору над ручьем¹ в бывы узел связань | а другої узел против того узла у старої изгороди в *ыво*вом же в кусту а на *межи* были *тоуж* Кондускої волості | Чюдотворцовы крестьяня Иванко Васильевъ да Ждан | Юрьевъ да Федосѣи Федоровъ а записку *межи* | записаль Кондускої волості Архангельской² діячокъ | Патушка Федоровъ

На обороте сстава написано:

К *сеи* записки Архангельской попь Ермолаище Федоров | в дѣтеи своих дѣвчих³ | мѣсто руку приложил.

---

¹ У буквы ь ломаная вертикальная линия, отклоняющаяся вправо, возможно и чтение как ъ.

² Лигатурное написание букв *арх*.

³ Так в ркп.

Т.Д. Коркина

КЕВРОЛЬСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ КНИГА 1710 г. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Документация внутренних таможен русского государства XVII–XVIII вв. представляет собой ценный научный источник, привлекающий внимание ученых с середины XIX в. Первыми работами, посвященными таможенным книгам XVII–XVIII вв., являются статья В. Борисова о торговле Юрьева-Польского в 1683–1684 гг., изданная во «Владимирских губернских ведомостях» 1858 г., и фрагменты таможенных книг Нижнего Новгорода 1722 г. и Макарьевской ярмарки 1724 г., опубликованные в 1849 и 1851 гг. И.Д. Беляевым во «Временнике Императорского Московского общества истории и древностей российских»¹.

В XX в. таможенные документы стали более активно изучаться как источники по экономической истории России (исследования К.В. Базилевича, Ю.В. Готье, Б.Б. Кафенгауза, А.А. Кизеветтера, Е.Н. Кушевой² и др.), как источники изучения системы таможенной службы³,

---

¹ *Раздорский А.И.* Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. С. 5–6.

² *Базилевич К.В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения: сб. 1 / Труды Историко-археографического института АН СССР. М., 1933. Т. 9. С. 110–129; *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения: сб. 2. М.–Л., 1936. С. 71–90; *Готье Ю.В.* К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII столетии // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: сб. ст., посвящ. С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 454–461; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутр. таможен). М., 1958; *Кафенгауз Б.Б.* Таможенные книги XVIII века // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 127–137; *Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909. С. 76–102; *Кушева Е.Н.* Торговля Москвы в 30–40-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 44–104; *Кушева Е.Н.* Материалы астраханской таможни как источник по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв. // Из истории экономической и общественной жизни России: сб. ст. к 90-летию академика Н.М. Дружинина. М., 1976. С. 261–272.

³ *Балковая В.Г.* Таможенная служба в системе управления российского государства XVI–XVIII вв. Владивосток, 2011.

как источники по истории торговли (работы Ю.А. Мизиса, А.И. Раздорского¹ и др.). А.И. Раздорским представлен общий обзор таможенных книг XVIII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (Москва)². В последние годы по инициативе А. И. Раздорского проводятся международные научные конференции, посвященные различным аспектам истории торговли, купечества и таможенного дела России XVI–XIX вв. (Санкт-Петербург, 2001; Курск, 2009; Коломна, 2013; Нижний Новгород, 2017), в которых принимают участие и лингвисты.

Внимание лингвистов на таможенные книги XVIII в. обратил С.И. Котков, подчеркнув, что «всестороннее исследование этих источников могло бы существенно содействовать познанию русского языка XVIII в., особенно его словарного состава»³. Лингвистическому исследованию таможенных документов XVII–XVIII вв. разных территорий Русского государства посвящены работы А.Н. Качалкина, Н.С. Котковой, М.В. Мордкович, Ю.И. Чайкиной, С.Н. Смольникова, Е.А. Сивковой, Ю.Г. Захаровой, О.В. Бараковой, Ю.В. Кириллова⁴ и др. Комплексный

---

¹ *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006; *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; *Раздорский А.И.* Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии; *Раздорский А.И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011 и др.

² *Раздорский А.И.* Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // *Археографический ежегодник за 2005 г.* М., 2007. С. 394–462; *Раздорский А.И.* Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй международной научной конференции / Сост. А. И. Раздорский.* Курск, 2009. С. 9–21.

³ *Котков С.И.* Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // *Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р.И. Аванесова.* М., 1972. С. 143.

⁴ *Качалкин А.Н.* Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии // *Славянская филология.* М., 1973. Вып. 9. С. 18–23; *Коткова Н.С.* Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. // *Источники по истории русского языка.* М., 1976. С. 38–50; *Мордкович М.В.* Типы лексических замен в Архангельской таможенной книге 1719 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000; *Чайкина Ю.И., Смольников С.Н.* Таможенная книга Великого Устюга 1751–1752 годов как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII века // *Великий Устюг: краеведческий альманах.* Вып. 2. Вологда, 2000; *Сивкова Е.А.* Тексты «Троицкой таможни» конца XVIII — середины XIX в. как лингвистический источник (палеографический, графический, орфографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999; *Захарова Ю.Г.* Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2002; *Баракова О.В.* Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав: На материале таможенных книг Московского государства: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004; *Кириллов Ю.В.* Псковские таможенные книги как лингвистический источник (общерусские и местные особенности в аспекте становления языковых норм): дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2009.

лингвоисточниковедческий анализ таможенных документов Русского государства первой половины XVIII в. проведен И.А. Малышевой¹.

Несмотря на то что «таможенные книги XVII–XVIII вв. относятся к числу памятников деловой письменности, наиболее обстоятельно охарактеризованных с позиций лингвистического источниковедения»², некоторые региональные таможенные документы остаются неисследованными или малоизученными. Между тем, обращение к подобным памятникам поможет сделать более полным и достоверным описание языкового ландшафта первой четверти XVIII в., в том числе диалектного.

Интересным в этом отношении источником, позволяющим дополнить сведения о функционировании отдельных лексических единиц (в том числе и региональных) в русском языке XVIII в., является комплекс таможенной документации (таможенные и кабацкие книги) кеврольской таможи первой четверти XVIII в.³ Данные памятники содержат богатый лексический материал, отражающий особенности быта данной местности (что проявляется не только в собственно бытовой и промысловой лексике, но в значительной степени в метрологических и торгово-счетных единицах). В результате изучения такого лексического материала удалось выявить новые данные для исследования словарного состава русского языка XVIII века: лексические единицы, не получившие фиксации ни в СРЯ XVIII, ни в КС XVIII, более раннюю хронологию некоторых слов, не отмеченные в словарях значения и особенности употребления⁴.

---

¹ *Малышева И.А.* Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

² *Смольников С.Н.* Таможенные книги Устюга Великого 1748/49 и 1751/52 гг. как памятник русского языка // Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в. / Великоустюг. центр. архив, Великоустюг. Историко-архитектур. и худ. музей-заповедник, Сев. отд.-ние археограф. Комиссии РАН / Сост.: Г.Н. Чебыкина (отв. ред.), М.С. Черкасова. Вологда, 2012. С. 408.

³ Кеврольский уезд с центром в городе Кеврола располагался по среднему и верхнему течению реки Пинега. Известно, что Кеврола (Кевроль, Кегроль, Кегрола) — одно из самых древних поселений на реке Пинега (упоминается уже в Уставе Святослава Ольговича о порядке сбора церковной десятины 1137 г.). Как самостоятельная административная единица Кеврольский уезд был выделен в первой четверти XVII в. (в 1616 г.). До этого входил в состав Новгородских земель, а после присоединения Новгорода к Московскому государству во второй половине XV в. (1478 г.) находился в составе Двинской земли до 1616 г.³, т. е. до того, как Двинская земля была поделена на уезды. В XVII в. уезд состоял в ведении Новгородской четверти и управлялся воеводой (который одновременно управлял Кеврольским и Мезенским уездами). В конце XVII — начале XVIII в., по данным Я.Е. Водарского, в состав Кеврольского уезда входила 21 волость (Подробнее об административном делении Кеврольского уезда см.: *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 238–239).

⁴ См.: *Коркина Т.Д.* Памятники региональной деловой письменности первой четверти XVIII века как лингвистический источник (на материале кеврольских таможенных книг): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.

В данной статье рассматривается самая ранняя из обнаруженных на сегодняшний день кеврольская книга — книга 1710 г. (далее — ТК 1710)¹. Рукопись небольшого объема состоит из пяти сшитых между собой тетрадей по 8 листов формата «в десть» каждая, не имеет твердого переплета, листы сильно обтрепаны по внутреннему краю. Перед первой тетрадью — два титульных листа, сильно поврежденные, но отреставрированные (наложены на новый лист), содержат название общего тома (<Кн>ига кеврольскогw таможенногo бѣрмистра Василья Шулгина <с то>варыщи 1710 годъ²), архивные пометы; к последней тетради подшит один пустой лист с архивными пометами — «по Архивъ № 95». Пагинация в книге буквенная, рядом карандашом поставлена архивная цифровая. Филигрань плохо просматривается, напоминает «герб семи провинций Бельгии»: представляет собой изображение коронованного льва, держащего в правой лапе меч, в левой — пучок стрел по количеству провинций³. Данную филигрань определяют как знак, характерный для второй половины XVII века, однако исследователи сибирских документов отмечают, что она встречается и в начале XVIII в., «наиболее поздняя филигрань отмечена в документе 1710 г.»⁴.

Скрепки по правому краю листа принадлежат кеврольскому земскому бурмистру Григорею Попову (*кеврл⁵ – ской – земь – ской – бурми – стрь – Григорей – Попов*) и бургомистру Ивану Ушакову (*бур – го – ми – стрь – Иван – Уша – ко – вь*). По нижнему краю скрепки поставлены таможенным бурмистром Василием Шульгиным: *к сеі – кеврол – ского – тамо – женногo – збору – книге – кеврол – ской – тамо – жен – ной – и кру – жеч – ного – двора 710 г – году – бур – ми – стрь – Ва – силей – Шулъ – гинъ – ру – ку – при – ло – жилъ*; в книге кружечного двора: *к сеі винному приему і куреню – и продажеі пивнымъ варенямъ – збору питеинные – прибыли книге – кеврольской таможенной – и кружечного двора – 710 г году бурмистръ Василей Шульгин – руку – прило – жилъ*.

Рукопись написана двумя писцами. Имена писцов неизвестны, поскольку писцы «не несли ни материальной, ни административной ответственности», «не называются в списках служителей, выбранных для

---

¹ Книга хранится в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург), ф. 10 «Архангелогородская губернская канцелярия», оп. 3. № 94. 43 л.

² В цитатах из книги выносные буквы показаны отсутствием курсива, буквенные обозначения чисел заменены цифровыми.

³ Христосенко Г.А. Палеографический альбом (учебный сборник снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII — первой половины XVIII веков) / Под ред. Н.А. Цомакион. Чита, 1973. С. 8–9.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Так в ркп.

сбора таможенных пошлин в том или ином году»¹. На полях имеются пометы, сделанные ровным почерком, отличным от почерка самих записей, чернила бледные: *ростисаны пошлины гривенные особо* (л.8), *писаны в выметку*² *по полтретя алтына с рубля* (л.10), *писаны в выметку что по полтретя алтына с р<у>бля* (л.12), *гривенные написаны особо* (л.12об.) и под.

ТК 1710 написана скорописью, характерной для письма конца XVII — первой половины XVIII в.: разное написание одних и тех же букв у одного писца, наличие большого количества выносных букв, слов под титлами, буквенное обозначение чисел, употребление уже редких в скорописи XVIII в. букв (џ, ѡ, ѣ и др.), беспорядочное и крайне редкое использование заглавных букв и знаков препинания, отсутствие промежутков между служебными и знаменательными словами и др. Состав алфавита в основном соответствует общероссийскому алфавиту гражданского письма того времени.

В состав ТК 1710 входят две книги.

1) *Книга кевролского таможенного зборѸ кевролского таможенного и крѸжечного двора 710 г году бѸрмистра Васильѡ ДосѸева сына ШѸльгина с товарищи* (лл.3–31об.). На лл.3–17об. — записи регистраций таможенных сборов непосредственно кеврольской таможни, собственноручные подписи торговцев, в конце — записи о том, сколько всего собрано в Кевроле «оприч уезду» в 1710 г. таможенных и пивоявочных пошлин. После записей итоговых годовых сборов кеврольской таможни на том же листе (л.17об.) тем же почерком под заголовком *Да в Кевролскомъ уѸзде въ 710 м году в волостях у целовалниковъ что собрано таможенного збору а у соѸкихъ и у зборщиковъ с товарищи спивявочныхъ пошлинъ и то писано ниже сего* идут подряд записи сборов таможенных и пивоявочных пошлин волостных таможен, сделанные одним почерком. Подзаголовки: *Чаколского таможенного збору целовалника Семена Кузнецова* (л.18). *Перемского таможенного збору целовалника Поликарпа КорѸлиных* (л.19об.). *<Пилъ>егорского таможенного збору целовалника <М>ихаила Старкова* (л.22). *Сурского таможенного збору целовалника Захара Заборскихъ* (л.28об.), *Нюхченского таможенного збору целовалника Карпа МатвѸева* (л.29). *Выиского таможенного збору целовалника АндрѸа Кузнецова* (л.30). На л.30об. без заголовка идут записи таможенных сборов малопинежской таможни.

2) Книга кружечного двора — *Книга кевролского таможенного i кабацкого бѸрми<стра> Васильѡ ШѸльгина с товарищи винномѸ приемѸ <и к>Ѹренью и пивнымъ вареньямъ зборѸ питѸйные <п>рибыли* (лл.32–41об.) — написана другим почерком, содержит записи регистраций,

¹ *Мальшева И.А.* Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения. С. 45.

² *Выметка* — ‘вычисление, смета, перечень’ (СлРЯ XI–XVII 3: 222).

производимых непосредственно на кеврольском кружечном дворе, и записи о том, сколько в *Кеврольскомъ уѣзде в волостях на кабацкѣх въ 710 м году продано винъ и что у пив собрано прибыли* (л.34).

То, что записи сборов в волостных таможенных и кабаках, находящихся в ведении кружечного двора, написаны тем же почерком, что и в книге сборов в Кевроле, представляют собой регистрацию общих итогов по волостям и следуют общим перечнем без разделения на отдельные тетради, может свидетельствовать о том, что эти части книги являются списком (копией) с черновых книг волостных таможен.

Через кеврольскую таможню провозились преимущественно товары первой необходимости и, как правило, местного производства (*хлеб своей пахоты, скот своей кормли, рыба своего улову, мех и кожи своего промыслу*) или купленные в соседних волостях, уездах и т. д. Явка денег производилась в основном с целью покупки товара, необходимого для собственных нужд (*про свой хозяйской обиход а не на продажу*). Среди лиц, зарегистрировавших свои товары, местные торговцы — посадские люди, их работники, крестьяне. Регистрации торговых операций крупных торговцев редки.

ТК 1710 как памятник местной деловой письменности является ценным источником при изучении истории русской региональной лексики. В данном памятнике отмечены наименования народных счетных единиц и вместимостей, характерные в том числе для Севера. Так, например, встречается употребление народной единицы измерения длины ткани — **локоть** ‘мера длины, равная длине руки от локтя до конца среднего пальца’ (СРЯ XVIII 11: 222) при повсеместном употреблении прочно вошедшего в русскую метрологию **аршина**: *двенатцать локот сукна сермяжного* (л.3об.), *пять сот локот холсту тонково пять сот локот холсту толстого дватцать аршинъ сукна сермяжного десять аршинъ сукна ъцины* (л.27). Данный факт свидетельствует о сохранении этой меры в русском быту, об этом же говорит то, что локтем измеряются исключительно «простые» ткани — холст, сермяжное сукно. В таможенных книгах XVII в. случаи употребления локтя в качестве метрологической единицы исключительно редки¹. В XVIII в., по наблюдениям И.А. Малышевой, более активное употребление меры **локоть** отмечается либо в таможенных документах начала века, либо в материалах небольших таможен (Мезени и Пустозерска), в книгах более крупных таможен употребления слова **локоть** единичны². Однако несмотря на закрепление слова **аршин** в качестве основной меры длины,

---

¹ *Раздорский А.И.* Мерные и тарные единицы в таможенных и кабацких книгах русских городов XVII — первой половины XVIII в. (на примере курских, белгородских, вяземских и можайских источников) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 76.

² *Малышева И.А.* Метрология тканей в таможенных книгах XVIII века // Проблемы исторической терминологии: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1994. С. 37.

согласно материалам СРЯ XVIII и КС XVIII, *локоть* употреблялся на всей территории Русского государства на протяжении всего XVIII в. (отмечено и в источниках конца столетия) (СРЯ XVIII 11: 222).

Как счетная единица сушеной рыбы отмечено слово *беремя*: *два беремьяни голов тросковых сухих* (л.14об.). Данные исторических и областных словарей говорят о северном ареале слова: в значении ‘связка, охапка (как мера)’ в том числе и как мера сухой рыбы слово *беремя* в СлРЯ XI–XVII представлено примерами преимущественно из северных памятников (СлРЯ XI–XVII 1: 146); метрологическое значение ‘связка, охапка чего-л. (чаще сухой рыбы)’ зафиксировано и в «Словаре промысловой лексики» (Сл. промысл. I: 40); изначально северный ареал подтверждает и фиксация данного слова в сибирских материалах XVII в. (Сл. Сибир. 10).

При определении веса хмеля (вес с упаковкой или чистый вес) в ТК 1710 употребляется слово *место* в значении ‘тара, упаковка’: *тавил продать ... двѣ кипы хмѣля с подбоемъ ... въсом того хмѣлю oprичь местъ дватцать осмь пуд* (л.7об.). Данное слово в таком значении отмечено и в кеврольской книге 1721-го года: *Да вн же Либеров тавиль по ... таможенной выписи ... холмогорца Василья Худякова ... в кипѣ хмеля весомъ восминатцать пудѣ и с мѣстомъ ... а по шценки целовалника ... хмѣля въсомъ шеснатцать пуд цена по четыреѣ гривны пудѣ оное число хмѣля oprоч мѣста* (ТК 1721, лл.99об.–100). Слово употребительно в северных книгах по отношению к разным товарам, измеряемым на вес, например: *Два мѣшка муки ячнви въсом с мѣсты дватцатъ осмь пуд тритцать ѳунтъ* (Архангельск, 1710). *Кипка корицы въсом 2 пуда 31 ѳу с мѣстомъ а наголо иметца быть ... 2 пуда 19 ѳунтов* (Архангельск, 1725). *Шестъ бочекъ да четыре мѣшка квасцввъ въсвм і с мѣсты девяноств пуд* (Устюг Великий, 1722)¹.

В СлРЯ XI–XVII значение ‘тара, упаковка’ у слова *место* дано по материалам северных документов, в которых оно употреблено в аналогичных с нашими контекстах (СлРЯ XI–XVII 9: 117); в СРЯ XVIII при значении ‘отдельный предмет груза, клади; тара, упаковка’ приведены примеры, иллюстрирующие в большей степени первую часть толкования (СРЯ XVIII 12: 147).

Основными товарами, провозимыми через кеврольскую таможенную, были предметы народного быта, продукты питания и скот, необходимые средства для охоты и рыбного промысла и под. Данный фактор способствовал фиксации в памятнике бытовой и промысловой лексики, нередко регионального характера. Так, в значении ‘пряжа, нитки’;

---

¹ Материалы взяты из картотеки лексики таможенных документов первой половины XVIII в., составленной И.А. Малышевой (См.: *Малышева И.А.* О картотеке языка памятников деловой письменности первой половины XVIII в. // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе: к 75-летию Древнерусской рукописной картотеки 11–17 вв. М., 2002. С. 216–223).

‘материал, подготовленный для прядения’ (СлРЯ XI–XVII 21: 24) встречается слово **прядено**: *Ивань Дружининь сын Страшных тавиль кевролской уьздной покупки ... дватцать мотовъ прядена скани* (л.16). В данном значении слово нередко фиксируется в местных памятниках: в шадринских и пермских документах XVII в.¹, в сибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. (Сл. Сибир. 129)², в значении ‘суровые нитки, льняная или холщовая пряжа’ — в забайкальских памятниках XVIII в. (Майоров 398). По мнению исследователей, слово **прядено** имело широкое распространение в разговорном языке и, кроме того, «сопоставление с памятниками XVII в. других территорий и более поздними текстами позволяет предположить, что ... в тот период **прядено** было не только словом разговорным, но и диалектным, употреблявшимся в говорах севера Европейской части, центра России и Сибири»³. В XIX в. слово бытовало на северных территориях: в словаре В. Даля **прядено** в значении ‘пряжа’ сопровождается пометой *арх.* (Даль III: 554). А. Подвысоцким **прядено** определяется как ‘прядево’ с пометой *повсем.* и примечанием, что в Онежском уезде используется вариант **предено** (Подвысоцкий: 142). Слово **предено** (**прядено**) было зафиксировано П. Дилакторским на территории Тотемского, Сольвычегодского и Яренского уездов в значении ‘несканыя, однорядныя нитки, напряденныя на веретено’ (Дилакторский: 401). Употребительно оно на северной территории и территории Сибири и в XX в. в нескольких значениях: ‘волокно, приготовленное для прядения’, ‘нитки, полученные прядением, пряжа (посконная, конопляная, льняная или шерстяная)’, ‘холст, изделие из такой пряжи’ и ‘крученая (пеньковая) нить для изготовления рыболовных (и иных) сетей’ (СРНГ 33: 77–78).

Узкое сукно характеризовалось словом **узчина**: *Десять аршинъ сукна ѳцины* (л.27). Слово в таком значении зафиксировано в КДРС: *Двь попоны, тридцать и пять локоть усчины*. Кн. пер. Водск. пят. II, 418, 419; 30 локоть холсту усчины и пестреди. Там. кн. III, 404. 1677 г.⁴ В словаре В.И. Даля слово **узчина** в значении ‘узкій, простой крестьянский холстъ’ дано с пометой *сев.* (Даль IV: 492). Слово сохранилось и в современных севернорусских говорах (СРНГ 47: 39).

---

¹ Полякова Е.Н. Диалектная лексика шадринских и пермских документов XVII в. в сопоставлении // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тезисы докладов, 2–4 октября 1991 г. Красноярск, 1991. С. 133.

² Глушкова К.Д. О принципах лексического анализа (на материале Илимской таможенной книги 1649 года) // Труды Иркутского гос. университета им. А.А. Жданова. 1965. Т. 36: Серия языкознания, Вып. 2. С. 89.

³ Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII–XVIII века и принципы ее изучения: учеб. пособ. по спецкурсу. Пермь, 1979. С. 85–86.

⁴ Выражаем признательность д.ф.н. Л.Ю. Астахиной за предоставленные материалы.

Ряд слов в ТК 1710 употребляется в значениях, характерных для данной территории. Например, характеристика зерна — **роща** ‘пророщенное на солод зерно’: *Семнатцать четвертей с осминою солоду ачного роши* (л.19) и **нероща**: *Солоду ачного нероши тритцат четвертей с полуосминою* (лл.33об.–34). Если слово **роща** частотно в кеврольских таможенных книгах¹, отмечено в памятниках севернорусской письменности, зафиксировано историческими и диалектными словарями, то **нероща** встретилось только в данной книге.

В значении, отличном от общеизвестного, в ТК 1710 употребляется слово **пахать** ‘мести, подметать’: *Ис тое ж путъинные прибыли в росходе наймован кевролец Василей Вътреников с товарищем таможеннѣю избѣ пахать і мыть* (л.38об.). Слово в таком значении отмечено и в кеврольских таможенных документах 1720-х годов: *Плачено кеврольцомъ Мирону Добренких с товарищи что оне мыли таможенную избу и кабакъ пахали девять алтынъ* (ТК 1721, л.329). *Плачено кеврольцомъ Мирону Добренких с товарищи за работу что оне таможенную избу мыли і в кабаке сажѣ пахали восемь алтнъ две денги* (ТК 1725, л.260об.). В таком значении слово отмечено в северных памятниках XVII в. (СлРЯ XI–XVII 14: 176), в словаре В.И. Даля дано с пометой *сев.* (Даль III: 22), зафиксировано областными словарями (Подвысоцкий: 118; Дилакторский: 350). Данное значение глагол **пахать** сохраняет и в современных севернорусских говорах (СРНГ 25: 289).

Только в ТК 1710 отмечено слово **няртяло** ‘аркан, которым ловят оленей’: *Веревокъ конопляных для вязок оленей кѣвлено у Козмы Кѣкина пятнатцать ... на няртяла і на возжи оленемъ* <... — не читается> у *Исака Ѳедорова шездесят сажен веревокъ* (лл.39об.–40). Появление данного слова в кеврольской книге связано, вероятно, с перегонем оленей, поскольку ниже следует запись об оплате по найму за «сгонку» оленей из одного места в другое: *Да от згонки тѣх оленей ... двѣ чѣлкомъ Ѳедору Мелентьеву с товар<и>щемъ да по найму іс Кевролы до Колмогор по осми гри<вен> чѣлку* (л.40). Слово **няртало** лексикографически зафиксировано только в конце XIX в. А. Подвысоцким в Запечорском крае Мезенского уезда с указанием на то, что слово зырянское (Подвысоцкий: 104). В СРНГ по данному слову представлены материалы, взятые из словаря А. Подвысоцкого (СРНГ 21: 334).

Ценность лексического материала кеврольских книг и, в частности, ТК 1710 определяется и тем, что в отличие от книг крупных таможен здесь ярко проявляется живая разговорная стихия, например, используются

---

¹ Подробнее об этом слове см.: *Коркина Т.Д.* Региональная лексика в северных памятниках деловой письменности начала XVIII века // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию доцента К.Н. Прокошевой. Пермь, 2014. С. 157.

диминутивы: *коровенка, поросок, лисенка, мѣдведнишко, шубенко, рубашенка, плотишек* и др. Для таможенных документов XVIII в. слова с уменьшительно-уничижительными суффиксами — явление достаточно редкое, встречающееся в основном в документах небольших таможен.

Таким образом, кеврольская таможенная книга 1710 г. (в ряду других книг этой же таможни) является важным лингвистическим источником, позволяющим выявить лексику, свойственную живому народно-разговорному языку (в том числе и региональному) и не отмеченную в документах более крупных таможен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., СПб., 1880–1882.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2006.
- КДРС — Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва).
- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Майоров — *Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Сл. промысл. — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Сост. Е.П. Андреева и др. СПб., 2003. Вып. 1.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015 (издание продолжается).
- Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. Л.; СПб., 1965–2016 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–21. Л., СПб., 1984–2015 (издание продолжается).

Приложение
Образцы таможенных статей
кеврольской таможенной книги 1710 г.

(Архив СПбИИ РАН, ф. 10, оп. 3, № 94)¹

л. 3об. Генваря въ 3 м да февраля въ 6 м числѣх Гостиные сотни ... | Андрѣева сына Баженина прикащикъ ево колмогорець Вас<илей> | Аврамовъ сын ДѸдинъ с работникомъ ево *ж* явили на покуп<ку> | сто рублевъ {Василей ДѸдинъ денги явил рѸку приложил} да | апреля въ 7 де ево *ж* Гостиные сотни прикащикъ колмогорець <ж> | Семень Никитинъ Брехунов явиль на покупкѸ шездесят<ь> | два рѸбли шеснатцать алтнѣ четыре денги {Семен БрехѸно<в>} | а на тѣ денги кѸпили они в Кевролскомъ уѣзде в разны<х> | волостяхъ порознь 8 крѣстьянъ про домовои ево Гостины<е> | сотни обиход и х карабелному строению а не на продажу осмь | пуд сала говьяжѣ сырцѸ цѣна по тринатцати алтнѣ по двѣ денги | пѸд и того три рубли шесть алтнѣ четыре денги пять пуд масла | коровья по дватцати по одному алтнѣ по двѣ денги пѸд і того три | рѸбли двѣ гривны дватцать пять овчин болших и малых пѸд | лню вычесу двенатцать локот сѸкна сермяжного цѣна два | рубли з гривною да хлѣба сто сорокъ четвертеи ржи оплошнои | по скаске их куплень тот хлѣб по полтинѣ четверть і того семь | десять рѸблевъ да на продажу к Архангелскому городу а не про | себя куплено у них хлѣба сто сорокъ же четвертеи ржи доброи | цѣною по дватцати алтнѣ четверть и того осмьдесятъ | четыре рубли и с тѣм хлѣбомъ маиа въ 9 м числѣ на плотѣх | поплыли они с продажным к Архангелскому городу а з досталным | к нему Гостиные сотни в вотчину в Вавчюгу взято пошлинѣ | с покупки з денег по пяти денег с рубля а за уѣздных продавцов | с продажи по десяти денег с рубля всего взято двенатцать рѸблевъ шесть алтнѣ полторы денги |

Перкупнои пошлины с вѣсчего товару всято по Ѹказу по полторы | денги с рубля и того десять денег |

л. 5. <Ѹ>евраля въ 7 день Кевролского уѣзда Лавелскои да СѸрскои воло|стеи Семен Иванов Страшных Иванъ Алеѣфевъ Ласаревыхъ | явили на покупку тритцать один рубль дватцать осмь алтнѣ | двѣ денги {Семень Страшных і вмѣсто Ивана Алеѣфева руку | приложилъ} а на тѣ денги купили они в Кевролскомъ уѣзде | порознь у крѣстьян Семен сто тритцать заячинъ бѣлых цѣна рубль | тритцать один алтнѣ четыре денги Иван шесть сороков

---

¹ Выносные буквы выделены курсивом, буквенные обозначения чисел заменены цифровыми, заглавные буквы восстановлены в именах собственных в соответствии с правилами современного русского литературного языка, конец строки отмечен знаком |, в фигурные скобки заключены собственноручные рукоприкладства.

горностаев цѣна | девятнатцать рублев двѣ гривны пятьсот бѣлки чистои
цѣна девять | рѣблев дватцать бѣлок зелени і шевни цѣна шесть алтнѣ
четырь денги | *пядесят заячин* цѣна рубль шесть норок цѣна
шеснатцать алтнѣ і с тѣм | *товаром с Выискою* заставы ѳевраля въ 22 м
числѣ поѣхали они на Вагу | на Блѣговѣщенскую *гармонку* всѣто пошлин с
покупки з денег по пяти | денег а за уѣздъ с продажи по десяти денег с
рубля всего всѣтѣ | два рубли *тринатцать* алтнѣ |

л. 10. Апреля въ 23 *день* Соловецкого мнстра *стряпчаго* Аверкия
Андрѣ|ева сына *Нижмозерова* сын ево Иванъ *авиль* на покупку дватцать
| один рубль {Иванъ *Нижмозеровъ*} а на тѣ денги купиль он | в Кевролѣ
порознь 8 крѣстьян хлѣба *тритцать* пять *четвертеи* | ржи цѣна по дватцати
алтнѣ *четверть* а по скаске ево | *Иванове* куплен у него тот хлѣб про
мнстрскои обиход в платеж | *запросного* хлѣба а не на продажу {рѣкѣ
приложилъ} і с тѣм | хлѣбом *маиа* въ 17 *день* поплыл онъ к *Архангелскому*
городу всѣто | пошлин с покупки з денег по пяти денег с рубля а за
продавцовъ | с продажи по десяти денег с рубля всего всѣто рубль
девятнатцать | алтнѣ з денгою |

л. 27об. Декабря въ 11 *де* *Двинского* уѣзда *Василеи* *Либеров* | *авиль*
продать по *колмогорской* *выписи* на рубль | свѣчь *восковых* *четверть*
ѳунта шелку *цвѣтного* | *ѳунтъ* шелка *красного* на рубль *мѣлочных* *товаровъ*
| пять пуд *троски* *соленои* два пуда *палтусов* *соленых* | и тот вес *товар* онъ
продал в *Кевролскомъ* уѣзде | *порознь* *крѣстьяном* цѣна *всему* *товару*
четырь | рубли *дватцать* алтнѣ всѣто пошлин с продажи | *семь* алтнѣ *четырь*
денги |

С *вѣсчего* *товару* с *рыб* *всѣто* *перекупнои* *пошлины* | *полпяты* денги |
Писчихъ денга |

л. 28. <Дека>бря въ 14 *де* *Двинского* уѣзда *Алеѣѣи* *Щербаков* | <с>
товарыщемъ *авиль* продать *гороцкои* *покупки* | *товару* без *выписи* *полпуда*
слюды *соровои* и *продаль* | в *Кевролскомъ* уѣзде *порознь* цѣна *дватцать*
алтнѣ | всѣто пошлинѣ с покупки и с продажи *вдвое* всего | *три* алтна |

Перекупнои и *писчего* всѣто двѣ денги |

л. 34об. На *пиринемскомъ* *кабакѣ* во вес год *целовалник* *Ѳеѣѣ* ...
| *Малыгинѣ* *продал* в *крушки* і в *чарки* *осталого* *приемного* ... | *шесть*
вѣдръ да *кевролского* *кѣренья* *шесть* *ж* *вѣдръ* по *указ<у>* | по *дватцати* по
шти *алтын* по *четырь* денги *ведро* | да *того* *ж* *кѣренья* *вина* *продал*
тринатцат *вѣдръ* с *прибав<о>* | *чною* *ценою* по *шти* *алтын* *четырь* денги на
ведро і *того* | по *рѣблю* *ведро* да *подрядного* *вина* *девят* *вѣдръ* по *рублю* по
<три> | *алтына* по *двѣ* денги *ведро* всего за *тѣ* *проданыя* *вина* | по *указнымъ*
цѣнамъ *всѣто* *денег* *тритцат* два *рѣбли* | с *полтиною* да *ѣн* *же* *целовалник*

в Пиринемы *ж* во вес год ва|рил в пивах покѸпных солодовых запасов осмь четвертеи | с полусминою хмѣлю в тѣ пива положено девятнатцать | Ѹнтъ в покупкѸ за солод и за хмѣл вышло денег три рубли | шеснатцат алтын пять денегъ і с тѣх припасов с покѸпки | з денегъ по пяти денегъ с рѸбля плачено таможенных | пошлин два алтына пять денегъ і тѣ пошлины прило|жены на пива к проварной истинной ценѣ к продаже і писанъ | тот платеж в таможенных книгах у а дробина тѣх пив отдана за дрова всего | в проварѣ і с пошлиною тѣ пива стали четыреѣ рѸбли десят | денег а пива выварено с четверти по двенатцати вѣдръ | с крѸшкою всего сто ѡдно ведро с четвертью цѣною в проварѣ | тѣ пива стали по осми денег ведро и проданы тѣ пива | против проварной цѣны вдвое по два алтына по четыреѣ | денги ведро а по продаже за тѣ пива взято проварных | і прибылнихъ денег осмь рѸблев три алтына двѣ денги | і в томъ числѣ прибыли великому гѣдрю у того пива | четыреѣ рѸбли десят денегъ |

л. 380б. І всего в Кевролѣ на крѸжечномъ дворѣ і в Кевролском ... | уѣзде в волостях на всѣх вышеписанных на кабакѣх въ 1 ... | году во вес год собрано по продаже великомѸ гѣдрю пит<ѣ> | ные прибыли у винъ і Ѹ пив пять сот пятдесят рѸблев ... | тритцать одинъ алтын пять денегъ |

І ис тое питѣиные прибыли в росходе наймован кевролецъ | Андрѣи Панкратьев сын КошѸтин с товарищем во весь | год таможенню топить еловыми дровами а пивной подваль | и алтынную стоику сосновыми дровами и лучину ... | дано ему за дрова і за лучинѸ и за работѸ наиму два | рѸбли дватцать шесть алтын четыреѣ денги |

І ис тое *ж* питѣиные прибыли в росходе наймован кевролецъ | Василеи Вѣтреников с товарищемъ таможеннѸю | избѸ пахать і мыть дано імъ за работѸ осмь алтын | двѣ денги |

І ис тое *ж* питѣиные прибыли в росходе наймован кевролецъ | ІАков Примраков (так в ркп!) с товарищем в пивной погреб снѣга наметат |

ПЕРСОНАЛИИ

Е.Н. Груздева

**БОРИС ЛАРИН.
ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ. ГОДЫ УЧЕБЫ
(наброски к биографии)
К 125-летию со дня рождения**

Детство и отрочество Бориса Александровича Ларина прошли на Украине. Он родился в Полтаве 5 января (ст. ст.) 1893 года. Его отец Александр Никифорович Ларин тогда был учителем, но позже стал священником¹, мать Анна Карповна занималась домашним хозяйством и воспитанием сыновей. Борис был старшим, Георгий — младше его на 5 лет, Андрей — на восемь². Семья к началу нового века переехала в Каменец-Подольский, где в 1902 году Борис стал гимназистом. Повидимому, учеба ему давалась легко, он имел хорошие результаты и после 4-х лет обучения выдержал конкурс для поступления в киевскую Коллегию Павла Галагана — тогда одно из лучших учебных заведений на Украине, дававших гимназическое образование.

Коллегия Павла Галагана являлась частным учебным заведением, находилась в ведении Министерства народного просвещения (МНП) и под патронатом Университета св. Владимира. Согласно уставу, Коллегия была призвана готовить юношей к поступлению в университет. Учреждение имело сильные благотворительные традиции: при приеме приоритет отдавался способным молодым людям с недостаточными материальными средствами, и 30 мальчиков (половина от общего числа учеников) получали стипендию Павла Галагана, т. е. учились бесплатно и имели полный пансион, остальные были самокоштными. Воспитанникам предоставлялось все необходимое: прекрасное здание, лучшие преподаватели, красивая форменная одежда европейского образца, качественное питание. Поступить в коллегию хотели многие, но ежегодно принималось только 10–12 человек, и конкурс всегда был большой.

---

¹ СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1–1947. Д. 31. Л. 6. — Автобиография Б.А. Ларина [1947].

² СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 140. Л. 8. — Анкетный листок Б.А. Ларина. 15.11.1924 г.

Для участия в конкурсе надо было представить «удостоверение о бедности» и свидетельство об успешном окончании первых 4-х классов гимназии (со средним баллом не ниже 3,5)¹. Претенденты проходили испытания по русскому языку, математике (письменно и устно) и по латинскому языку (устно). На основании полученных оценок определялись будущие воспитанники.

В 1906 г. в I класс Коллегии поступили 12 человек, в том числе 8 стипендиатов, успешно выдержавших испытания. Одним из них был Борис Ларин. К 1906 году его семья еще увеличилась: родились братья Евгений и Игорь, что значительно ограничило финансовые возможности родителей, и платить за учебу старшего сына они были бы не в состоянии. Можно предположить, что выбор учебного заведения далеко от Каменца-Подольского, где жила семья, был обусловлен не только качеством образования, но и бесплатным пансионом.

Другой важной особенностью коллегии было то, что воспитанники весь период обучения жили в тесном общении с преподавателями и воспитателями, которые не только вели занятия по программе, но много внимания уделяли и внеклассной работе, чего не было в обычных гимназиях. Такие условия, по мнению руководителей заведения, позволяли «ближе стоять к воспитанникам, ... входить во все их существенные нужды, изучать их характеры»².

За годы учебы у Бориса Ларина сложились дружеские отношения с тремя сверстниками-одноклассниками, такими же, как он, стипендиатами: Владимиром Отроковским³, Павлом Филипповичем⁴ и Михаилом

---

¹ Ежегодник Коллегии Павла Галагана с 1 октября 1905 по 1 октября 1906 г. Год 11-й. Киев, 1906. С. 12.

² Ежегодник Коллегии... с 1 октября 1909 по 1 октября 1910 г. Год 15-й. Киев, 1910. С. 14. — Коллегия гордилась своими выпускниками, проявившими себя на самых разных поприщах, в том числе в науке. Среди выпускников гимназии были физиолог А.А. Богомолец, ботаник В.И. Липский, историк-востоковед А.Е. Крымский, историк литературы Н.А. Котляревский, историки Д.М. Петрушевский и И.А. Малиновский, юристы В.Э. Грабарь и М.П. Чубинский, поэт и переводчик С.А. Бердяев.

³ О нем см.: *Домонтович В. (Виктор Петров)*. Болотная Лукроза / Пер. с укр., предисл. и ком. И. Булкиной // Новое Литературное Обозрение. Независимый филологический журнал. 2017. № 5 (147); *Мацько В.* Науково-педагогічна діяльність Володимира Отроковського: історико-літературний аспект // Педагогічний дискурс: Зб. наук. Праць / Гол. ред. І. М. Шоробура. Хмельницький, 2014. Вип. 16. С. 112–118; *Булкина И.* «Смутной жизни тень...» Забытый поэт: между филологией и поэзией [Электронный ресурс] // Гефтер: Интернет-журнал. 20.03.2017. URL: <http://gefter.ru/archive/21582> (Дата обращения 20.08.2018).

⁴ О нем см.: *Филиппович О.* Життєвий і творчий шлях Павла Филипповича // Сучасність. Литература, мистецтво, суспільне життя. München, 1961. № 10 (жовтень). С. 46–71; *Он же*. Спомини про брата // Безсмертні: Збірник спогадів про М. Зерова, П. Филипповича і М. Драй-Хмару / Под. ред. М. Ореста. Мюнхен, 1963. С. 103–129; [*Соболев А.Л.*] Стихи филологов 3. Павел Филиппович [Электронный ресурс] // Живой журнал. 30.05.2012. URL: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/162174.html> (Дата обращения 20.08.2018).

Драем¹. Все юноши тяготели к филологическим дисциплинам, чему немало способствовал преподаватель русской словесности Илья Фролович² Кожин, который одновременно был и их классным воспитателем. Он создал литературный кружок, дабы прививать ученикам любовь к литературе и поэзии; в коллегии выпускался рукописный журнал «Лукоморье», в котором участвовали все желающие. И.Ф. Кожин поддерживал первые самостоятельные поэтические опыты воспитанников. Единственным из четверки друзей, кто не писал стихи, был Борис Ларин, но он внимательно следил за творческим ростом товарищей.

В коллегии мальчиков приобщали и к самостоятельной исследовательской работе. Старшие участвовали в подготовке ежегодных литературно-музыкальных вечеров: готовили рефераты, с которыми выступали перед публикой, читали стихи, музыкально одаренные — музицировали и пели. Так, 23 января 1909 г. состоялся вечер памяти И.С. Тургенева, программу которого открывал Борис Ларин рефератом о биографии писателя³. Его товарищи тоже выступали — и на вечере Тургенева⁴, и в апреле того же года на вечере к 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя⁵, однако Борис Ларин больше в подобных мероприятиях не участвовал ни в III, ни в выпускном IV классе⁶.

Коллегия имела право корректировать министерскую учебную программу и для своих воспитанников расширила программы по русскому языку и математике, а также сделала акцент на изучении новых языков — немецкого и французского (по 2 часа в неделю)⁷, что позволяло ученикам получить хорошую языковую подготовку. Борису Ларину изучение иностранных языков давалось без особенных трудностей, только латынь

---

¹ О нем см.: *Драй-Хмара–Ашер О.* Переглядаючи батьків архів... // Безсмертні: Збірник спогадів про М. Зерова, П. Филипповича і М. Драю-Хмару / Под. ред. М. Ореста. Мюнхен, 1963. С. 149–163; *Федорів І.* Творчість Михайла Драю-Хмари в контексті розвитку національного слов'язнавства першої половини ХХ ст. // Україна — Європа — Світ: Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / Гол. ред. Л. М. Алексієвець. Вип. 9. Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2012. С. 198–210.

² Встречается и другое написание отчества: Илья *Флорианович* Кожин.

³ Ежегодник Коллегии... с 1 октября 1908 по 1 октября 1909. Год 14-й. Киев, 1909. С. 37. — Краткое изложение реферата Б. Ларина напечатано на с. 38–39.

⁴ П. Филиппович выступал с докладом «Народные типы “Записок охотника”», В. Отроковский — «Природа в произведениях Тургенева» (Ежегодник Коллегии... Год 14-й. С. 37, 39–45).

⁵ 11 апреля 1909 г. на вечере прозвучали рефераты: П. Филипповича «Гоголь и Островский»; В. Отроковского «Заветы Гоголя искусству»; М. Драю «Сущность гоголевского юмора». Их содержание опубликовано в кн.: Ежегодник Коллегии... Год 14-й. С. 45–54.

⁶ В. Отроковский и М. Драю принимали участие в литературно-музыкальных вечерах, читая стихи А. Толстого и Лонгфелло (Ежегодник Коллегии... Год 15-й. Киев, 1910. С. 31).

⁷ Ежегодник Коллегии... Год 14-й. С. 58; Год 15-й. С. 38.

потребовала дополнительных усилий, чтобы добиться в выпускном классе высшего балла¹.

«Ведомости об успехах воспитанников коллегиума П. Галагана» свидетельствуют о том, что Борис Ларин успевал по всем предметам, получая оценки «4» и «5» как в течение года, так и на ежегодных испытаниях, а на итоговых и выпускных имел преимущественно «пятерки». Однако из-за нескольких предметов, по которым в аттестате стояло «4» (русский язык, алгебра, геометрия, физика, русская история, а также прилежание), его средний балл при окончании коллегии составил 4,6², что давало выпускнику право на получение лишь серебряной медали.

Летом 1910 года юноши стали студентами Университета св. Владимира. Они продолжали учиться вместе на славяно-русском отделении историко-филологического факультета³. Поскольку все были выходцами из семей с невысоким достатком (трое — дети приходских священников, четвертый — сын зажиточного казака), платить за обучение им было не по карману. Уже 4 сентября 1910 г. первокурсник Б. Ларин подал прошение об освобождении от платы за слушание лекций в текущем учебном году. В соответствии с правилами, он приложил к прошению удостоверение о пользовании стипендией в Коллегии Павла Галагана, свидетельство о серебряной медали и сослался на формулярный список отца, представленный при приеме в Университет⁴. Прошение было удовлетворено, и в лекционной книжке студента Б. Ларина (прообраз современной зачетной книжки) на странице осеннего семестра стоит «Штамп об освобождении от платы за учение в счет 15% нормы»⁵. Эта льгота ежегодно возобновлялась, если у студента не появлялись долги по учебе⁶. Таким образом молодой человек получал лишь возможность бесплатно учиться, но ему еще приходилось искать средства к существованию. О том, на какие средства Б. Ларин жил во время учебы, у нас сведений нет, можно предположить, что, как и многие студенты, давал частные уроки. В 1912 году, после окончания II курса, он получил казенную стипендию Св. Кирилла и Мефодия (300 руб.), которая давалась успешным студентам, занимавшимся славянской филологией⁷. Следующим летом юноша

¹ ГАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1334. Л. 20; Д. 1337. Л. 13.

² ГАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1345. Л. 3об.

³ Павел Филиппович сначала поступил на юридический факультет, но летом 1911 г. подал прошение о переводе его на историко-филологический, где продолжил учебу вместе с товарищами.

⁴ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 63.

⁵ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 12. Согласно Правилам назначения стипендий и пособий студентам университетов, утвержденным министром народного просвещения 10.04.1907, от платы за обучение освобождалось не более 15% от общего числа студентов (§ 24).

⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 16, 20, 22.

⁷ Именную стипендию Кирилла и Мефодия, учрежденную Александром II в 1862 г., могли получать только по 4 студента в каждом русском университете.

подал прошение о продлении этой стипендии на новый учебный год, и его прошение было удовлетворено¹.

Какие же достижения в изучении славянской филологии обеспечили Борису Ларину кирилло-мефодиевскую стипендию? Хорошая гимназическая база, серьезный подход к изучению литературы, интерес к исследовательской работе привели друзей-первокурсников в «Семинарий русской филологии», работавший под руководством профессора В.Н. Перетца и объединявший увлеченных исследователей разных возрастов — от начинающих студентов до преподавателей, давно окончивших университет. Каждый участник семинария разрабатывал индивидуальную тему. Новички также сделали выбор: В. Отроковский записал за собой «Сказание о купце Басарге», М. Драй — интермедии XVIII в., Б. Ларин — «Слово о пьянстве» Антония Подольского. Каждое исследование предполагало выяснение истории памятника, сравнение его разных редакций, текстологический и лингвистический анализ. Чтобы расширить научный горизонт своих учеников, В.Н. Перетц организовывал для них специальные поездки в Петербург, Москву и другие (чаще украинские) города, где в древлехранилищах молодежь могла поработать с рукописями и старопечатными книгами и познакомиться с опытными исследователями. После каждой экскурсии печатался подробный отчет не только обо всей поездке, но и о достижениях каждого участника.

Первая поездка, в которой приняли участие Б. Ларин и его товарищи, состоялась в феврале 1911 года: на масленичной неделе и первой неделе Великого поста занятия в университете не проводились, это время и было решено использовать для экскурсии в столицу. Участники тщательно готовились к поездке, уточняя по описаниям библиотек, какие необходимые рукописи и книги можно увидеть в Петербурге, а некоторые из старших членов семинария должны были выступать с сообщениями в научных обществах. Университетское правление поддержало экскурсантов, выделив студентам на путевые расходы 110 рублей².

По дороге в столицу киевляне успели посетить древлехранилище публичной библиотеки в Вильно и даже сделать копии с некоторых текстов. В Петербурге они провели 11 дней, присутствовали в качестве гостей на заседаниях Общества любителей древней письменности и университетского Неофилологического общества, но бóльшую часть времени посвятили занятиям в библиотеках.

Перед Борисом Лариным стояла задача ознакомиться с некоторыми поучениями о пьянстве. Он скопировал «Слово о многопотопном и прелестном пьянстве» Антония Подольского (XVIII в.) из рукописного сборника Новгородского Софийского собора, хранящегося при Духовной

---

¹ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 46.

² *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Санкт-Петербурге. 13–28 февраля 1911 г. Киев, 1912. С. 1.

академии, и сравнил эту рукопись с более древним списком «Слова» (XVI–XVII вв.) из той же библиотеки, попутно списал еще три небольших текста поучений о пьянстве из Новгородских сборников¹. В Публичной библиотеке юноша сравнивал сделанные в Духовной академии копии с экземпляром «Слова» из собрания М.Н. Погодина (XVII в.), но не успел завершить работу, ограничившись лишь некоторыми наблюдениями об орфографии, авторе и переписчиках. По возвращении в Киев Б. Ларин планировал более детальное изучение и сравнение имеющихся теперь у него списков «Слова», установление источников и объединение сведений об Антонии Подольском, его жизни и литературных произведениях.² Результаты работы были поданы В.Н. Перетцу в конце весеннего семестра I курса как реферат «Источники “Слова о пьянстве” Антония Подольского», за который профессор поставил высший балл — «весьма успешно»³.

Товарищи Б. Ларина М. Драй и В. Отроковский также весьма плодотворно провели время в столичных рукописных собраниях, и через год, в феврале 1912 года, друзья совершили вторую поездку в составе семинария В.Н. Перетца уже в Москву⁴. В отчете московской экскурсии отмечена очень богатая культурная программа, включавшая осмотр Кремля, посещение ряда музеев и театральных представлений. Вместе с тем киевляне занимались в библиотеках и приняли участие в заседании Славянской комиссии Московского археологического общества.

Борис Ларин скопировал два новых списка «Слова о пьянстве» А. Подольского: в библиотеке Общества истории и древностей Российских (XVIII в.) и в Синодальной библиотеке (XVII в.). Ему удалось найти и новые материалы, дополняющие список источников поучения Антония Подольского. О своих находках Б. Ларин рассказал в индивидуальном отчете о поездке⁵. После обработки накопленного материала он подал В.Н. Перетцу реферат «Сочинения, приписываемые Антонию Подольскому»⁶, этот реферат также получил высшую оценку.

Эту тему юноша продолжал разрабатывать и в последующие годы. Забегая вперед, скажем, что в качестве выпускной работы весной 1914 года он подал сочинение «О литературной деятельности Антония

---

¹ Эти три небольших текста были опубликованы в «Отчете»: *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии ... в Санкт-Петербург... С. 113–114.

² *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии ... в Санкт-Петербург... С. 94–95.

³ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 7. — Лекционная книжка студента Б. Ларина содержит сведения о представленных работах по выбранным практическим занятиям за все годы обучения.

⁴ *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Москву. 1–12 февраля 1912 г. Киев, 1912.

⁵ *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии ... в Москву... С. 82–87. — Общий отчет об экскурсии включал и индивидуальные отчеты участников поездки.

⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 8.

Подольского», которое было высоко оценено¹ и обеспечило автору диплом I степени. Это студенческое сочинение сохранилось в архиве²: тетрадь чуть больше современного формата А4, объем текста — 186 рукописных листов, заполненных с одной стороны. Первые листы частично повреждены, но по тексту можно восстановить оглавление:

Введение.

Гл. 1. а) Обзор литературы вопроса.

б) «Слово о пьянстве» Антония Подольского (о составе, источниках, отличиях стиля).

Гл. 2. Последовательность сочинений Антония Подольского.

Гл. 3. «Слово о Царствии Небесном» (о составе, источниках, отличиях стиля).

Гл. 4. Об анонимных сочинениях, приписанных Антонию Подольскому.

[Заключения нет].

Исследование опирается на солидную библиографию, содержит авторское толкование источников и аргументированные рассуждения.

Впоследствии в автобиографиях разных лет Б.А. Ларин упоминал, что продолжал работу вплоть до 1917 года, когда завершил труд под общим названием «Об источниках, языке и стиле сочинений Антония Подольского»³. В связи с этим исследованием он подготовил также статью «О начале стихосложения в Московской литературе», но обе эти работы остались не опубликованы⁴.

---

¹ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 9.

² ГАК. Ф. 16. Оп. 471. Д. 295. — «Сочинение студента Ларина “О литературной деятельности Антония Подольского”». 1914 г. 186 л.

³ Напр.: ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 787. Л. 5об. — Curriculum vitae Б.А. Ларина. 7 ноября 1920 г.

⁴ Там же; СПбФ АРАН. Ф. 320. Оп. 2. Д. 140. Л. 6об. — Автобиография Б.А. Ларина. 20 марта 1926 г. В 1920 г. Б. Ларин указывал, что статья принята в сборник в честь 25-летия научной деятельности ак. В.Н. Перетца (этот проект не был реализован). Позже, в 1924 г., в анкетном листке писал, что две его большие работы остались не напечатаны, «так как еще не были вполне закончены к февралю 1917 г. и такими остались поныне», а статья «О начале стихосложения...», хотя и законченная, не напечатана «за отсутствием соответственных научных органов» (СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 140. Л. 12). В 1947 г. перед защитой докторской диссертации сочинение «О языке и стиле Антона Подольского (московского писателя перв. пол. XVII века)» Б.А. Ларин называет «написанной кандидатской работой» (СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1. 1947. Д. 31. Л. 6. — Автобиография Б.А. Ларина. [1947]). Тот факт, что результаты его многолетней работы так и не попали в печать, объясняет причину, почему в юбилейной книге «Семинарий русской филологии академика В.Н. Перетца. XX. 1907–1927. Участники Семинария — своему руководителю» (Л., 1929) Б. Ларин упоминается лишь в общем списке принимавших участие в работе семинария: задачей издания было показать научные достижения учеников В.Н. Перетца — их опубликованные работы.

Вскоре интерес к теме у автора, по-видимому, пропал, и после 1917 года Б.А. Ларин к ней уже не возвращался¹.

Начиная со второго курса университета, студент Б. Ларин все больше внимания уделял изучению языков. Он прослушал курсы церковнославянского языка у В.Н. Перетца, славянских языков (болгарского, чешского, сербского, польского) и их сравнительной грамматики — у талантливого молодого лингвиста А.М. Лукьяненко, читал латинских и греческих авторов под руководством известных профессоров И.А. Лециуса и А.И. Сонни. Однако главным учителем для Бориса Ларина стал профессор-санскритолог Федор Иванович Кнауэр.

Ф.И. Кнауэр закончил Дерптский университет по специальности «сравнительное языкознание», затем совершенствовался в университете в Йене, где изучал санскрит, пракрит, немецкий, ведийский и авестийский языки. После успешной защиты магистерской и докторской диссертаций (в 1882 и 1884 г.) он более 30 лет бессменно преподавал в киевском Университете св. Владимира², где вел занятия по сравнительному языкознанию индоевропейских языков, по санскриту, зендскому (авестийскому) и готскому языкам³.

Каждый семестр Б. Ларин записывался к профессору на объявленные курсы. Так, на II курсе он участвовал в практикуме по санскриту и сравнительному языковедению и одновременно слушал лекции по литовскому языку. В ходе занятий Ф.И. Кнауэр заметил способного студента и предложил ему обратить внимание на балтийскую группу и особенно на диалекты литовского языка. Для самостоятельной работы Б. Ларина была заявлена тема «О культурных терминах в литовском языке». Чтобы собрать необходимый живой материал, юноша дважды — летом 1913 и 1914 года — ездил в Литву, где обходил села Виленской и Ковенской губерний. «Главной целью этих двух поездок было ... собирание культурных названий — точно локализованных, вполне семантически выясненных, разносторонних и разнодиалектных, — писал впоследствии Б.А. Ларин. — Поэтому и обследовал с бóльшей или мёньшей полнотой несколько диалектов. ... Где возможно, я собирал не

---

¹ В 1920-е гг. в Ленинграде работало научное «Общество исследователей украинской истории, литературы и языка», возглавляемое В.Н. Перетцем, Б.Г. Крыжановским и В.Н. Кораблевым. Обществом были выпущены 3 сборника статей: Науковий Збірник Ленінградського Товариства дослідників української історії, письменства та мови / За ред. В. Перетца. Т. I–III. Київ, 1928–1931. (Збірник Історично-Філологічного Відділу ВУАН. № 74, 74б, 74в). Б.А. Ларин в его деятельности участия не принимал, хотя жил в Ленинграде и, скорее всего, не мог о нем не знать.

² Подробнее о нем см.: *Черказьянова И.В.* Кнауэр (Knauer) Фридрих (Федор) Иванович (1849–1917), санскритолог, доктор сравнительного языкознания [Электронный ресурс] // Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев России (НИЭЭНР). URL: <http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/3632> (Дата обращения 20.08.2018).

³ См.: Отчет о состоянии и деятельности Киевского Императорского университета св. Владимира за 1909 г. Киев, 1914. С. 18.

только словарные материалы, но и образцы разговорной, поэтической, сказовой речи»¹. Летом 1914 года вместе с Б. Лариным по дорогам Литвы бродил и Владимир Отроковский. Последний не знал местного языка, но имел опыт диалектографии в Подольской губернии² и по мере сил помогал товарищу, делая параллельные записи³.

В. Отроковский к окончанию университета выполнил большое текстологическое исследование из истории древнерусской литературы⁴, за которое получил золотую медаль, и был оставлен при кафедре русского языка и словесности для подготовки к профессорскому званию. М. Драй и П. Филиппович также остались верны истории литературы: М. Драй на старших курсах обратился к славистике, изучал наследие далматинского аббата, писателя и философа А. Качича-Миошича и был оставлен при кафедре славяноведения; П. Филиппович же готовил исследование о жизни и творчестве поэта Евгения Баратынского. Борис Ларин, не прекращая работать под руководством В.Н. Перетца, всё больше внимания уделял вопросам языковедения. Его способности к языкам, увлеченность и упорство позволяли добиваться хороших результатов. После первой экспедиции в Литву он представил Ф.И. Кнауэру реферат о суффиксах в литовском языке. Профессор высоко оценил его работу и отметил в своем отчете, что это был дельный труд, давший материал для бесед на все полугодие, что основательность разбора темы весьма похвальна и что автора можно считать не только словесником, но и лингвистом⁵.

На последних курсах Б. Ларин занимался с Ф.И. Кнауэром изучением готского и древнего верхненемецкого языков. Профессор поощрял его склонность к научной работе и после успешной сдачи итоговых испытаний и получения диплома I степени⁶ оставил одаренного юношу при кафедре сравнительного индоевропейского языковедения и санскрита⁷.

---

¹ Ларин Б. Материалы по литовской диалектологии // Язык и литература: Сб. статей. Л., 1929. Т. I. Вып. 1–2. С. 99.

² Летом 1915 г. в издательстве АН вышла его работа: *Отроковский В.* Малорусский говор села Кобылевки Подольской губернии Брацлавского уезда // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 4. С. 30–74.

³ Ларин Б. Материалы по литовской диалектологии... С. 95.

⁴ Имеется в виду работа, опубликованная лишь через несколько лет: *Отроковский В. М.* Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сб. Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Т. ХСVI. № 2 и последний. Пг., 1921. 122 с. (с предисловием академика В.Н. Перетца).

⁵ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1221. Л. 55. — Отчет проф. Ф.И. Кнауэра о практических занятиях по сравнительной грамматике в осеннем полугодии 1913 г.

⁶ Диплом Б.А. Ларина хранится в МСК на филологическом факультете СПбГУ, куда был передан архив ученого.

⁷ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3512. Л. 1. — В студенческом личном деле была сделана пометка: «Ларин Борис Алекс., по кафедре сравнит. языковедения, оставлен с 28 июня 1914 г.».

Однако начавшаяся летом 1914 года война смешала их планы.

Оставленные при университете освобождались от военной службы. Как получавший казенную стипендию в течение двух лет обучения Б. Ларин должен был три года отработать в системе МНП: юноша нашел место в частной женской гимназии А.В. Жекулиной, где в 1914–1915 годах вел уроки латинского языка в 5 и 6 классах¹. Жившие в тылу, как могли, помогали фронту и армии: например, А.В. Жекулина открыла несколько школ для беженцев и возглавила госпиталь на 500 человек, преподаватели оказывали помощь раненым, читали благотворительные лекции. Б.А. Ларин в феврале 1915 года по поручению педсовета гимназии также выступил с лекцией на тему «Борьба южных славян за свободу (1805–1914 гг.)», а собранные средства были переданы в пользу санитарного поезда имени Киевского учебного округа².

Если вопросы с работой и освобождением от военной службы у Б.А. Ларина успешно разрешились, то продолжить занятия при университете ему не удалось. Ф.И. Кнауэр, проводивший лето 1914 года вместе с семьей в Йене (Германия), из-за начавшихся военных действий оказался отрезанным от России, вынужден был возвращаться на Украину через Швецию и прибыл в Киев лишь 30 сентября 1914 г. Однако в Киеве на волне антинемецкой кампании сразу началась травля ученого, в ноябре его отстранили от чтения лекций, 24 декабря арестовали и уже 7 января 1915 г. Ф.И. Кнауэр был выслан в Томск³. Опального профессора на кафедре заменить было нечем: его старший магистрант М.Я. Калинович, окончивший университет в 1912 году, еще был не готов к преподаванию. И на два года киевские универсанты остались без специалиста по сравнительному языкознанию⁴.

Борис Ларин в течение года продолжал заниматься самостоятельно, а летом решил поехать в Томск к своему учителю. Узнав об этом,

---

¹ ГАК. Ф. 150. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–7; Д. 159. Л. 14об., 56–56об.

² ГАК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 88. Л. 135об.; Ф. 150. Оп. 1. Д. 159. Л. 24.

³ Подробнее об истории Ф.И. Кнауэра см.: *Alma Mater. Университет св. Володимира напередодні та в добу української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Кн. 1. Университет св. Володимира між двома революціями. Київ, 2000. С. 655–670; Черказьянова И.В. Антинемецкие настроения в университетском сообществе и судьба профессора Ф.И. Кнауэра // Вісник Одеського Історико-Краєзнавчого Музею. 2015. Вип. 14. С. 24–30.*

⁴ По воспоминаниям одной из студенток тех лет, только в 1917 г. «в октябре назначили нам вместо сосланного Кнауэра нового санскритолога Дложевского, молодого доцента ... Приятно было наконец избавиться от самого тяжелого на всем факультете экзамена, который некому было сдать в течение двух лет» (*Тулуб З.П. Моя жизнь. Киев, 2012. С. 430*). Надо сказать, что С.С. Дложевский по специальности был филологом-классиком, и назначение его на преподавание санскрита являлось, по-видимому, мерой вынужденной. Это не решало проблему отсутствия преподавателя по сравнительному языкознанию, тем более что Дложевский в 1918 г. уехал из Киева сначала в Крым, а затем в Одессу.

Ф.И. Кнауэр писал В.Н. Перетцу: «Представьте себе мою великую радость: Ларин приедет ко мне! Он желает летом работать под моим непосредственным руководством. Вчера я получил его письмо ... Как ни рад я, но боюсь, что он будет иметь мало пользы от меня. Ведь у меня книг нет, и если он не взял с собою своих, то он напрасно приехал. Сделаю, конечно, всё, что могу»¹. В следующем письме он сообщал подробности: «Ларин прибыл уже 7/VI к моей величайшей радости. ... [Он] должен был вести сильную борьбу с губернаторской властью: не хотели ему разрешить заниматься у меня! Храбрый юноша, однако, отстаивал свое и победил наконец. Теперь он мой комнатный сосед, занимается усердно, предписано не тревожить его. ... Утром встаю с безмолвной благодарственной молитвою к Богу за сохранение здоровья, пью кофе² при чтении газеты, занимаюсь один час с Лариным языком, хожу по делам каких-то покупок, обедаем, ужинаем, а иногда и гуляем вместе с Лариным. И так протекает моя жизнь тихо, не тревожно»³. Через полтора месяца юноша уехал, а профессор тепло вспоминал о проведенном вместе времени: «Он работал здесь здорово; мы жили вместе как отец с сыном; надеюсь, что он не сожалеет, что приехал. Теперь мне плакать хочется; светлые дни прошли!»⁴. Наблюдая давнюю и серьезную работу Б. Ларина с Ф.И. Кнауэром, В.Н. Перетц считал выбор научного пути юноши решенным. Он даже написал академику К.Г. Залеману: «Запомните эту фамилию — будет хороший санскритист и зендист»⁵.

В Киеве, куда вернулся Б.А. Ларин, летом 1915 года говорили о военных неудачах, о приближении линии фронта, и в конце августа по распоряжению командующего Юго-Западным фронтом началась эвакуация Киевского университета вглубь страны — в Саратов. Осенью туда были перевезены профессора, студенты, лаборатории и библиотека. В.Н. Перетц, поддерживавший переписку со своими бывшими коллегами и студентами⁶, транслировал в Петрограде сведения об их положении:

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 11–11об. — Письмо Ф.И. Кнауэра В.Н. Перетцу. 01.06.1915.

² Возможность пить кофе появилась у Ф.И. Кнауэра благодаря гостю: «Этот чрезвычайно важный факт объясняется тем, что Ларин подарил мне кофейник со всеми принадлежностями не исключая спирта, и вот теперь наслаждаюсь по утрам кофепитием, как по вечерам чаепитием», — так профессор писал В.Н. Перетцу (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.–15).

³ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 12–12об. — Письмо Ф.И. Кнауэра от 24.06.1915.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 16об. — Письмо Ф.И. Кнауэра от 27.07.1915.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 291. Л. 4об. — Письмо В.Н. Перетца К.Г. Залеману. 02.07.1915.

⁶ В конце 1914 г. В.Н. Перетц хлопотал о прикомандировании 6 киевских магистрантов-филологов к Петроградскому университету (в том числе В. Отроковского), но получил отказ историко-филологического факультета Университета св. Владимира (Alma Mater. Університет св. Володимира... Кн. 1. С. 442–444).

«Приват-доцентов и стипендиатов бросили при эвакуации, как ненужные вещи; о них даже не вспомнили (действительно, большинство осталось в Киеве, хотя там нет ни книг, ни руководителей. — Е. Г.) ... они совершенно лишены возможности работать ... Грустнее всего, что университетская (киевская) библиотека будет функционировать не раньше, как **через 2–3 года**, так как **книги будут разбирать лишь тогда**, когда будет готово новое здание библиотеки»¹. В.Н. Перетц, переживая за талантливую молодежь, которая, «оставшись без пастыря», может охладеть к науке, искал возможность переместить их в столицу, как-то использовать в академических проектах или в Библиотеке АН: «Хорошо бы привлечь молодых языковедов: Ларина и Калиновича, пожалуй, и Баранникова — они, особенно первые 2, запрошены хорошо: знают **санскритский, зендский, готский, литовский**, латынь, греческий, славянский языки. Вот бы Вам их приспособить!!»² — писал он А.А. Шахматову. Однако найти работу в Петрограде было очень сложно, и Академия наук могла помочь начинающим ученым лишь книгами³.

Переезд в Петроград был весьма желателен и для Б. Ларина, но юноша, зависевший от стипендии, не мог сам принять решение об отъезде⁴. В условиях военного времени и по причине эвакуации университета факультет все же принял решение направить некоторых стипендиатов в Петроградский университет⁵. Хотя официальных документов о командировании Бориса Ларина обнаружить не удалось, но факт его учебы в столице весной 1916 г. подтверждают разные свидетельства. Так, он 18 апреля 1916 г. в гимназии А.В. Жекулиной «в виду прикомандирования к Петроградскому университету на 1916 г. для подготовки к профессорскому званию» подал прошение о месячном отпуске, который получил с сохранением содержания. Но поскольку через месяц он не возвратился, то в июле был вовсе освобожден от службы⁶. В

---

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 104об.–105. — Из письма В.Н. Перетца А.А. Шахматову. 28.12.1915 (выделенные слова в документе подчеркнуты).

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 105об.

³ Дважды на заседаниях отделений АН — Отделения русского языка и словесности 23 января 1916 г. и Отделения исторических наук и филологии 10 февраля 1916 г. — рассматривались заявления Б. Ларина о выдаче ему академических изданий, и оба раза дело решилось положительно (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. Л. 310об.–311; 384об.–385).

⁴ Об этом упоминал Ф.И. Кнауэр в письме от 21.08.1915 (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 19об.).

⁵ В «Отчете о состоянии и деятельности Имп. Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г.» (Пг., 1916) в числе прикомандированных с 1 января 1916 г. к историко-филологическому факультету по кафедре языковедения значится Алексей Баранников, а с 1 апреля 1916 г. по кафедре славянской филологии — Михаил Драй он же Хмаров. Оба до 1 января 1917 г. (Отчет... С. 65).

⁶ ГАК. Ф. 150. Оп. 1. Д. 92. Л. 4–6. — О службе Б.А. Ларина в должности учителя.

июне 1916 года Ф.И. Кнауэр сообщал из Томска: «От Ларина и Баранникова я получаю письма из Петрограда. Очень рад, что приняли их там хорошо. Надеюсь, что они, особенно под влиянием модерниста Щербы, не слишком увлекаются в сторону. Заниматься экспериментальной фонетикой будет для них, конечно, очень полезно; но не вся суть в ней. Рад, что Ларин получил в дар санскритский словарь от Академии наук»¹.

Сохранился отчет о занятиях Б.А. Ларина, представленный им в Университет св. Владимира в октябре 1916 г.², в котором автор замечает, что его приезд в столицу в конце апреля был неудачен: «Курсы весеннего семестра в большинстве были уже закончены. Получив доступ в библиотеки Университета и Академии наук и воспользовавшись указаниями проф. Щербы и пр.-доц. Буги, я занимался балтийскими языками»³. Много лет спустя Б.А. Ларин вспоминал: «В Петрограде я почувствовал себя на первых порах отсталым провинциалом и потому со всем азартом молодости принялся за работу по указаниям новых руководителей»⁴.

Во второй половине лета он снова поехал в Сибирь, чем очень обрадовал Ф.И. Кнауэра: «Можете себе представить: Ларин опять приехал ко мне в Томск учиться. ... Какая смелость с его стороны, какая радость для меня! Теперь мы опять живем в одном и том же доме, обедаем, ужинаем и работаем вместе. ... [Он] работает с увлечением и, надеюсь, не понапрасному»⁵. Считая, что «необходимой подготовкой к научным занятиям для “индоевропеиста” является изучение начатков письменной традиции тех индоевропейских языков, которые раньше остальных (сродных) перешли в стадию литературного развития», юноша продолжил начатое предыдущим летом изучение ведийского языка, литературы по языку и мифологии вед. Осенью 1916 года он завершил перевод 57 гимнов из берлинского сборника Гиллебрандта (1885 г.). Профессор в Томске проверил разбор первых десяти гимнов, остальные переводы были сделаны Б. Лариным самостоятельно⁶.

Осенью с началом семестра в Петроградском университете Борис Ларин с головой ушел в учебу. На историко-филологическом факультете он слушал

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 27об.–28. — Письмо Ф.И. Кнауэра от 26.06.1916.

² Сокращенную копию этого отчета Б. Ларин предоставил декану историко-филологического факультета Петроградского университета. Этот документ также сохранился: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16218. Л. 1–10.

³ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1264. Л. 1. — Отчет о занятиях Б.А. Ларина в 1916 г.

⁴ МСК. Архив Б.А. Ларина. Д. 64. — Автобиография проф. Б.А. Ларина. [1945].

⁵ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 30. — Письмо Ф.И. Кнауэра от 26.07.1916.

⁶ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1264. Л. 4, 6. — Отчет о занятиях Б.А. Ларина в 1916 г. В приложении к отчету приведены переводы гимнов (Л. 19–20об.). Опубликовать некоторые из своих переводов Б.А. Ларину довелось лишь в 1924 г.: *Ларин Б.А.* Из области ведийской поэзии (стихотворные переводы из вед со вступительной статьей) // Восток. (Л.) 1924. № 4. С. 46–57.

курсы профессора Л.В. Щербы по фонетике и сравнительной грамматике, академика А.А. Шахматова по истории и синтаксису русского языка, посещал *privatissima*¹ по славянским языкам и общему языковедению профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ (ему после событий 1915 г. министерство не разрешило вести официальные занятия²), на восточном факультете изучал санскритские тексты и основы древнеиндийской шастры по грамматике и поэтике под руководством академика Ф.И. Щербатского, ведическими текстами занимался с доцентом Н.Д. Мироновым, языком древнеперсидской клинописи — с академиком К.Г. Залеманом. Одновременно Б. Ларин продолжил изучение балтийских языков под руководством доцента Э.А. Вольтера — древнепрусского и литовского, а также нового для себя латышского языка, начать заниматься которым в Киеве не было возможности из-за отсутствия словарей. Несмотря на плотный учебный график, юноша находил время еще и для самостоятельных занятий южнославянскими и польским языками³.

В автобиографиях Б.А. Ларин всегда указывал, что весной (в апреле) 1917 года начал сдавать магистерские экзамены, которые прервал ввиду отъезда из Петрограда. Совпадая в этом главном утверждении, разные документы отличаются в деталях. Так, в автобиографии 1945 г. есть уточнение, что уехать из Петрограда пришлось *из-за голода*⁴ (здесь и далее курсив мой. — *Е. Г.*); в автобиографии 1933 г. сказано, что переезд в Киев состоялся *осенью* 1917 года⁵; то же самое немного другими словами написано в автобиографии 1947 г.: «В 1917 году я приступил к магистерским экзаменам, прервал их вследствие временного отъезда в Киев, возобновил в 1920 году и закончил в 1923 году. С конца 1917 года и до лета 1919 года я преподавал русский, латинский и украинский языки в средних школах гор. Киева»⁶. Диссонанс вносит фраза из *Curriculum vitae* 1920 года: «В 1917 г. начал магистерские экзамены, прерванные на год военной службой»⁷. А в письме Ф.И. Кнауэра, состоявшего с Б. Лариным в переписке, читаем: «Ларин *поступил в юнкерское училище*. Патриотический порыв весьма похвален; боюсь только, что молодой человек пропал для науки»⁸.

¹ *Privatissima* (лат.) — частные занятия; частные уроки; здесь: специальные занятия профессора с небольшой группой студентов.

² Подробнее см.: *Бондарь Л.Д.* «Дело» профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ (в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 7. М., 2010. С. 517–533.

³ ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1264. Л. 2–18. — Отчет о занятиях Б.А. Ларина в 1916 г.; МСК. Архив Б.А. Ларина. Д. 64. — Автобиографии Б.А. Ларина 1933 г., [1945 г.]

⁴ МСК. Архив Б.А. Ларина. Д. 64. — Автобиография Б.А. Ларина. [1945 г.]

⁵ МСК. Архив Б.А. Ларина. Д. 64. — Автобиография Б.А. Ларина. [1933 г.]

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1(1947). Д. 31. Л. 7.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 787. Л. 5об.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35. Л. 38об. — Письмо Ф.И. Кнауэра В.Н. Перетцу от 7.06.1917.

Возможно, найти ответ на вопрос, чем же занимался Б. Ларин после возвращения в Киев в 1917 году, помогут киевские архивы, но на сегодняшний день у нас никаких сведений на этот счет нет.

В сборнике документов по истории Киевского университета опубликован список приват-доцентов и стипендиатов Университета св. Владимира по факультетам и кафедрам 1917 года, в котором по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка значатся стипендиатами А. Баранников и Б. Ларин, оставленные при университете «на 3 года каждый с 1 июля 1917 г.»¹. Там же опубликован протокол заседания Совета университета от 20 декабря 1917 г., в котором от кафедры сравнительного языковедения был упомянут уже только один кандидат на стипендию — А. Баранников². А в протоколе заседания Совета университета от 19 марта — 1 апреля 1918 г. сказано, что историко-филологический факультет подал представление об оставлении по кафедре сравнительного языковедения Бориса Ларина с 1 января 1918 года на 1 год, без стипендии³. По-видимому, возвращение в Киевский университет у него прошло не очень гладко. Он посещал заседания Историко-литературного общества при университете, даже выступал с докладами, используя свои старые материалы⁴, но полноценно учиться ему так и не пришлось: ситуация со сравнительным языкознанием фактически не изменилась, профессорская кафедра оставалась незамещенной, а преподавательской и научной работой с 1916 года фактически руководил приват-доцент М.Я. Калинович⁵.

Не имея стипендии, Б.А. Ларин должен был искать работу и устроился учителем в женской гимназии г-жи Дучинской и мужской гимназии г. Науменко⁶. Не отказывался и от временной работы, например, летом 1918 года для учителей Киева прочел курс лекций по истории и диалектологии украинского языка⁷. Тогда же он попробовал себя как

---

¹ Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Кн. 2: Університет св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського. Київ: Прайм, 2001. С. 186.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 105.

⁴ Именно тогда была написана статья «О начале стихосложения в московской литературе» (ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 787. Л. 40. — Curriculum vitae Б.А. Ларина. 1.06.1929 г.).

⁵ Профессором М.Я. Калинович стал в 1923 г.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 140. Л. 9. — Анкетный листок Б.А. Ларина. 15.11.1924.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 4265. Оп. 1. Д. 204. Л. 32. — Curriculum vitae Б.А. Ларина. 17.10.1919. Интересно, что в анкете 1923 г. Б.А. Ларин указывал, что им был прочитан курс лекций «История украинского языка» на Педагогических курсах в Киеве *летом 1919 г.* Однако в октябре 1919 г., устраиваясь на работу в Педагогический институт, он этого не указал. Вряд ли мог забыть, ведь прошло всего 2 месяца. Вероятно, курс был прочитан все же в 1918 г., а в 1923 г. Б.А. Ларина просто подвела память.

рецензент¹ и напечатал первую статью по исследованию стиля и языка писателя, обратившись к лирике молодого поэта-символиста Павла Тычины².

В эти годы произошли два трагических события, важные для Б. Ларина: 22 декабря 1917 года в Томске умер Ф.И. Кнауэр, а 26 апреля 1918 года в Киеве от «испанки» умер Владимир Отроковский. Особенно тяжела была неожиданная потеря товарища, оставившая глубокий след на всю жизнь. Друзья в память Отроковского-поэта напечатали в киевском журнале «Куранты...»³ несколько его стихотворений. Там же был помещен некролог, написанный Борисом Лариным⁴. С этой утратой он долго не мог смириться: каждый год весной вспоминал друга, изливал тоску по нему в стихах⁵. На смерть учителя он также откликнулся некрологом, который, по-видимому, так и не был напечатан⁶.

Осенью 1919 года Борис Ларин оставил Киев и обосновался в Петрограде. Там начал преподавать в высших учебных заведениях — во 2-м Педагогическом институте и с января 1920 г. — в 3-м Педагогическом институте (вскоре получившем имя А.И. Герцена). Одновременно он продолжил в университете занятия по санскриту и начал изучение романских языков под руководством профессора Д.К. Петрова и доцента Г.Л. Лозинского⁷. Вскоре Б.А. Ларин вернулся к магистерским экзаменам (древнеиндийский язык, греческий, латынь, общее и сравнительное индоевропейское языковедение), которые успешно закончил в марте 1923 года.

Формально именно тогда он завершил затянувшийся период ученичества. Но профессор Л.В. Щерба еще в 1920 году подчеркивал, что «Борис Александрович Ларин уже давно работает над вопросами языка и успел приобрести основательную подготовку по всем отделам

---

¹ Ларин Б. [Рецензия] // Родная земля. (Киев) 1919. № 1. С. 25–27. Рец. на кн.: 1) Сумцов М.Ф. Начерк розвитку української літературної мови. Харків, 1918; 2) Савченко С.В. Происхождение романских языков. Киев, 1916.

² Ларин Б. Про соняшні кларнети П. Тичини // Книгарь. Літопис українського письменства. Київ, 1919, вересень-жовтень. Ч. 25–26. С. 1683–1688.

³ Иллюстрированный журнал «Куранты искусства, литературы, театра, и общественной жизни» выходил в Киеве с мая по октябрь 1918 года. Редактировал его А.И. Дейч. Всего вышло десять номеров. Тираж был невелик, и журнал в большинстве библиотек отсутствует или представлен лишь отдельными номерами, а № 2 даже в Киеве является библиографической редкостью.

⁴ Ларин Б. Владимир Отроковский // Куранты... [Киев]. 1918. № 2. С. 12. — Текст некролога см.: ИР НБУВ. Ф. 78. Д. 1635. Л. 1–2 (рукопись); 4 (машинопись).

⁵ ИР НБУВ. Ф. 78. Д. 1634. Л. 1. — Стихи Б.А. Ларина 1920–1921 гг.

⁶ На заседании ОРЯС АН 2 октября 1919 г. был рассмотрен некролог Ф.И. Кнауэра, написанный Б.А. Лариным, и принято решение «препроводить» его Е.Ф. Карскому для опубликования в «Русском филологическом вестнике» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 166. Л. 336об.). Однако журнал возродить не удалось, и судьба рукописей из «редакторского портфеля» остается неизвестной.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 3. Д. 140. Л. 6; Ф. 77. Оп. 1–1947. Д. 31. Л. 7; МСК. Архив Б.А. Ларина. Д. 64. — Автобиографии Б.А. Ларина разных лет.

языковедения, так что может считаться вполне готовым научным работником, тем более что помимо книжных знаний имеет исследовательский опыт и над непосредственным собиранием лингвистического материала из уст народных. ... Мы должны видеть в нем молодого ученого, который сумеет сказать свое слово, особенно в области изучения поэтического языка. Но разносторонность его подготовки заставляет надеяться, что и в других областях языкознания он проявит себя незаурядным ученым»¹.

Долгая научная жизнь Б.А. Ларина доказала прозорливость его учителя.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАК — Государственный архив г. Киева.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.

ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев).

МНП — Министерство народного просвещения.

МСК — Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина (СПбГУ).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

---

¹ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 787. Л. 8–8об. — Щерба Л.В. [Характеристика Б.А. Ларина]. 7.11.1920.

Ф.И. БУСЛАЕВ КАК ЛЕКСИКОЛОГ

Ф.И. Буслаев начинал свой творческий путь как методист, продолжил — как славист, историк русского языка и грамматист, завершал — многочисленными трудами по русской литературе, фольклору, мифологии и иконографии. Исследователи, следуя творческой биографии, называют ученого историком языка, диалектологом, синтаксистом и грамматистом, стилистом и ритором. Ф.И. Буслаев вслед за М.В. Ломоносовым обратил внимание на русские говоры и говорил о твердых законах, на которых основываются диалектные особенности. Он первым стал вести вузовские учебные курсы «Сравнительная грамматика индоевропейского языка» и «Историческая грамматика русского языка». Академику Ф.И. Буслаеву принадлежит честь быть одним из первооткрывателей когнитивной лингвистики, это легко сейчас доказывается, несмотря на отсутствие соответствующей терминологии в его работах¹. Им двигало желание соединить историю языка, в частности, смысл слова, с культурными традициями разных эпох².

Однако почему-то его не называют лексикологом. Правда, читатели его учебника «О преподавании отечественного языка» отмечали, что «в отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с *лексическим* (здесь и далее курсив наш. — Г.С.) составом русского языка»³. Биограф Ф.И. Буслаева С.В. Смирнов писал, что «Вторая часть книги («Материалы») содержит исследования по грамматике, стилистике и *лексикологии*»⁴. И это всё. Для большинства исследователей

---

¹ *Никитин О.В.* «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность // *Русский язык в школе.* 2018. № 5. С. 79–86.

² См., например, его письма внучке: *Никитин О.В.* «И мы, старики, тоже учимся...». Письма Федора Ивановича Буслаева внучке // *Литература в школе: Научно-методический журнал.* 1998. № 1. С. 55–64.

³ *Шахматов А.А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // *Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года.* СПб., 1898. С. 10.

⁴ *Смирнов С.В.* Федор Иванович Буслаев (1818–1897). М., 1978. С. 15

вышеперечисленные ипостаси выдающегося ученого затмевают титул лексиколога и историка русского слова.

Причин своеобразной «дискредитации» Ф.И. Буслаева как лексиколога несколько. Дело в том, что во времена Ф.И. Буслаева лексикологию как раздел языкознания еще не выделяли. Правда, изредка писали о происхождении слов: это были зачатки этимологии, но *этимологией* сам Ф.И. Буслаев называл современную морфологию, то есть любое изменение слова (изменение формы и однокоренные производные) было в сфере ведения этой *этимологии*¹.

Очень рано, еще в донациональный период, была осознана необходимость лексикографии: словари-азбуковники использовались для толкования иноязычных заимствований, поэтому словарное дело как прикладное и единственно полезное для практических нужд поддерживалось обществом и государством. Фундаментальный «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева, «Словарь Академии Российской» и другие словари XVIII — начала XIX вв. готовили почву для научного изучения семантических процессов русского языка. Составление словарей требовало разработки учения о слове. Интерес Буслаева к этой области языкознания (рецензии на разные словари, собственные лексикографические опыты) подталкивал его к лексикологическим и семасиологическим штудиям.

Кроме того, буслаевская концепция языка отводила слову подсобную по сравнению с предложением роль в речевой практике общества. И хотя значительная часть конкретных исследований ученого касалась как раз слова, его семантической структуры и функционально-стилистических свойств, но переступить границу, обозначенную самим академиком, исследователи не решались.

Свой главный труд, посвященный современному для своего периода жизни русскому языку, Ф.И. Буслаев назвал «Историческая грамматика русского языка», но «историческая» в том смысле, что это «грамматика русского языка с историческими комментариями», причем она была и функциональной грамматикой: в разделе «Синтаксис» есть глава, где описываются значения частей речи, в том числе их стилистические и художественные свойства. В главе «Синтаксиса», посвященной синтаксическому употреблению частей речи, подробно рассматриваются выразительные возможности многих отдельных слов. Словом, под одну обложку «Исторической грамматики» поместилась у Буслаева и общая концепция языка, и фонетика, и словообразование, и стилистика, и, как мы пытаемся доказать, лексикология. В действительности «Историческая

---

¹ См. показательное в данном отношении оглавление его книги: *Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 620.*

грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева — это великая книга, это энциклопедия знаний о русском языке в середине XIX века.

Во введении ученый пишет: «Только в предложении получают свое значение отдельные слова и их окончания и приставки. ... Каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением»¹. Умаление роли слова в речи до функции флексии и приставки — это явное преувеличение, но вполне оправданное для середины XIX века, потому что никто еще в ту пору не занимался ни статусом слова как такового, ни сравнением функций слова в предложении с ролью приставки и флексии в слове. Что же касается роли предложения (контекста) для раскрытия значения многозначного слова, то здесь Буслаев прав: сочетаемость слова в контексте — надежный прием для выявления значений слова.

Проследим развитие идеи Буслаева о слове, сравнивая его работы разного времени. Первый труд — это магистерская диссертация 1848 года: «Слово как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают воображение»². Это высказывание близко современной теории происхождения мотивированных лексем.

Теперь сравним определение статуса слова в «Исторической грамматике»: «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому что одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых. ... Хотя все слова служат для выражения понятий, однако отличаются большею или меньшею отвлеченностью»³. Позже автор уточнил процесс рождения слова: «Слово — не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили»⁴.

Несколько раз в «Исторической грамматике» повторяется мысль о том, что «одно и то же слово в различные времена или по различным наречиям одного и того же языка имеет различные значения», то есть с позиций семасиологии Буслаев утверждает идею сохранения единства и тождества слова, когда не только формальные признаки, но и устойчивость семантики позволяют оценивать слово как равное самому себе. Значит, историческое слово, например, в языке Московской Руси и сейчас — это

---

¹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 21.

² Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848. С. 10.

³ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 256.

⁴ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 1–2.

разные слова, тем более они неодинаковы в древнерусском языке (едином языке восточнославянской народности) и в современном русском (языке русской нации). У них иные семантические связи не только контекстуальные (синтагматические), но и в группе близких по значению слов (парадигматические)¹.

Первый раздел «Исторической грамматики русского языка» называется «Этимология». Уже в первой главе данного раздела «Звуки и соответствующие им буквы» ученый говорит о некоторых семантических различиях, вызванных историческими чередованиями, сравнивает однокоренные слова русского языка XIX века, при этом учитывает исторические и диалектные факты.

Во второй главе «Образование слов» еще больше примеров использования такой методики для выявления семантических различий в словах русского и церковнославянского языков, современного и исторического, литературного и диалектного. В этом Ф.И. Буслаев видит и практическую выгоду: «Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно: ... *столица* происходит от слова *столь*, означавшего в старину престол; ... *прапорщикъ* от слова *прапоръ*, означавшего знамя. ... Ближайшими источниками, откуда почерпается объяснение слов нынешнего общеупотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский; 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям»². Так, по Ф.И. Буслаеву, для выявления семантики слова нужно проводить настоящее исследование, выбирая нужный материал и используя научные данные о причинах и содержании фонетических изменений, о наборе актуальных или архаичных словообразовательных моделей, о правилах сочетаемости слова с лексемами иной частеречной принадлежности.

Ученый рассуждает как исторический лексиколог: «Нынешний общеупотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически. ... Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историей языка. ... Относительно значения слов древний и народный язык отличается: 1) Ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении (см. пример Ф.И. Буслаева: *дотла* от *до тла* 'дно'. — Г. С.); 2) Точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню (см. пример Ф.И. Буслаева: *на-ук-а* от *-ук-* 'навык', ср. *уч-и-ть*, *при-вык-а-ть*. — Г. С.); 3) Изобразительностью, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение (пример: *по-н-я-ть* 'уразуметь, усвоить', а ранее вообще 'братъ'. — Г. С.);

¹ См. посвященную этой проблеме статью: *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *История слов.* М., 1999. С. 5–38.

² *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. С. 94.

4) Полнотою, расширяющею ныне принятое значение слова. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем. ... Так, напр., ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих супругов»¹. Говоря «об отношении ныне употребительного слова к его источникам», ученый показывает значимость исторических сведений для выявления в полном объеме семантической структуры слова, установления иерархии его значений. Знание ретроспективы развития слова позволяло ученому видеть в его семантическом объеме то, чего не замечали некоторые его коллеги, а также и лингвисты последующих веков, пытающиеся заменить исторические сведения о слове изучением его современных ассоциативных связей. Становится понятной и важность учета морфемного состава слова, а также всего набора производных лексем, на чем настаивал Ф.И. Буслаев как подлинный историк слова. Словом, параграф 45, из которого взята цитата, содержит лаконичную, но выразительно сформулированную программу анализа семантической структуры слова во всем объеме его значений, оттенков значений и особенностей употребления.

Буслаев проявлял особое внимание к семантическим оттенкам слов. Говоря об особенностях образования глагольных лексем, он приводит объемные коллекции слов с аффиксом *-ну-* (типа *слепнуть, сохнуть, гложнуть* и т. д.), большой список глаголов многократного действия (типа *давивал, купливал, клдывал*) и мгновенного действия (*глядь, хватъ, хлоп*), обращая внимание на особенности выражения глагольного действия. По сути, уже в середине XIX века, опередив свое время, Ф.И. Буслаев стал детально разбираться в лексико-грамматических группах глаголов, описание которых в современных грамматиках и учебниках составляет уже десятки страниц.

Исследователь внимателен к тематическим разрядам нарицательных существительных, считает необходимым говорить о значении имен собственных. Это касается неофициальных названий лиц с ласкательным и уничижительным значением и слов, означающих отчество². Он тщательно описывает оттенки значений существительных «увеличительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и уничижительных»: встречаются «суффиксы *-ыг-*, *-уг-(-юг-)*, *-яг-(-аг-)* для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки; напр., *тороп-ыг-а, пьянч-уг-а, бедн-яг-а, звер-юг-а, дел-яг-а*», причем выделяет сферы употребления тех или иных существительных: «Прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая; но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко: *Петр-уш-а,*

¹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 96–97.

² Там же. С. 100, 133–134, 136.

*пер-уш-к-о»*¹. Степеням сравнения прилагательных посвящено семь страниц в главе 2², при этом анализируется не только семантика с учетом вариативности, но и оценивается динамика и степень употребительности в разных сферах: церковнославянское, книжное, разговорное, областное.

Безусловно, к семантическим наблюдениям ученого относятся его заметки по лексической стилистике из первой главы синтаксического раздела «Исторической грамматики»: эпитет, синонимы (здесь, кстати, объясняется разница между «собственным» (прямым) и переносным значением слова), тропы: метафора, метонимия, синекдоха³. Например, рассуждая о метафоре, Ф.И. Буслаев подробно рассказывает, опираясь на факты истории языка и народную областную речь, о формировании семантической структуры названий животных, птиц и насекомых, деревьев и растений, ископаемых, видов оружия, водных объектов. Анализ этих слов посвящены целые страницы примечаний (все исторические справки Федор Иванович оформлял как примечания к основному тексту).

С идеями Гумбольдта и современной антропологической лингвистикой связано следующее высказывание академика: «Так как каждый язык пользуется своими собственными, национальными воззрениями при выражении понятий, то выучиться чужому языку значит не только усвоить себе его звуки и формы, но и постановить себя на новую точку зрения, с которой народ изучаемого языка смотрит на природу и жизнь»⁴.

Ф.И. Буслаев хорошо понимал взаимосвязи разных уровней языка, например, о связи лексической семантики и синтаксических качеств частей речи он писал: «Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы»⁵.

Перечень рассмотренных им слов касается главных национальных стереотипов русской ментальности: *мир, земля, страна, отечество, путь, пространство и время, душа, жизнь и смерть, искусство, наука, право, вера, судьба, честь*⁶, *народ, язык и слово, душа и дух, церковь, брак*⁷.

О стилистике Ф.И. Буслаев пишет и в книге «О преподавании отечественного языка», и в «Исторической грамматике», причем его

¹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 134.

² Там же. С. 143–148.

³ Там же. С. 289–317.

⁴ Там же. С. 314. О национальном, русском характере научного творчества Буслаева см.: Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность. С. 79–86.

⁵ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 314.

⁶ Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 248–253, 275–282, 308–311.

⁷ Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. С. 10, 65–66, 67–74, 88, 105.

стилистика касается прежде всего стилистических свойств лексики. А его «ономатика» как раздел книги «О преподавании отечественного языка» в основных чертах похожа на нашу ономазиологию, хотя семантическая структура слова, по Буслаеву, — это набор исторических смыслов и символики слова. «Фигурные выражения» Буслаева — это начало изучения фразеологии в отечественной лингвистике, а ведь эти выражения заметил и описал 24-летний автор первого учебника по методике русского языка.

Вслед за «Опытом исторической грамматики» Ф.И. Буслаев выпустил «Историческую хрестоматию», где впервые представил и прокомментировал и лексические особенности древних текстов разных жанров и даже современных ему диалектов. Палитра исторических комментариев у Ф.И. Буслаева настолько широка, что позволяла каждому читателю (ученику или исследователю) открыть новое пространство в духовной жизни *слова*: от божественного до фольклорного, от дипломатического до публицистического)¹.

Уже ученые конца XIX века осознали, что наследие Ф.И. Буслаева представляет собой собрание плодотворных идей, которые обязательно будут восприняты потомками: «Благотворное влияние трудов первого историка нашего языка простирается гораздо шире и глубже, чем оно может казаться с первого взгляда»².

Думается, настало время для внимательного, с учетом современного уровня науки, комментария к лексикологическим заметкам Ф.И. Буслаева не только в «Исторической грамматике», но и в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык» (1848 г.), которая в основном построена на лексическом материале, а также в рецензиях на разные словари, в статьях диалектологического, исторического и методического содержания. Как специалист по риторике и стилистике русского языка Ф.И. Буслаев не мог обойтись без лексико-семантического анализа. При этом, как выясняется, он часто опережал свое время, когда русская лексикология только еще зарождалась. Каждый, помнящий содержание двух его знаменитых книг («О преподавании отечественного языка» и «Историческая грамматика русского языка»), признает, что Ф.И. Буслаев еще и этнолингвист, что чрезвычайно важно для лексико-семантических исследований. Не будем предсказывать, сколько «открытий чудных» ожидает нас при повторном обращении к творческому наследию Ф.И. Буслаева, работавшего в науке на пересечении языкознания, литературоведения, искусствоведения, культурологии, педагогики. В его творческом сознании были задействованы такие ассоциации, которые немислимы для нашего современника — узкого специалиста.

---

¹ См. подробнее: *Никитин О.В.* «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 82–88.

² *Войнаховский К.* Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1889. С. 115.

Сведения об авторах

Генералова Елена Владимировна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский гос. университет.
elena-generalova@yandex.ru

Гербецца Этторе, Ph.D. (кандидат филол. наук), научный сотрудник, преподаватель кафедры русского языка, Удинский государственный университет (Италия, Удине).
ettore.gherbezza@uniud.it

Груздева Елена Николаевна, кандидат истор. наук, СПб. филиал Архива РАН, зав. отделом (Санкт-Петербург).
elgru@rambler.ru

Дягилева Ирина Борисовна, кандидат филол. наук, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
diaghileva@gmail.com

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский гос. университет.
e_zinovieva@mail.ru

Калиновская Валентина Николаевна, кандидат филол. наук, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
kalinovskaiaavn@yandex.ru

Коваленко Кира Иосифовна, кандидат филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
kira.kovalenko@gmail.com

Коркина Татьяна Дмитриевна, кандидат филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
tdk2006@bk.ru

Костючук Лариса Яковлевна, доктор филол. наук, профессор, Псковский государственный университет.
anh57@yandex.ru

Малышева Ирина Алексеевна, доктор филол. наук, профессор, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
iamalysheva@mail.ru

Мольков Георгий Анатольевич, кандидат филол. наук, научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
georgiymolkov@gmail.com

Патроева Наталья Викторовна, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет.
nvpatr@list.ru

Русанова Светлана Владимировна, кандидат филол. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет.
rusanowa_7@mail.ru

Семенов Петр Александрович, доктор филол. наук, доцент, профессор Балтийского института иностранных языков и межкультурного сотрудничества (Санкт-Петербург).
2331638@mail.ru

Соколов Александр Иванович, канд. филол. наук, доцент, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
albanev@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич, доктор филол. наук, профессор, Вологодский государственный университет.
gvs035@rambler.ru

Черепанова Ольга Александровна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург).
olga-home36@yandex.ru

Чернышева Маргарита Ивановна, доктор филол. наук, профессор, вед. научн. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
chernysheva@bk.ru

Шулежкова Светлана Григорьевна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Институт гуманитарного образования Магнитогорского гос. технического университета им. Г.И. Носова.
shulezkova@gmail.com

Щекин Алексей Сергеевич, кандидат филол. наук, лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский гос. университет.
shekinalexey@gmail.com

Эзериня Светлана Аркадьевна, кандидат филол. наук, ст. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
sezerspb@yandex.ru

Аннотации и ключевые слова

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Черепанова О.А. Историческая лексикология в ее отношении к задачам сравнительно-исторического изучения славянских языков

В статье подчеркивается значимость исторической лексикологии для славянской исторической компаративистики и обосновывается ее включение в учебные курсы сравнительно-исторического изучения славянских языков.

Ключевые слова: историческая лексикология, славянская историческая компаративистика.

Чернышева М.И. Традиционные и новые аспекты изучения роли греческого языка на раннем этапе становления лексики письменного русского языка

В статье говорится о необходимости дальнейшего изучения таких показателей древних славяно-русских переводов с греческого языка («феноменов перевода»), как заимствованная и заимствуемая лексика («грецизмы»), парах *legomena*, «иноязычные вкрапления», лексические дублиеты («двуязычные», «гомогенные» и др.), кальки (словообразовательные, семантические), словесная символика. Автор привлекает также внимание к этимологизации как важнейшему показателю переводных текстов, без учета которой невозможно правильное понимание средневековой теории имени. Автор утверждает, что роль греческого языка на раннем этапе становления письменного русского языка до конца не определена и недостаточно раскрыта. В качестве нового подхода предложено сравнительное изучение лексики в греческо-славяно-русских группах.

Ключевые слова: русская историческая лексикология, древнеславянские и древнерусские переводы с греческого языка.

Гербеца Э. Опосредованные итальянизмы в русском языке. Проблемы и перспективы исследования

Статья посвящена лексическим единицам итальянского происхождения, зафиксированным в русской лексикографии. Особое внимание уделяется категории опосредованных заимствований и, с методологической точки зрения, необходимости устанавливать различия между конечным источником заимствованного слова и языком-посредником.

Ключевые слова: итальянизмы, языковой контакт, опосредованные заимствования, историческая лексикология, историческая лексикография.

Зиновьева Е.И. Лексико-фразеологическая репрезентация зимы в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII веков

В статье рассматривается словообразовательное гнездо с вершиной «зима» в обиходном русском языке XVI–XVII вв. Анализируется значение, функционирование и логико-понятийные связи лексических и фразеологических единиц, входящих в состав данного словарного объединения, в связи с их языковой и экстралингвистической мотивированностью. Прослеживаются также некоторые тенденции развития обиходного языка данного периода.

Ключевые слова: обиходный язык, семантическое пространство языка, значение, особенности употребления, словообразовательное гнездо.

Мальшиева И.А. Префиксальные образования в русском языке XVIII века (прилагательные с *пред-*)

В статье рассматриваются прилагательные с префиксом *пред-* в русском языке XVIII в. Данная группа прилагательных начала активно формироваться начиная с XVI–XVII вв., в XVIII столетии состав прилагательных данной словообразовательной модели увеличивается как за счет единичных образований, появившихся у отдельных авторов, так и за счет новообразований, вошедших в лексическую систему языка и получивших дальнейшее семантическое развитие.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, историческая лексикология, префиксальные образования, прилагательные с *пред-*.

Русанова С.В. Относительное местоимение *который* в языке законодательных актов Петровской эпохи и новый языковой стандарт

В статье речь идет о некоторых аспектах освоения русским литературным языком XVIII века определительных придаточных предложений с относительным местоимением *который*, замещающим определяемое имя главного предложения. Высказывается мысль о том, что время активизации данных конструкций в книжном и деловом языках не совпадает. Анализ языка законодательных документов петровской эпохи и сопоставление его с результатами исследования других регистров письменного языка свидетельствует о более раннем отражении указанного процесса в деловом языке, что позволяет дополнить информацию о путях вхождения относительного подчинения с союзным словом *который* в русский литературный язык нового типа.

Ключевые слова: относительное местоимение *который*, определительное придаточное предложение, деловой язык петровской эпохи.

Мольков Г.А. Употребление предлогов *чрез* и *через* в русском языке XVIII века

В статье проведен сопоставительный анализ структуры значений предлогов *чрез* и *через* в текстах XVIII века. При совпадении круга основных значений, передаваемых предлогами, выделяется несколько частных отличий. Практически все особенности, отличающие неполногласный вариант, связаны с передачей не свойственных древнерусскому языку значений, проникших в русский язык, по-видимому, в период XVI–XVII веков при наиболее интенсивных контактах русского и польского языков и связаны с влиянием структуры значений польского предлога *przez*.

Ключевые слова: русский язык XVIII века; историческая лексикология, грамматическая семантика, мнимый церковнославянизм, польское влияние.

Соколов А.И. К истории композитов с постпозитивными элементами *-твор-* и *-род-* в русской химической терминологии XVIII — первой четверти XIX в.

В статье рассматриваются сложные прилагательные и существительные с варьирующейся второй основой *-твор-* и *-род-* в составе терминов и терминологических словосочетаний. Уточняется хронология появления данных композитов. Показано, что причина вариантности анализируемых единиц обусловлена характером их происхождения как калек с разными иноязычными прототипами.

Ключевые слова: историческая лексикология, словообразование, композиты, калькирование, русская химическая терминология, XVIII — первая четверть XIX века.

Калиновская В.Н., Эзериня С.А. Композиты с начальным компонентом *земле-/зем(н)-* (новации XIX века)

В статье рассматриваются русские лексические и семантические новации XIX века в области формирования композитов с одним из ключевых для русской языковой картины мира начальным компонентом *земле-/зем(н)-*, количество которых по сравнению с предыдущими периодами значительно возрастает. При этом важнейшими значениями компонента в это время оказываются 'земля как объект сельского хозяйства', 'земля как объект владения, принадлежности', 'поверхность Земли' и 'грунт, объект строительных и т. п. работ'.

Ключевые слова: история русского языка, историческая лексикология, семантика, сложные слова

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Шулежкова С.Г. Обороты с компонентом *ангель* как объект описания во «Фразеологическом словаре старославянского языка»

В старославянском языке слово *ангель*, реализуя разные значения, входит в состав устойчивых словесных комплексов, связанных тематическими, гипонимическими, синонимическими, антонимическими отношениями. Большая часть этих комплексов была унаследована русским и другими славянскими языками с некоторыми структурными и семантическими изменениями.

Ключевые слова: ангел, старославянский язык, устойчивый словесный комплекс, фразеологический словарь, вариантность, трансформация.

Генералова Е.В. *Прямое мясо и кривое молоко:* метафоризация понятий прямизны и кривизны в устойчивых сочетаниях русского языка XVI–XVII вв.

В статье на материале исторических и диалектных словарей и картотек рассматривается функционирование устойчивых сочетаний, семантически связанных с категориальной оппозицией «прямое–кривое».

Ключевые слова: историческая фразеология, историческая лексикология, устойчивое сочетание, понятийная оппозиция, культурная семантика.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Костючук Л.Я. Значимость синхронно-диахронных наблюдений в лексикографической практике (к 55-летию разработки Б.А. Лариным концепции «Псковского областного словаря с историческими данными»)

В статье освещается значимость подготовки и создания «Псковского областного словаря с историческими данными», концепция которого была разработана Б.А. Лариным в 1963 г. Особо подчеркнута перспективность того направления диалектной лексикографии, которое было изложено проф. Б.А. Лариным во вступлении-напутствии к готовившемуся первому выпуску словаря.

Ключевые слова: диалектная лексикография, псковские говоры, балтийские и финно-угорские языки, языковое соседство, языковые процессы.

Коваленко К.И. О некоторых приемах лексикографической работы составителей азбуковников Московской Руси

В статье рассматриваются основные приемы работы с источником, используемые составителями азбуковников Московской Руси. При создании или редактировании словарных сводов составители пользовались как лексикографическими, так и литературными источниками, при этом словарные статьи или текстовые фрагменты могли включаться в азбуковники без изменений или претерпевать изменения: обширные фрагменты текста сокращались или трансформировались в соответствии со структурой словарной статьи, в толкование включались глоссы или комментарии к тексту, написанные на полях рукописей. Некоторые словарные статьи представляют собой компиляцию сведений о толкуемой единице, почерпнутых из разных источников. Иноязычные слова, написанные в источнике греческими буквами, транслитерировались кириллицей.

Ключевые слова: лексикография, азбуковник, Давид Замарай, Максим Грек, Летописец Еллинский и Римский, Геннадиевская библия, ономастикон.

Семенов П.А. Особенности гнездования славянизмов в «Словаре Академии Российской»

В статье рассматриваются вопросы стилистической интерпретации славянизмов как генетико-стилистической категории в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). На основании сопоставительного анализа двух гнезд (*глас – голос, глава – голова*) делается попытка реконструировать стилистические взгляды лексикографов XVIII века и объяснить различия в стилистических оценках разных слов.

Ключевые слова: славянизм, стилистическая оценка, помета (маркировка), коннотация, генетико-стилистическая категория, норма, словообразовательное гнездо.

Дягилева И.Б. Из опыта работы над «Словарем русского языка XIX века»

В статье представлены некоторые методы работы над дифференциальным историческим словарем, показаны особенности представления в нем лексического материала на примере композитов с первым компонентом *административно-*, слов *багаж, бадминтон*, фразеологизма *тянуть (гнуть) на барскую руку*.

Ключевые слова: историческая лексикология, историческая лексикография, электронная база текстов, словник, словоупотребление.

Патроева Н.В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта

В статье предложена общая характеристика первого в истории русской лексикографии синтаксического поэтического словаря. Создание словаря готовит необходимые предпосылки для уточнения особенностей синтаксического устройства стихотворного текста в тесной связи с жанром, метрикой и строфикой произведения.

Ключевые слова: синтаксический словарь, поэтический синтаксис, грамматика поэзии, писательский словарь.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Щекин А.С. Межевые документы XVI–XVII вв. как источник по истории фитонимической лексики русского языка

В статье рассматриваются некоторые специфические аспекты употребления фитонимической лексики (названий деревьев и кустарников) в русских деловых памятниках (межевых документах) XVI–XVII вв., устанавливающих границы между земельными участками (межевых документах), с точки зрения практического представления этой группы лексики в формате электронной базы данных.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, XVI–XVII вв.

Коркина Т.Д. Кеврольская таможенная книга 1710 г. как лингвистический источник

В статье представлено лингвоисточниковедческое исследование неопубликованного и ранее отдельно не исследованного памятника региональной деловой письменности начала XVIII в. — кеврольской таможенной книги 1710 г. Эта книга, самая ранняя из сохранившегося комплекса таможенной документации Кевролы и Кеврольского уезда, содержит важный для изучения словарного состава русского языка XVIII в. лексический материал.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, таможенные книги, Русский Север, Кеврола, памятники деловой письменности, историческая лексикология, региональная лексика.

ПЕРСОНАЛИИ

Груздева Е.Н. Борис Ларин. Детство. Годы учебы (наброски к биографии): *К 125-летию со дня рождения*

В статье представлены историко-биографические сведения о детских и юношеских годах выдающегося российского лингвиста Б.А. Ларина (1893–1964). С привлечением архивных материалов Киева, Москвы и Санкт-Петербурга раскрываются ранее неизвестные или малоизвестные факты его жизни и учебы, позволяющие проследить становление будущего исследователя и формирование круга его научных интересов.

Ключевые слова: Б.А. Ларин, Коллегия Павла Галагана, сравнительное языковедение, В.Н. Перетц, Ф.И. Кнауэр.

Судаков Г.В. Ф.И. Буслаев как лексиколог

Статья рассматривает концепцию слова, которую развивал академик Ф.И. Буслаев. Оцениваются работы ученого по лексической стилистике, исторической лексикологии и этимологии. Автор статьи показывает соотношение грамматики и лексики в буслаевской теории языка, где главное место отведено предложению, а слово представлено как существенный элемент предложения, и значение слова зависит от места в предложении и в целом — от контекста. Учтены семантические закономерности развития слова, впервые обнаруженные ученым и получившие продолжение в работах его последователей.

Ключевые слова: теория языка, уровни языка, многоаспектный анализ слова, семантическая структура слова, лексика как система, история русского слова.

Summaries and keywords

LEXICOLOGY

Cherepanova O. The historical lexicology in its relation to problems of the comparative historical study of Slavic languages

The article accentuates the significance of the historical lexicology for Slavic historical comparative linguistics and explains its inclusion in the educational courses of the comparative historical study of Slavic languages.

Keywords: historical lexicology, Slavic comparative linguistics, educational courses.

Chernysheva M. The role of Greek at the early stage of written Russian language vocabulary formation — traditional and new research aspects

The article speaks about the need for further study such indicators of Old Slavic-Russian translations from Greek (“phenomena of translation”) as borrowed (the loanwords) and borrowing words, hapax legomena, lexical doublets (“bilingual”, “homogeneous”, etc.), the semantics of difficult structure words (composita), verbal symbols. The author also attracts the attention to etymologization as the most important indicator of translated texts, without which it is impossible to understand the medieval theory of the name. The author argues that the role of Greek at the early stage of written Russian language vocabulary formation is not fully defined and insufficiently disclosed. A comparative vocabulary study in Greek-Slavic-Russian groups is proposed as a new approach.

Keywords: Russian historical lexicology, Old Slavonic and Old Russian translations from Greek.

Gherbezza E. Italian indirect borrowings in the Russian language. Problems and research perspectives

This paper analyses some manifestations of language contact between Italian and Russian, in particular lexical Italianisms acquired indirectly. Special attention is given to methodological issues, in order not to underestimate the contribution of intermediate languages during the process of lexical borrowing from Italian into Russian.

Keywords: italianisms, language contact, indirect borrowings, historical lexicology, historical lexicography.

Zinovjeva E. Lexico-phraseological representation of winter in quotidian Russian of Muscovite Rus of the 16th–17th centuries

The article deals with the family of words with the heading word ‘winter’ in quotidian Russian of the 16th–17th centuries. The meaning, functioning and logical-conceptual relationship of the lexical and phraseological units that make up this word grouping are analysed due to their linguistic and extralinguistic substantiation. Besides, the article traces some development trends of the quotidian language of this historical period.

Keywords: quotidian language, semantic space of language, meaning, features of use, family of words.

Malysheva I. Prefixal forms in the Russian language of the 18th century (adjectives with *pred-*)

In the article adjectives with prefix *nped-* in the Russian language of 18th century is considered. These groups of adjectives started to shape actively since 16th to 17th centuries and in the 18th century body of this derivational model increased both by means of solitary forms created by separate authors and with new and semantically developed in the future forms of the colloquial lexical system.

Keywords: Russian language, 18th century, historical lexicology, prefixal forms, adjectives with *nped-*.

Rusanova S. Relative pronoun *kotoryj* is in the language of legislative acts of the era of Peter the Great and the new language standard

The article deals with attributive clauses with relative pronoun *kotoryj*, replacing the defined name of the main clause in the Russian literary language of the 18th century. The idea is introduced that activation of such constructions in book Russian and in business language differs in time. According to the analysis of the language of legislative documents the specified process was first reflected in business language. It allows to add information on the ways of entry of this type of relative subordination into the Russian literary language of the new type.

Keywords: relative pronoun *kotoryj*, attributive subordinate clause, business language of the Peter the Great era.

Molkov G. Use of the prepositions *чрез* and *через* in the eighteenth century Russian language

The paper compares the structure of the meaning of prepositions *чрез* and *через* in the texts of the 18th century. Although the range of basic values transmitted by the prepositions coincides, several particular differences are distinguished. Almost all the features that distinguish the Church Slavonic variant are associated with the transfer of meanings that penetrated into the Russian language, not typical for the Old Russian language, apparently during the 16th–17th centuries with the most intensive contacts of Russian and Polish languages and are connected with the influence of the structure of the Polish preposition *przez*.

Keywords: the eighteenth-century Russian language; historical lexicology; grammatical semantics; alleged Church Slavonicism; Polish influence.

Sokolov A. On the issue of compounds with postpositive elements *-tvor-* (*-mвop-*) and *-rod-* (*-pод-*) in Russian chemical terminology of the 18th — the first quarter of the 19th century

The article deals with stem-compounds (adjectives and nouns) with a varying second base *-mвop-* and *-pод-* as part of terms and terminological phrases. The chronology of emergence of these lexemes is specified. It is shown that the reason for the variance of the analyzed units is due to the nature of their origin as calques with different foreign-language prototypes.

Keywords: historical lexicology, word formation, compounds, calquing, Russian chemical terminology, 18th — the first quarter of the 19th century.

Kalinovskaya V., Ezerinya S. Compound words with the first component *zemle-/zem(n)-* (the 19th century Russian neologisms)

The paper focuses on the 19th century Russian lexical and semantic neologisms with first word component *zemle-/zem(n)-* — one of the basics for the Russian language world view. The number of such compound words sufficiently increasing in the 19th century — in comparison with the previous time. It should be noted that in this period of time, the topmost meanings of the given component are ‘topsoil as an agricultural resource’, ‘land as property, estate’, ‘earth surface’, and ‘soil, ground as an object for construction and the like’.

Keywords: history of the Russian language, historical lexicology, semantics, compound words

PHRASEOLOGY

Shulezkova S. Phraseological units with component “*ангелъ*” as the object of description in “Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language”

The word *ангелъ* actualises different meanings and becomes the base for forming fixed word combinations, functioning in the texts of the 10th–11th centuries and interconnected by various relations — thematic, hyponymic, synonymic, antonymic. The greater part of such fixed word combinations experiences structural and semantic changes, and then enters into Russian and other Slavonic languages.

Keywords: Angel (*ангелъ*), the Old Church Slavonic Language, set units, phraseological dictionary, variability, transformation.

Generalova E. Straight meat and curved milk: metaphorization of the concepts of straightness and curvature in the fixed word combinations in Russian of 16th–17th centuries

The article deals with the fixed word-combinations semantically connected with conceptual opposition “straight–curved”. The linguistic base of the research is data of historical and dialect dictionaries and card files.

Keywords: historical phraseology, historical lexicology, fixed word-combinations, conceptual opposition, cultural semantics.

LEXICOGRAPHY

Kostyuchuk L. Relevance of synchronic-diachronic findings in practical lexicography (to the 55th anniversary of the message to the first publication of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)

The article deals with the significance of the creation of “Pskov Regional Dictionary with Historical Data” with its concept presented by Boris Larin in 1963. The article underlines the prospects of this direction of dialect lexicography in Larin scientific school.

Keywords: dialect lexicography Pskov, dialect, Baltic and Finno-Ugric languages, linguistic vicinity, linguistic processes.

Kovalenko K. Some methods of the lexicographical work used by compilers of Russian handwritten lexicons

The article discusses the basic principles of the lexicographical work used by the handwritten lexicons compilers in the Grand Duchy of Moscow. While creating or editing lexicons, compilers used both lexicographical and literary sources. Lexicographical entries or text fragments could be included in lexicons without changes or having been changed: extensive text fragments were reduced or transformed according to the structure of the entry, marginal glosses and comments were also included into the explanatory part. Some entries were compiled from the information about the headword, taken from various sources. Foreign words, written in the source in Greek letters, were transliterated into Cyrillic.

Keywords: lexicography, handwritten lexicons, David Zamaray, Maximus the Greek, Hellenic and Roman Chronicle, Gennady's Bible, Onomasticon

Semenov P. The specific features of forming “nests” of Church Slavonic words in the “Dictionary of Russian Academy”

This article is devoted to the questions of the stylistic interpretation of Church Slavonic words as a genetic and stylistic category in the “Dictionary of Russian Academy” (1789–1794). On the basis of the comparative analysis of two groups of words of same root (*glas* — *golos*, *glava* — *golova*) the author makes an attempt to reconstruct stylistic views of the lexicographers of the 18th century and to explain differences in stylistic estimation of the different words.

Keywords: Slavonicism (Church Slavonic word), stylistic estimation, mark, connotation, genetic and stylistic category, norm, family of words (nest).

Diaghileva I. Based on my experience of working on the Dictionary of the 19th century Russian

The article deals with lexicographical methods of work on the differential historical dictionary and shows examples of word entries the ways different lexical data is presented in the dictionary.

Keywords: historical lexicology, historical lexicography, text database, wordlist, word usage.

Patroyeva N. The Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological bases of the lexicographic project

The article offers a general description of the syntactic poetic dictionary, which is the first in the history of the Russian lexicography. The creation of the dictionary prepares the necessary prerequisites for clarifying the features of the syntactic organization of the verse text in close connection with the genre, metrics and stanza of the work.

Keywords: syntactic dictionary, poetic syntax, grammar of poetry, writer's dictionary.

SOURCES OF LEXICAL STUDY

Shchekin A. Documents of land surveying of 16th–17th centuries as sources for the history of plants denominations in the Russian language

The paper addresses some specific aspects of the use of denominations of plants in Russian documents of land surveying of 16th–17th centuries. The author discusses the presentation of denominations of plants as database.

Keywords: Russian language, history of lexis, 16th–17th century.

Korkina T. Kevrola customs book dated 1710 as a source for linguistic studies

The paper proposes a linguistic source analysis of a Kevrola customs book (1710) which is an unpublished manuscript of the beginning of the 18th century created in the Russian North. The book is the earliest document of preserved Kevrola and Kevrolisky district customs documents. The lexical material it contains is important for researchers in the Russian vocabulary field of the 18th century.

Keywords: Russian, the 18th century, customs documents, The Russian North, Kevrola, manuscripts of formal language, historical lexicology, local words.

PERSONALITIES

Grusdeva E. Boris Larin. Childhood. Youth. College years (biographical sketch): *For the 125th anniversary of his birth*

The essay reveals historical and biographical facts about the childhood and youth of the famous Russian linguist Boris Larin (1893–1964). Based on the documents from the archives of Kiev, Moscow and St. Petersburg, it considers little-known or even previously unknown at all details of his life, school and college years to trace the personal and professional development of the prospective researcher along with the formation of his peculiar interest in science.

Keywords: B.A. Larin, the Galagan College, comparative linguistics, V.N. Peretz, F.I. Knauer.

Sudakov G. F.I. Buslaev as lexicologist

The article considers the concept of the word developed by academician F.I. Buslaev. It evaluates the work of the scientist on lexical style, historical lexicology and etymology. The author shows the relationship of grammar and vocabulary in Buslaev's language theory, where the main place is given to the sentence, and the word is presented as an essential element of the sentence, and the meaning of the word depends on the place in the sentence and the whole context. The semantic regularities of the word development, first discovered by the scientist and continued in the works of his followers, are taken into consideration.

Keywords: language theory, language levels, multidimensional word analysis, semantic structure of the word, vocabulary as a system, history of Russian word.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
--------------------	---

Лексикология

<i>Черепанова О.А.</i> Историческая лексикология в ее отношении к задачам сравнительно-исторического изучения славянских языков.....	7
<i>Чернышева М.И.</i> Традиционные и новые аспекты изучения роли греческого языка на раннем этапе становления лексики письменного русского языка.....	13
<i>Гербеца Э.</i> Опосредованные итальянизмы в русском языке. Проблемы и перспективы исследования.....	34
<i>Зиновьева Е.И.</i> Лексико-фразеологическая репрезентация зимы в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII веков.....	46
<i>Малышева И.А.</i> Префиксальные образования в русском языке XVIII века (прилагательные с <i>пред-</i>).....	54
<i>Русанова С.В.</i> Относительное местоимение <i>который</i> в языке законодательных актов Петровской эпохи и новый языковой стандарт.....	68
<i>Мольков Г.А.</i> Употребление предлогов <i>через</i> и <i>через</i> в русском языке XVIII в.	75
<i>Соколов А.И.</i> К истории композитов с постпозитивными элементами <i>-твор-</i> и <i>-род-</i> в русской химической терминологии XVIII — первой четверти XIX в.	85
<i>Калиновская В.Н., Эзериня С.А.</i> Композиты с начальным компонентом <i>земле-/зем(н)-</i> (новации XIX века)	100

Фразеология

<i>Шулежкова С.Г.</i> Обороты с компонентом <i>ангель</i> как объект описания во «Фразеологическом словаре старославянского языка».....	115
<i>Генералова Е.В.</i> <i>Прямое мясо</i> и <i>кривое молоко</i> : метафоризация понятий прямизны и кривизны в устойчивых сочетаниях русского языка XVI–XVII вв.	130

Лексикография

<i>Костючук Л.Я.</i> Значимость синхронно-диахронных наблюдений в лексикографической практике (к 55-летию разработки Б.А. Лариным концепции «Псковского областного словаря с историческими данными»)	143
<i>Коваленко К.И.</i> О некоторых приемах лексикографической работы составителей азбуковников Московской Руси.....	153
<i>Семенов П.А.</i> Особенности гнездования славянизмов в «Словаре Академии Российской».....	160
<i>Дягилева И.Б.</i> Из опыта работы над «Словарем русского языка XIX века».....	172
<i>Патрочева Н.В.</i> Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта.....	178

Источники изучения лексики

<i>Щекин А.С.</i> Межевые документы XVI–XVII вв. как источник по истории фитонимической лексики русского языка.....	195
<i>Коркина Т.Д.</i> Кеврольская таможенная книга 1710 г. как лингвистический источник.....	202

Персоналии

<i>Груздева Е.Н.</i> Борис Ларин. Детство. Годы учебы (наброски к биографии). <i>К 125-летию со дня рождения</i>	217
<i>Судаков Г.В.</i> Ф.И. Буслаев как лексиколог.....	234
Сведения об авторах.....	241
Аннотации и ключевые слова.....	243
Summaries and keywords.....	248
Содержание.....	253
Table of contents.....	255

Table of contents

<i>Preface</i>	3
----------------------	---

Lexicology

<i>Cherepanova O.</i> The historical lexicology in its relation to problems of the comparative-historical study of Slavic languages.....	7
<i>Chernysheva M.</i> The role of Greek at the early stage of written Russian language vocabulary formation — traditional and new research aspects.....	13
<i>Gherbezza E.</i> Italian indirect borrowings in the Russian language. Problems and research perspectives.....	34
<i>Zinovyeva E.</i> Lexico-phraseological representation of winter in quotidian Russian of Muscovite Rus of the 16 th –17 th centuries.....	46
<i>Malysheva I.</i> Prefixal forms in the Russian language of the 18 th century (adjectives with pred-).....	54
<i>Rusanova S.</i> Relative pronoun <i>kotoryj</i> in the language of legislative acts of the era of Peter the Great and the new language standard.....	68
<i>Molkov G.</i> Use of the prepositions <i>чрез</i> and <i>через</i> in the eighteenth century Russian language.....	75
<i>Sokolov A.</i> On the issue of compounds with postpositive elements – <i>tvor-</i> (–твор–) and – <i>rod-</i> (–род–) in Russian chemical terminology of the 18 th – the first quarter of the 19 th century.....	85
<i>Kalinovskaya V., Ezerinya S.</i> Compound words with the first component <i>zemle-/zem(n)-</i> (the 19 th century Russian neologisms).....	100

Phraseology

<i>Shulezkova S.</i> Phraseological units with component “ангелъ” as the object of description in “Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language”.....	115
<i>Generalova E.</i> Straight meat and curved milk: metaphorization of the concepts of straightness and curvature in the fixed word-combinations in Russian of 16 th –17 th centuries.....	130

Lexicography

<i>Kostyuchuk L.</i> Relevance of synchronic-diachronic findings in practical lexicography (to the 55 th anniversary of the message to the first publication of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data).....	143
<i>Kovalenko K.</i> Some methods of the lexicographical work used by compilers of Russian handwritten lexicons.....	153
<i>Semenov P.</i> The specific features of forming “nests” of Church Slavonic words in the “Dictionary of Russian Academy”.....	160
<i>Diaghileva I.</i> Based on my experience of working on the Dictionary of the 19 th century Russian.....	172
<i>Patroyeva N.</i> The Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological bases of the lexicographic project.....	178

Sources for Lexical Studies

<i>Shchekin A.</i> Documents of land surveying of 16 th –17 th centuries as sources for the history of plants denominations in the Russian language.....	195
<i>Korkina T.</i> Kevrola customs book dated 1710 as a source for linguistic studies.....	202

Personalities

<i>Grusdeva E.</i> Boris Larin. Childhood. Youth. College years (biographical sketch). For the 125 th anniversary of his birth.....	217
<i>Sudakov G.</i> F.I. Buslaev as lexicologist.....	234
Summaries and keywords.....	249
Table of contents.....	256

Научное издание

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 1 / Институт лингвистических исследований РАН / Ред. Е.В. Генералова, В.Н. Калиновская, И.А. Малышева, М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. — 256 с.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской академии наук*

Подписано к печати 28.12.2018
Формат 60x90 1/16

Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано в типографии

Подготовка оригинал-макета
К.И. Коваленко.

Материалы сборника доступны в электронном виде
на сайте ИЛИ РАН:
<http://iling.spb.ru/books/slavlex/issue2018-1.pdf>